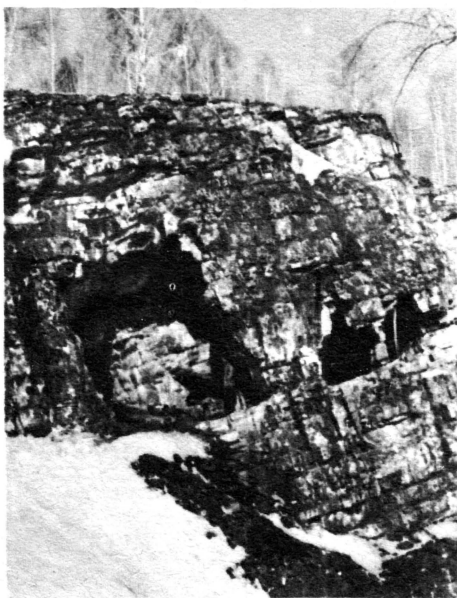

уральский

следопыт

№1 *** 1977

УРАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Много еще непрочитанных страниц древней истории Урала. Особенно мало мы знаем о духовном мире далеких предков.

Древние наскальные изображения, писаницы... Они известны науке давно. Уже в 1705 году об Ирбитском Писаном камне сообщает шведский ученый Николай Витзен. Но еще раньше Семен Ремезов нашел рисунки в Кунгурской пещере (позже они, увы, были уничтожены). И в нашем веке охровые росписи привлекают внимание исследователей. Советский археолог В. Н. Чернецов написал фундаментальный труд о наскальных изображениях Урала. Стало ясно, рисунки сделаны древними финно-уграми, прямыми предками современных манси. Примерное время возникновения на Урале традиций нанесения на камни изображений — около 6—5 тысяч лет назад.

Но ведь в знаменитой Каповой пещере возраст рисунков 10 тысячелетий. Значит, между палеолитической живописью и писаницами мало общего? Но с другой стороны: ведь именно в тех областях земного шара, где есть палеолитические рисунки, позднее появились на скалах рисунки, крашенные охрой. Преемственность? Традиция?

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. Ефремов УПРЯМЕЦ	2
НТ-77	8
ВЫШКА-САМОСТАВ	10
В. Петрин, В. Стефанов УРАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ	11
Е. Шумилов ЗОДЧИЙ СЕМЕН ДУДИН	12
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	15
Б. Никонов ПОЛЕТ В НАДЕЖДУ	17
М. Никонова МОЙ СЫН	43
Е. Кончин РАССКАЗЫ КОЛЛЕКЦИОНЕРА	44
Н. Китаев, Н. Ермаков НЕВЕРОЯТНО! И ВСЕ ЖЕ!	47
Н. Зайцев СТОЛИЦА МОРСКИХ ПИРАТОВ	51
Г. Цветков, Н. Субботина, В. Лаптев, С. Захаров СТИХИ	52
В. Юдин ЗАВОД НА АЛАПАЙХЕ	54
Н. Барсов ПРОКУРОР ПИШЕТ РОМАНСЫ	55
С. Другаль ТИГР ПРОВОДИТ ВАС ДО ГАРАЖА. Рассказ	56
Ю. Нисковских ПОДАРОК ХАСОВО ОКОТЭТТО	67
В. Петров РУССКИЕ САМОЦВЕТЫ	68
И. Костылев СЛОВО О РИФЕЕ	69
А. Демченко ОЛЕНИЙ ПАРК	70
СЧАСТЛИВОГО ПОЛЕТА!	72
А. Татаринцев «САМОРОДНАЯ МУКА»	73
Е. Виллахов АЛДАН — СОРРЕНТО	74
И. Каплун ТАБЛИЦЫ БРАДИСА	75
В. Харитонов ВЕРСТЫ ВСАДНИКОВ	76
МИР НА ЛАДОНИ.	78

Редакционная коллегия*
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь)

Художественный редактор —
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА,

Адрес редакции:

Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,

ул. 8 Марта, 8

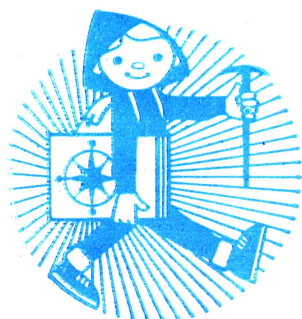
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/IX 1976 г.,
НС 13183
Подписано к печати 16/XI 1976 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,1
Тираж 275 000.
Заказ 528.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49,

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Оформление 2-й стр. об-
ложки З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1977 г.

№1 * 1977

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

УПРЯМЕЦ

**Борис
ЕФРЕМОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Ночной сторож Андроновской фермы явился в тот вечер на дежурство не поздно и не рано — в самую пору: дойка только что закончилась. С двенадцатилитровыми ведрами в руках, расплескивая на цементный пол горячую, дымящуюся воду, спешили доярки от железной бочки к замесам в деревянных ларях; пахло распаренными концентратами и пыльной соломой; успокоенные коровы лениво помахивали хвостами.

По дорожке между загонками прошелся сторож в конце фермы, остановился у загонок, возле которых возился желтоволосый парень. Посмотрел, как тот выливал в ларь воду, размешивал запарку, еще добавлял воды...

Так всякий раз начинал сторож свое ночное дежурство — первым делом подходил к кайгородовским загонкам — либо поговорить, либо так, полюбоваться скорой работой дояра. Посмотрит, посмотрит и как-то потом вроде дежурство легче покажется, на душе повеселеет. Но сегодня не повеселело. Стало по-стариковски грустно и одиноко.

— Эх, Ванюх! — окликнул он Кайгородова. — Последний день, что ль, сегодня?

— Ага, — кивнул Иван. — Последний.

— А там ведь, слышь, дрянь ферма-то, на центральной...

Иван резко обернулся, но даже при этой резкости примечалась плавность и мягкость.

— Ну так что теперь-то? — сказал он, не отрываясь от дела. — Вещи уж на центральной усадьбе, семья квартиру обживает, так...

Он не договорил, вернее — невыпалил (так быстро срывались с его пухлых губ летучие слова); в руках громыгнули цинковые ведра; Иван поспешил к бокастой бочке. А сторож, вздохнув и покачав головой, вышел на скотный двор, над которым гасло вечернее небо — тени уже собирались в бледно-зеленой глубине, проколотой звездными блестками. Присел на скамейку, полез в карман старенькой телогрейки и ничего не нашел там.

— От, старый дурень! Табак забыть — едино что голову...

Делать, однако, нечего, он заковылял по разбитой дороге к дому. А когда вернулся на ферму, уже обезлюдившую и затихшую, то чуть не присел от неожиданности: не было ни самого

Кайгородова, ни его коров. Стояли кормушки с соломой, в стойлах желтела подстилка, а коров как не бывало.

Кое-как свернул сторож самокрутку, сунул ее в рот и вышел на воздух. И тут приметил листок на наружной стороне ворот, ярко белевший в лунном свете. Чиркнул старик спичкой, всмотрелся в буквы: «Коров угнал в Сладково. Кайгородов».

Старик так и взвился:

— Да я уж тебе угоню! Да я ж тебе напишу записки! Да я ж тебе...

И андроновский сторож второй раз за дежурство посеменил по разбитой дороге — к конторе, к телефону.

Подминая напавшую за ночь листву, директор совхоза «Сладковский» Филипп Андреевич Кайгородов почему зря крестил белый свет. Размашисто шагая по главной улице усадьбы, кивая головой редким прохожим, он думал об одномилльце и сердился все крепче.

«Распустился передовичок! Мыслимое ли дело — самовольно перегнать коров в другое отделение! Да ведь если каждый будет уводить за собой коров — от лучшего андроновского стада ничего не останется. Уволю! Выгоню к чертовой матери. Другим наука будет».

Филиппа Андреевича еще больше разозлило, когда, вопреки предположению, он не увидел Ивана у дверей кабинета. Поздней ночью, запиской (пришлось вызывать посыльного), директор направил дояру приказ быть в конторе к шести утра. Часы уже показывали шесть, а Кайгородова не было.

— Все к одному, — сказал, хмурясь, директор и, часто поглядывая на часы, занялся вчерашними сводками. Не было Ивана ни в семь, ни в восемь. Директор хотел было второй раз вызывать посыльного, как дверь раскрылась, и с кепкой, скомканной в руке так, что виден был лишь голубой козырек, вошел Кайгородов.

— Ну-ну, ну... — протянул Филипп Андреевич. — Как прикажете понимать, товарищ Кайгородов? (Когда директор переходил на «вы» да и еще навеличивал «товарищем», ничего хорошего ждать не приходилось). — Что же, слова мои для вас, как ветер в поле?

Скороговоркой, нимало не смутясь, Иван ответил:

— К шести не мог, с шести раздача кормов, а там дойка.

— А разрешите узнать, кого это вы доить изволите? — повысил голос директор.

Иван удивился такому вопросу — в ночной записке ясно было сказано: «прийти по делу угона коров».

— Так как кого, Филипп Андреевич? Коров же.

— Каких таких коров? Ведь мы вам еще и группу не дали. Кого ж вы кормили-доили.

— Так каких я пригнал-то...

Филипп Андреевич топнул ногой.

— «Я пригнал-то»? Они что, коровы, ваши? — и отшвырнул от себя стопку сводок, веером разлетевшихся по столу. — Может, со вчерашнего дня и совхоз вашей собственностью стал? Ну-ка, что скажете?

Ответ Ивана поразил директора пуще грома. Крепче сжав в кулаке бело-голубую кепку, Кайгородов сказал тихо, но твердо, будто стальной щит выставил:

— Совхоз — ваш, коровы — мои.

— Что... что такое? — директор даже привстал за столом.

— Я ее готовил, группу-то. Выращивал. Раздаивал. А потому отвечаю за них. Вы — за совхоз, я — за коров.

Может быть, в этот момент стало надламываться настроение директора, однако трудно, почти невозможно было, как раскрученному маховику, остановиться ему, и он еще долго возмущенно кипел:

— Сегодня же отогнать коров в Андроново! Вот поотбивались от рук. Вот дела-то!...

А поскольку Иван Кайгородов молчал, рассматривая кепку, то директор вспылил круче прежнего — вспыхнул, как сухая сосновая ветка:

— В молчанки будем играть?!

— Коров я, Филипп Андреевич, перегонять не буду. Без них мне не работа. Лучше увольняйте.

— Уволю!

— Увольняйте.

Иван расправил кепку, надел ее наискось лба, чтоб не лезли в глаза льняные пряди, и, повернувшись, плавно шагнул к двери.

— Сегодня же принесите заявление! — крикнул вослед директор.

Кайгородов раскладывал по кормушкам запаренную солому, хмурил лоб, злился на свое опрометчивое «увольняйте»: «Дернуло же за язык. Ведь уволит — глазом не моргнет. А коров можно было и так перевести. Потом. Позднее. Убедить зоотехника, парторга да и директора самого. Жаль, что так по-дурному вышло. Ну, да что теперь...»

Настроения у Кайгородова не было с утра. Все намеривалось подпортить его. Ферма показала унылой и мрачной, настолько несовременной, непохожей на Андроновскую, что Иван только головой покачал: прав был сторож!

Очень не понравилось Кайгородову, что доярки приходили на ферму с опозданием; кое-как, в великой спешке, будто кто торопил, разбрасывали по кормушкам запарку; резаная солома падала под ноги коровам, дорожками была рассыпана по цементному полу.

Не понравилось Кайгородову, как готовились аппараты к дойке — они, в общем-то, и не готовились вовсе; их брали из склада-комнатки, не обработав, подключали к установке и пускали в дело.

И уж совсем не понравилось Кайгородову, когда бригадир фермы Клавдия Даниловна Исакова на Ивановы слова «с такой организацией

нечего ждать проку» — смирла его презрительным взглядом:

— Ты смотри-ка, яйца курицу учат. Молод еще, мальчик, советы давать.

К полудню вдруг выяснилось, что загулял скотник Голяков, а это значило, что никакого подвоза кормов не будет, что коровы останутся на голодном пайке. Склоняя Голякова и так и этак, доярки разошлись по домам на дневной перерыв. Иван остался на ферме. До блеска выскреб деревянный ларь, раздал коровам остатки кормов и напрямик в контору. В коридоре столкнулся с директором.

— Ты что, с заявлением, что ли?

— С каким заявлением? — Иван уже успел забыть про него. — Я за лошадью. Лошадь нужна. За кормами.

— Пстой, пстой. Кому лошадь-то, когда ни одного скотника на месте нет? Я вот как раз пришел разбираться.

— Сам поеду. Покуда вы разбираться будете.

Хорошо, вольно было катить в нарощенной телеге, улавливая взглядом осеннюю яркость леса, матовую черноту пахоты, сверкающую желтизну стогов. Так бы вот, плюнув на все, ехать да ехать по мягкой пыльной дороге, поглядывать по сторонам и — чтоб мыслей о ферме не было. Но они были, мысли. Как ось в колесе. Все вокруг них крутилось.

На силосной яме Кайгородов и двадцати минут не побыл. Принес навильников сорок — добрый воз получился. И снова в дорогу. По осеннему красочному проселку.

Сделал Кайгородов в тот раз ездок шесть, уложился в четырехчасовой перерыв. Доярки пришли на ферму и, увидев гору силоса, подивились:

— Никак Голяков появился?

— Появится, ждите, — сердито отозвался Иван, разгибая одеревеневшую спину.

— Это что же — ты, Ваня, съездил? — догадались вдруг доярки. — Гляди, какую кучу навез! Ну, молодчина!

И тут же — за шутки:

— Может, бабы, на пенсию нам всем пойти?

— А что так? Вроде рано еще...

— Так ведь, если разобраться, лишние мы тут.

— Почему это?

— Ванюша за всех справится. Корма привезет. Коров накормит. Да и подоит — за одним уж.

Зло разобрало Ивана:

— А давайте — катитесь! Скатертью дорожка. Лишние вы тут. Правильно сказали.

Это, в свой черед, задело за живое доярки:

— Вы смотрите-ка, лишние мы тут! Как это лишние?

— Да так. Пешки пешками. На ваших глазах ферма разваливается, а вы глаза позакры-

вали. Скотники пьянствуют, а вы терпите. Теряете сотни килограммов молока из-за них, сотни рублей недополучаете, а терпите. Бригадир бездельничает, а вы и это терпите.

— Ишь распетушился,— сказала молчавшая до этого Любовь Лаврова.— Ты перед бригадиром попетушись. Вон она идет. Давай пробуй.

Кайгородов обернулся к входной двери; действительно, по проходу между загонками шла Клавдия Даниловна Исакова; шла порывисто, нервно,—видимо, не остались не услышанными последние Ивановы слова. Кайгородов поначалу растерялся было: не хотелось начинать разговор с бригадиром вот так, как бы из-за спины. Но и не начинать нельзя было. Насмешливо смотрели доярки. Да и накопилось предостаточно.

— Вот что, товарищ бригадир,— начал он не по-кайгородовски медленно, внятно, подбирая слова.— Я заводил утром разговор. Продолжим его. Сегодняшний день, думаю, показателен. Вот скотник не вышел...

— С вами, Кайгородов, у меня разговор будет предельно краток,— отчеканила Исакова.— Можете домой идти. Мне сплетников не нужно,— повернулась и пошла. Иван не понял: что значит, «сплетников»? Кому он что сплетничал?

Доярки начали расходиться по корпусам. Кайгородов и Лаврова шли вместе — их корпуса были соседними.

— Ты что, шуток не понимаешь? — тихо выговорила Лаврова.— Я тебе в шутку, а ты понес. Да и про скотника — совсем ни к чему. Она же шьет вместе с ним.

— Тем более,— глухо отозвался Иван и, помолчав, добавил:— жаль, дойка начинается. А то бы...

— Что «а то бы»?

— Да так. Ничего. Почему она меня сплетником назвала?

— Так ведь директор сейчас тут был — не ты ему пожаловался?

— Вон что! — закипел Иван.— Пока что не жаловался никому, а надо бы. Сказать, надоумила...

Часам к двенадцати следующего дня Кайгородов спешил к правлению совхоза. Шел, шумно шурша густо напавшими листьями; все больше и больше становилось их — листопад набирал силу, раскручивался золотой каруселью. Еще издали, у низкого ступенчатого крыльца, приметил Кайгородов машину парторга. «На месте», — подумал, но тут дверь правления открылась, и на крыльцо вышел сам Хворов; «газик», почихав, завелся; пришлось Ивану убыстрить шаг, крикнуть парторгу:

— Василий Семеныч! На минутку!

— А-а, развальщик дисциплины! — устало усмехнулся парторг.— Что ж это ты — дня

не успел проработать, а на тебя уже докладную подали? Как так?

«Опередила», — подумал Иван.

— А я тоже с докладной,— сказал он.— Только в устной форме.

— На кого докладная-то?

— О ферме докладная. Скверные дела на ферме. Никудышные. Все там с головы на ноги надо ставить.

Парторг спешил на зерноток.

— У тебя есть время?

— Часа три.

— Тогда садись в машину.

Когда «газик» набрал скорость, Хворов повернулся с переднего сиденья, облокотился на спинку левой рукой:

— Давай свою докладную. Выкладывай...

За будничными заботами прошла зима. Мороз спал неожиданно. Старики поговаривали, что еще недельки полторы продержатся холода — за это были все приметы. Как-то под утро, только разлилась в воздухе матовая серость, потянуло с юга теплыню; в час-другой уличные сугробы потеряли белизну, повлажнели; с крыш заслезились стеклянные сосульки. Сладковцы ждали вечера — думали, подморозит, и покроется слякоть леденистой коркой. Однако южный ветер продолжал гулять над раскисшей землей.

Иван шел к ферме. Была она рукой подать от Иванова дома, а тут отдалилась на полчаса ходьбы — пришлось дать большой крюк, выбирая сухой путь.

За жердевой изгородью он увидел Голякова, сгружавшего силос.

— Ну как, Николаич? Силосу-то много?

Николаич буркнул что-то под нос и продолжал сгружать зелень, не взглянув на Ивана.

Кайгородов знал, что силосу кот наплакал, что осталась одна резервная яма, не считая того немногого, что пока не выбрали; знал об этом Иван, но спросил — чтобы не проходить мимо бессловно: обижался на Кайгородова скотник.

После того, как уволили бригадира фермы, Голякова трудно стало узнать. Не гулял уже месяца три. Помрачнел, но держался. И работал так, что все диву давались — один обслуживал сто сорок коров, тогда как остальные пять скотников немногим больше двух сотен. «Все деньги загребешь, Николаич», — подсмеивались доярки. «Ничо,— отвечал тот, не глядя на женщин.— Будете работать, как Кайгородов, может, и вам перепадет». Одна отговорка была у Голякова, и, припомнив ее, Иван усмехнулся: стало быть, обижается. А напрасно все-таки. Напрасно.

Все шло привычным чередом. Получив долю силоса, Иван разложил его в кормушки — Таблетке и Звездочке, как рекордсменкам, побольше, остальным поменьше, по вчерашним расчетам,

и, пока коровы сочно хрустели силосом, начал обмывать теплой водой розовые, с фиолетовыми прожилками, набухшие соски животных. От приятной теплоты коровы переступали ногами; оглядываясь, косили на Ивана добрыми маслянисто-черными глазами; тихо взмыкивали.

Темнело на ферме. Пора было зажигать свет, но лампочки почему-то не загорались. Противоположную сторону корпуса уже застлало так, что чуть белели халаты доярок. В это время в помещение вошел Виталий Петрович Томилов — новый бригадир. Низкорослый, широкий в плечах, он, будто футбольный мяч, выкатился на середину прохода, сказал, чтоб слышали все:

— Электричества нет. Ни у нас, ни в селе.

Ждали долго. Трепетала в красном уголке свечка, с трудом вытесняя за оконные переплеты темень. Наконец, оплавившись до дна блюда, она пыхнула и погасла. С полчаса посидели во мгле.

— Что ж, по домам,— проговорил с частыми перерывами Томилов. — Но — просьба. Дадут электричество — бегом сюда. Не дадут — подождем до утра. Засветло — чтоб здесь. И так — в надеях потеряли...

Выходя во двор, Иван Кайгородов слышал встревоженное мычание коров. «Может,— думал он,— взять фонарь да подоить вручную? Нет, не управиться — тридцать восемь коров»...

По непролазной грязи Кайгородов добрал до улицы, заметил полузатянувшиеся следы от «Беларуса». Прошел еще несколько шагов. Вот и трактор, темнеет впереди расплывчатым пятном. «Сосед, наверное, седьмой сон осматривает», — сказал он себе и вдруг идея османила его. Он припустил по следу, хлюбая жижей.

Сосед действительно спал. Недовольный поздним гостем, откинул крючок, впустил Ивана, зажег лампу.

— Что это тебя носит впотьмах? Случилось что?

Подкручивая фитиль, он слушал кайгородовскую скороговорку, но со сна так ничего и не понял.

— Ты повнятнее. Свету нет... Так я, что ли, доить твоих коров буду?

— Да ты что? — рассердился Иван. — Не проснулся еще? Мне движок тракторный нужен. Движок и соединительный шкив. Подгони трактор к ферме и иди дрыхни. Понял или нет?

— Ну, знаешь!... Не был бы ты соседом — двинул бы по шее. Спать не даешь...

Тракторист поворчал, поворчал, а все-таки эделся, подогнал трактор к ферме — к той стороне, где стоит электродвигатель доильного агрегата, соединил его шкивом с тракторным движком, протянул к стойлам переносной шнур с лампочкой и пошел к кабине, крикнув Ивану:

— А теперь до утра — на пушечный выстрел не подходи!

«Теперь-то не подойду,— подумал Кайгородов.— Спи-дремли».

В белом свете переноски Иван прикрепил стаканы доильного аппарата к соскам крайней коровы, подключил доильный аппарат к трубопроводу. Приглушенно запульсировало в резиновых шлангах вспененное молоко.

Вскоре после «ночной смены Кайгородова» (так окрестили этот случай в устной летописи сладковцы) на ферме появился новичок, Николай Кудашов, невысокий крепыш, резкий в движениях и слове.

— Ну, бабы, держитесь! Мужичья бригада набирается. Уже двое, да еще сынишка Любки Лавровой день-деньской возле Ивана крутится. Как бы не попросили нас с фермы,— Анна Михайловна Рямова сказала эти слова с такой серьезностью, что доярки покатились со смеху. Дождавшись, когда женщины просмеются, Николай Кудашов, новичок, тоже с серьезным видом заметил:

— А вы что, не знали разве?

— Чего не знали? — поинтересовались доярки.

— Так ведь на ферме будет мужская бригада. Пятнадцать парней заявления подали.

Женщины замолчали, переглянулись, обрушились на Ивана:

— А ты что молчал? Знал ведь, небось?

Кайгородов, с трудом пряча в пухлых губах смешок, поддержал шутку новичка:

— Знать-то знал, да раньше времени не хотелось расстраивать.

Ивану понравилось, что новичок сразу вот так, с шуточками, вошел в коллектив — сам-то Кайгородов вживался не просто и не быстро. Нравилась ему в Кудашове добрая настыринка: видел Иван, как нелегко дается парню работа, но без уныния и хмурости делал ее Николай, частенько даже подтрунивал над своей неумелостью. Только однажды сказал Кайгородову:

— Может, и правда бабское это дело? Руки какие-то не такие.

— Руки приучатся,— ответил Иван. — Ну, а насчет дела — это ты зря. Самое что ни на есть мужское дело. Будь моя воля — ни одну бы женщину не подпустил к ферме, пока не отвыкнем от вил и лопат.

Как-то утром, входя в помещение фермы, доярки услышали, как Иван поучает Николая:

— У меня, например,— говорил Иван,— тетрадь есть. Каждый день записываю, какая корова сколько съела, сколько молока дала. Это полезная штука. Необходимая. Знаешь, какой корове сколько корма надо.

— Смотри,— говорил Иван немного погодя. — Моднице я навильник даю. Модница, она и есть Модница. Ее как ни корми — больше десяти литров не даст. Навильник ее норма. А вот Звездочка все четыре съест, так от нее и отдача

чуть ли не в три раза больше. Правильно кормить коров — это, брат, наука целая.

Женщины столпились у входа.

— Та-ак! — звонко врезался в мужской разговор голос Вали Голяковой. — Пришли чуть свет и секретничаете, значит?

— Тихо ты, застрочила, — легонько пришишкнула на Валентину Нина Тимофеевна Устюгова, потом уж — Ивану — добавила:

— А что, Ваня, может, и нам полезно будет послушать, о чем вы тут.

Иван прислонил вилы к дощатой стенке загона, стряхнул клоч сена с плеча.

— Отчего ж нельзя послушать? Было б вам интересно, а мне что — язык без костей...

Где-то перед самым Днем животновода в партком позвонили из района: срочно присылайте передовиков фотографироваться на Доску почета, фотограф будет ждать там-то... Машина у парторга была на ходу, и он намеревался управиться с фотографированием по-быстрому — передовиков было на один рейс. Василий Семенович объехал все фермы, кроме Сладковской, собрал всех доярок; дело острялось за Иваном Кайгородовым. «Этот быстро соберется, по-солдатски», — думал парторг, подъезжая к животноводческому городку. Хворову почему-то припомнилось, как недавно предлагали Ивану бригадирскую должность. «Давай иди, у тебя все данные есть». — «Нет, — ответил. — Тут я на месте, а бригадиром всю ферму развалю. С людьми ладить не умею».

Так, с улыбкой на губах, и вошел парторг в помещение.

Иван только что запустил коров с улицы и, легонько пошлепывая по бокам и спинам, загонял их в стойла. Быстро и плавно двигалось его гибкое тело; сочно позвякивали замыкавшиеся цепи; дробно стучали о цементный пол копыта.

— Давай собирайся, — пробасил парторг.

— Куда это?

— В район поедем. Сниматься.

Ивана как будто подменили — куда настроение девалось.

— Сниматься не поеду.

— Да ты что? Все наши едут. И машина уже на улице. Сейчас мы тебя — до дома, переоденешься и...

— Не поеду. Как-нибудь без меня.

— Так ведь надо же! День животновода.

Понимаешь?

— Не могу.

— Что значит не могу? Не пешком ведь — на машине.

— Не могу. Скоро дойка.

Терпенье у парторга лопнуло, как перетянутая струна.

— Что ты заладил: дойка, дойка! Подоят без тебя. Накажем Николаю.

— Да в конце-то концов! — в тон Хворову заговорил Иван. — Я-то почему должен ехать?! Пусть, раз надо, едут сюда и фотографируют. Я — на рабочем месте. Работаю. Почему я должен терять время?

Парторг только руками всплеснул:

— Я же тебе русским языком говорю — Николай группу твою подоит.

— Николай здесь ни при чем. Коровы мои — я и должен доить.

Так и ушел ни с чем Василий Семенович Хворов.

— Сколько ждать-то можно! — ворчали в «газике» доярки. — Иван-то где? К кормушке прилип?

— А-а! Ну его к шуту гороховому. Без него поедем.

«Газик» все дальше и дальше отъезжал от центральной усадьбы совхоза «Сладковский», а в это время на ферме, в корпусе, соседнем с кайгородовским, Андрюшка Лавров с матерью разбирал и чистил доильный аппарат.

— Теперь я соберу его. Засаекай время, — говорил сын, и мать засекала время на своих «кирпичиках», с улыбкой посматривая на быстрые мальчишечьи руки.

Поблизости случился Кайгородов — шел через корпус на скотный двор. Услышал разговор, остановился, потянулся взглядом к своим часам: «Ну-ка, ну-ка, поглядим». Только вчера показывал он мальчишке, как разбирается-собирается аппарат. Понаблюдал Иван, понаблюдал и пошел своей дорогой, улыбаясь.

— Ну? — звенел голос Андрюшки Лаврова. — Получается? Правда, мам, получается?

— Получается, сынок. Хорошо получается, — говорила мать, опуская руку на жесткую шевелюру Андрюшки.

ЛЕДЯНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ • СОРОК ГЭС
НА ЕНИСЕЕ • СКВОЗЬ ВЕЧНУЮ
МЕРЗЛОТУ • ПЕЧКА ПОДО ЛЬДОМ
• КОСМИЧЕСКАЯ НИВА • СИБИРСКИЕ
МАНУСКРИПТЫ

Игарская «мерзлотка»

Первые строители Игарки пришли на берег Енисея в 1929 году. Народ собрался тут разный — волжане и прибалтийцы, уроженцы Западной Сибири и Средней Азии. В тот год спешно строили дома, тянули линии электропередач, насыпали дороги. Строили по-своему, так, как у себя на родине. Вот и получилось, что при закладке зданий было использовано девять различных типов фундаментов. Был в этом свой умысел: грунт в Игарке необычный, мерзлый, неизвестно, какой фундамент ему нужен...

А через 3—4 года в новом городе стали происходить загадочные, неприятные явления. Ни с того ни с сего свежесрубленные дома коржились, прогибались. Один угол у них поднимался, другой опускался. В окнах лопались стекла, двери не заходили в косяки.

Исследованием вечной мерзлоты ученые занимаются давно, но в широких масштабах работы развернулись в советское время. Мерзлотоведом понадобилась лаборатория. И в 1936 году в Игарке началось строительство научно-исследовательской станции (ныне она входит в состав Сибирского отделения АН СССР). Шахту «мерзлотки» рыли вручную, причем только зимой.

Наш гид сотрудник станции Павел Алексеевич Евдокимов сообщил, что в подземелье нет ни одного искусственного крепления. Даже в самые жаркие летние дни температура в шахте постоянная — минус семь градусов по Цельсию.

Наружные строения станции — два обычных деревянных домика. В одном из них мы надеваем полуботки (на улице в то время стояла жара) и опускаемся по вертикальной штольне на восьмиметровую глубину. Перед нами в мерцании освещенных стен открылся слабо освещенный тоннелеобразный коридор. Длина его — сорок шесть метров. По обе стороны — двери девяти комнат — лабораторий.

В конце коридора нам показали свежий вертикальный срез грунта. Вечная мерзлота здесь похожа на слоеный пирог — слой глины, слой чистейшего льда. Чем глубже, тем мощнее прослой. В районе Игарки толщина «пирога» 34,5 метра, а в Якутии — 1700 метров! Нетрудно представить, что произойдет, если ледяные линзы растают. На территории станции паровыми иглами пропарили участок мерзлоты

8×8 метров на глубину 15 метров. И что же? Образовалось искусственное термокарстовое озерцо глубиной три метра.

Однако при всех неприятностях, которые доставляет мерзлота, она может послужить человеку и на пользу. Ведь мерзлота — это безразмерный холодильник для хранения продуктов питания, различного сырья. Летом 1973 года на Таймыре был найден склад продовольствия известного полярного исследователя Э. Толля. Овсяная крупа этого «депо» хранится в вечной мерзлоте с 1900 года. Специалисты выяснили, что «Геркулес» почти не потерял своих питательных и вкусовых качеств — каша из овса 73-летней давности ничем не отличалась от блюда из урожая 1973 г.

Мерзлота оказалась полезной при строительстве некоторых шахт (отпадает надобность в крепежных работах и откачке грунтовых вод), закладке фундаментов. Теперь все чаще дома на Севере сооружают на сваях, а установка их обходится даже дешевле, чем строительство обычных фундаментов в средней полосе. Такие дома на «курьих ножках», под которыми мерзлота никогда не протаивает (зимой гуляет метель, летом здесь тень), хорошо зарекомендовали себя в Норильске и Якутске, Мирном и Анадыре.

Работают ученые и над использованием мерзлоты для хранения музейных и исторических ценностей. Одна из комнат Игарской «мерзлотки» приспособлена под музей. Здесь мы увидели отлично сохранившихся представителей фауны Севера — таймырского орла, глухаря, куропатку, осетра, стерлядь... Здесь же под ледяными пластинами хранятся труды ученых по мерзлотоведению, в том числе основателя советского мерзлотоведения Михаила Ивановича Сумгина.

В 1950 году игарчане замуровали в музей капсулу с обращением к потомкам и полными комплектами центральных газет за весь период Отечественной войны 1941—1945 годов. Эта капсула будет вскрыта 9 мая 2045 года, в столетнюю годовщину победы над фашизмом.

Словом, с каждым годом вечная мерзлота все увереннее заступает на службу человеку. Мерзлота-враг становится и мерзлота-другом.

Юрий
ЧЕРНОВ

Мощь Сибири

В десятой пятилетке предусмотрено ускоренное развитие в Сибири энергоемких производств, потому что энергии Сибири не занимать... Она богата не только минеральными ресурсами, но и энергетическими. Лишь Енисей и Ангара «владеют» четвертой частью запасов гидроэнергии всей нашей страны. Эти запасы в 3,5 раза превышают масштабы одного из крупнейших в мире каскадов гидроэлектростанций на реке Колумбии в США.

На Енисее и его притоках, под считали недавно специалисты, может быть построено более сорока ГЭС мощностью 70 миллионов киловатт, причем, сибирская электроэнергия в пять раз дешевле той, что вырабатывают гидроэлектростанции на Волге и Каме. В районе Канско-Ачинских угольных бассейнов предполагается построить десять крупнейших электростанций — такого созвездия ТЭС в нашей стране еще не создавалось.

Идем под землей

Мировая практика еще не знает надежных методов бурения вечномерзлых пород. И это одна из главных трудностей, какие преодолевают строители Байкало-Амурской магистрали. А предстоит на всей трассе «поставить» около 3500 искусственных сооружений. Лишь общая длина туннелей на БАМе составит двадцать восемь километров. Вода, разломы, трещины, наледи позволяют проходить всего лишь пятьдесят метров туннеля в месяц. Повысить темп проходки туннелей — проблема БАМа, которую должны решить ученые в ближайшее время.

Тепло сквозь лед

Тепла, которое отдают естественные источники Сибири и Дальнего Востока, могло бы хватить для

бытовых нужд нескольких городов с населением до полумиллиона жителей. Этим не исчерпывается тепло сурового края, мощности можно существенно увеличить, если пробурить к горячим недрам скважины и дать выход горячей воде через мерзлые горные породы.

Но — препятствие... Мерзлота начнет таять в районе скважин и под водоводами, разрушая их. Решением этой важной для освоения Севера проблемы занят в десятой пятилетке Сибирский энергетический институт.

Книги предков

Открытия ждут в Сибири не только геологов, но и филологов, исследователей культурного прошлого этого края...

Недавно новосибирские ученые отыскали рукописи и старопечатные книги, иконы из так называемого каргасокского собрания поморцев-новоданиловцев. Это собрание насчитывает более ста книг — «Часовник» (1630 г.), «Поучения Ефима Сирина» (Москва, 1647 г.), «Торжественник» (рукопись 1812 г.) и другие.

За десять лет сектор истории книги библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР собрал в сибирских селах и городах около 1200 древних манускриптов и старопечатных изданий.

Лунная пшеница

Нет сомнений, что на Луне будут созданы научно-исследовательские базы и люди будут жить там подолгу. Смогут ли они иметь на пустынной Селене огород или даже маленькое поле пшеницы?

На этот вопрос отвечает эксперимент, проведенный в Институте физики имени Л. В. Киренского в Красноярске. На Луне сутки длятся почти земной месяц: пятнадцать земных суток светит солнце, затем такое же время — ночь. В этом лунном ритме смены дня и ночи исследователи и выращивали пшеницу, а также морковь, салат и другие овощи. Ночь, например, создавали в специальных холодных камерах.

Опыты показали, что на Луне земные растения жить могут. В особых оранжереях, разумеется, снабжаемых кислородом. А палящий солнечный свет придется там «разбавлять» с помощью фильтров, иначе растения погибнут от жесткого ультрафиолета, ибо на Луне нет защитной атмосферы.

Птичник без запаха

Во всем мире ученые предлагают новые и новые способы очистки воздуха на фермах и птичниках. Но все они либо дороги, либо малоэффективны.

В Институте неорганической химии Сибирского отделения Академии наук СССР получены обнадеживающие результаты. В Тальменском птицеводстве Новосибирской области проведены испытания установки, очищающей от аммиака, пыли и микробов полторы тысячи кубических метров в сутки. К тому же, установка снабжена приставкой-дезодоратором, которая «перебивает» специфический запах птичника.

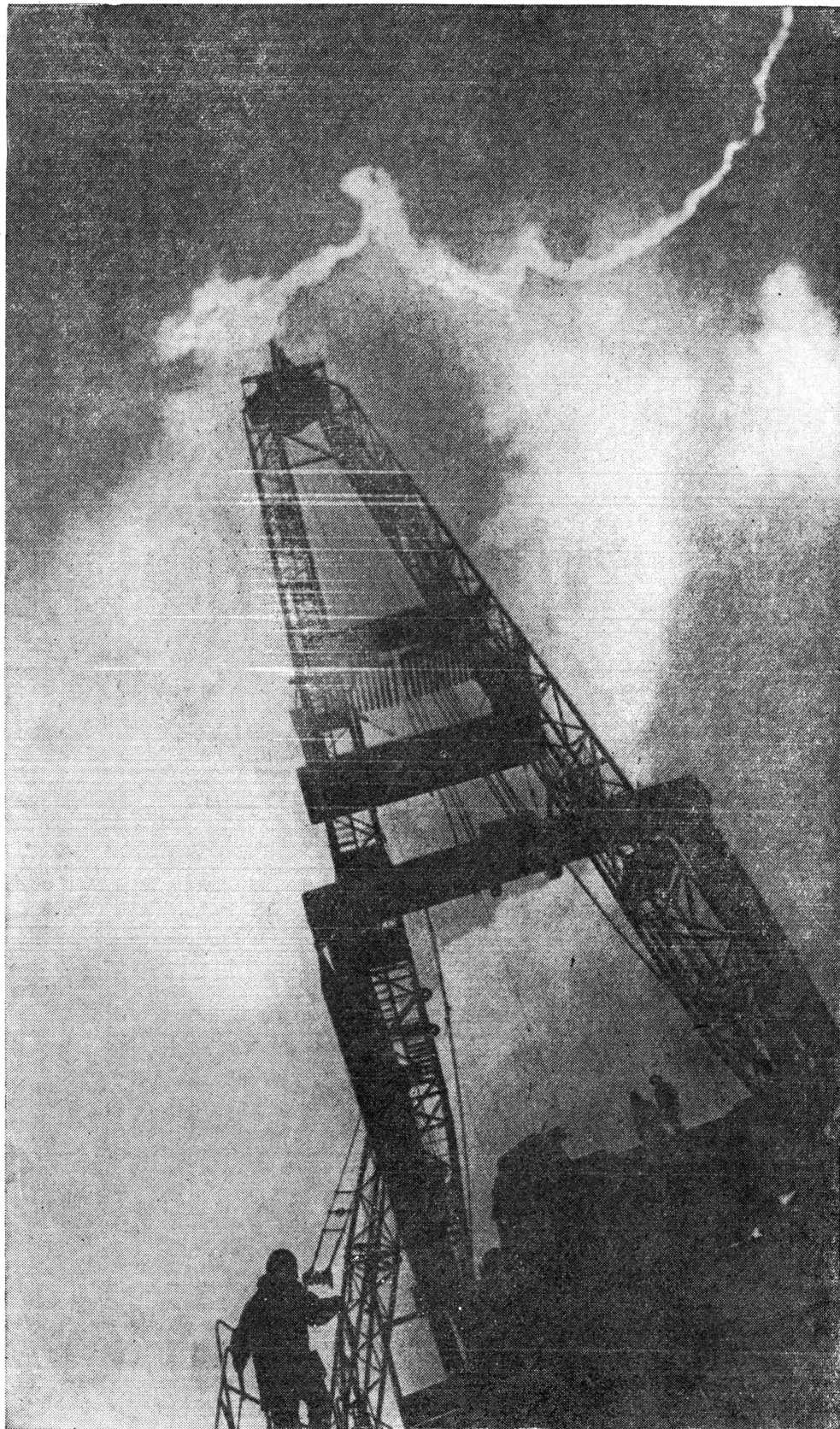
В десятой пятилетке:

будет продолжена работа по созданию оригинальных источников колебаний и регистрационной аппаратуры с обработкой информации на ЭВМ. Эта новая техника позволит «оглядеть» неисследованные глубины земли сибирской; строится уникальный радиотелескоп с 256 антеннами для наблюдения за источниками излучения Солнца; действуют межотраслевые программы по выведению новых сортов сельскохозяйственных растений — яровых пшениц, ячменя. Работы ведут одновременно десять научных учреждений разных ведомств; концентрируются усилия институтов на решении самых крупных научно-технических проблем. Уже действует 14 координатных планов, каждый из которых объединяет работы от трех до двадцати институтов; создается система научных и специальных библиотек Сибири.

Вышка-самостав

Обычно буровые вышки на месте будущей скважины ставят с помощью тракторов и тягачей. Эта буровая, недавно изготовленная на Уралмашзаводе, сама встает с земли во весь свой пятидесятишестиметровый рост. Делает она это, пуская в ход подъемную систему блоков. Новая буровая установка, рожденная на знаменитом уральском заводе, самая сильная в ряду подобных установок отечественного производства. Ее грузоподъемность — 320 тонн. А долото ее проникает на глубину шесть тысяч пятьсот метров. Именно такую технику для штурма глубинных недр ждут ныне нефтяники, геологи.

Фото
А. Лысякова

УРАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ

**Валерий
ПЕТРИН,
Владимир
СТЕФАНОВ**

См. 2-ю стр. обложки

Надо искать писаницы, расположенные около пещер и в пещерах Урала, чтобы ответить на эти вопросы.

Таких писаниц было известно две — на реке Юрюзани. Одна — в гроте Бурановской пещеры. Вторая найдена в Идрисовой пещере. Это изображение людей. Существенно, что эти писаницы расположены между Каповой и восточно-уральскими пещерами. Поэтому обследование Идрисовой пещеры может дать факты, которые помогли бы связать палеолитическую живопись и более поздние рисунки.

...Ночные улицы Свердловска промелькнули за обледенелым стеклом вагона. Лес, лес, огни городов, полустанков и снова заснеженные склоны гор и лес. К утру железная дорога заменлась вдоль речки. Вокруг — рельеф, непохожий на среднеуральский. Высокие склоны, скалы. Впереди — лыжный переход к пещере.

Идрисовая пещера идет по тектоническим трещинам, ее длина около 100 м. Большие гроты отсутствуют, коридоры низкие. Условия рисования отнюдь не идеальные... А закопченный факелами потолок (кстати, это беда большинства пещер) не оставляет надежд на успех. После темноты пещеры солнечный день просто ослепителен. Сейчас нужно осмотреть предвходную часть. Она довольно оригинальной формы. Несколько в стороне от грота идет трещина, на ее наружной стороне три отверстия. Возможно, в древности эта трещина и пещера составляли одно целое...

Рисунки найти чрезвычайно трудно, все запятнано надписями современников... На одной плоскости

трещины видны пятна краски. Почему же они здесь, ведь речь шла о рисунках в пещере, а то место, на котором нанесены рисунки, весьма условно может относиться к пещере. Но ошибки нет, хотя эти плохо различимые фигурки людей уже известны по публикациям. Стало быть, надежда найти связующее звено между пещерными и наскальными изображениями не оправдалась. Ну что же, занимаясь археологией, как, впрочем, и всякой другой наукой, всегда надо быть готовым к тому, что, казалось бы, логичная гипотеза не выдерживает столкновения с фактами.

Об этом думается под треск костра, хотя расставаться и с маленькой надеждой всегда неприятно. А тут еще и непонятные вопросы. Почему нарисованы только люди? Почему рисунков так мало?

Утро следующего дня кажется не таким ярким и радостным... Тем не менее, надо закончить полный осмотр скалы, в которой расположена пещера, а она вытянулась более чем на 300 м. Для осмотра нужен не столько зоркий глаз, сколько наметанный, дело в том, что многие рисунки скрыты тонкими известковыми налетами и, как правило, едва заметны.

И, как ни странно, когда раздается первый радостный вопль, радости нет. Это, наверное, от желания застраховаться от неудачи, чтобы не пережить вчерашнее разочарование. Но, когда видишь яркие охрянные пятна, а затем различаешь фигуру человека, хочется как-то выразить свои ощущения. Кто кричит, кто-то хлопает по плечу соседа, а кто просто закуривает очередную сигарету. Да, это факт. В 30 метрах от пещеры, по

низу скалы расположено множество рисунков. Начинаем степенный осмотр. Очень любопытно видеть первым изображения, нарисованные за тысячу лет до нас, а может, значительно раньше, и попытаться угадать, что имел в виду первобытный рисовальщик? Предположения сыплются самые разные...

Печально, что от большинства рисунков остались лишь фрагменты. Редко видишь не испорченные временем фигуры. Вот на белом фоне скалы едва различимы очертания косули, выше и ниже изображены люди. Нижняя фигурка крупнее, она изображает мужчину. Эта группа очень напоминает среднеуральские рисунки, но по манере нанесения отличается от них. Вот в другой группе сложное изображение. Может, это закол для ловли рыбы или сложный образ животного? А вот на фоне скалы возникает фигура человека. Да это же пляшущий шаман! Неестественно длинные руки, расставленные ноги. Ну чем не пляшущий в экстазе древний уралец.

Скопировать, сфотографировать, описать рисунки такой плохой сохранности дело не скорое, да и при морозной погоде вряд ли возможно. Этим займется летом специальная группа — археологи, художники, фотографы.

Отметив успех чаепитием, рассуждаем о везении и удаче. Но больше вспоминаются почему-то прежние неудачные поездки. И логично: вряд ли было бы интересно, если каждая разведка будет удачной.

На второй странице обложки: так выглядят наскальные рисунки и место, где они найдены.

Два года в нашем журнале живет рубрика «Ищу и нахожу». Под ней были опубликованы заметки о самых разных находках — о старинной бронзовой статуэтке, найденной школьниками Тюменщины, о платиновом приiske, который «исчез» и был обнаружен вновь юными свердловчанами, о древней рукописной книге, ее выкопали кареллапакские школьники...

Рубрика «Ищу и нахожу» — для настойчивых, любознательных, удачливых следопытов. Пишите нам, дорогие читатели, ждем ваших сообщений о своих редких находках или о находках ваших друзей, знакомых.

Зодчий Семен Дудин

**Евгений
ШУМИЛОВ**

Архитектурными механикусами называли в старину заводских архитекторов Урала. Талантливые и высококультурные, получившие нередко образование в петербургской Академии художеств, они проектировали не только здания, но и машины, удобные для производства и совершенные по формам.

Среди памятников уральской промышленной архитектуры выделяется главный корпус бывшего оружейного завода в Ижевске.

Многие архитектурные механикусы принимали участие в создании оружейного завода, но главным проектировщиком, как сказали бы теперь, был Семен Емельянович Дудин (1779—1825 гг.). Сын солдата-служителя Академии художеств, он был на старом Урале одним из ведущих зодчих.

Начало XIX века. России угрожает наполеоновская Франция. Единственные тогда в стране Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы не могут справиться с заказами. Новый завод решено строить на Урале. Оберберггауптман камских заводов А. Ф. Дерябин подыскал подходящее место для него — Ижевский железоделательный завод, пущенный еще в 1760 году. 10 июня 1807 года в Ижевске была торжественно открыта оружейная контора, это событие положило начало новому заводу. Сюда и направили С. Е. Дудина, молодого зодчего, прошедшего учение за границей.

Учителем С. Дудина был выдающийся русский зодчий А. Д. Захаров, строитель Адмиралтейства. Во время учебы у него Семен Дудин несколько раз получал медали за свои архитектурные композиции. В 1798 году он окончил Академию с аттестатом первой степени и вскоре стал работать у А. Д. Захарова, занимавшего тогда должность главного архитектора Гатчины. В царской резиденции Захаров выстроил «Птичный дом», «Холодные ванны», дворцовые конюшни, мосты и ряд других замечательных сооружений. В проектировании и строительстве их участвовал и Семен Дудин. В Гатчине же Дудин выполнил специальный архитектурный проект — так называемую «программу», за которую был удостоен Большой Золотой медали.

По уставу Академии художеств золотые медалисты по одному от каждого «художества» раз в несколько лет награждались поездкой в Италию. Там они совершенствовались свое мастерство, выполняли отчетные работы. В 1788 году из-за политических событий в Европе заграничные поездки были отменены. А когда они возобновились, в первую партию пенсионеров Академии в 1803 году был включен Семен Дудин.

Товарищами Дудина по поездке в Италию были будущие крупные русские художники — Василий Шебуев, Алексей Егоров, Александр Варнек, Николай Уткин и Василий Демут-Малиновский. Три года прожили они дружной семьей в Риме. Дудин занимался под руководством крупных итальянских архитекторов и художников. Некоторое время он учился у М. Аспруччи, о котором писал, как о «славнейшем из архитекторов в Риме», «другого равного ему в Риме нет». Под руководством профессора итальянской Академии Ф. Кампорези юноша выполнил проекты «университета для трех знатнейших художеств, а также поэзии и музыки», памятника Петру I, памятника для отличившихся на войне героев и, что особенно для нас интересно, — «проект арсенала со всем принадлежащим к нему заводу». Впоследствии в Ижевске при строительстве оружейного завода с арсе-

налом Дудин использовал этот проект.

А. Ф. Дерябин, как правило, лично подбирал талантливых мастеров, отдавая предпочтение своим соотечественникам, а не иностранцам. Зимой 1807 года он и мог пригласить в Петербурге молодого архитектора. Во всяком случае весной того же года началась переписка между ним и президентом Академии художеств А. С. Строгановым. Вот одно письмо Строганова:

«Милостивый государь мой,
Андрей Федорович!

Согласно объясненному мне Вашим превосходительством желанию иметь во вверенной Вам части способного архитектора, я препровождаю к Вам возвратившегося недавно из чужих краев художника 14-го класса Дудина. Успехи, оказанные им во время воспитания его в Академии, и усовершенствование его в чужих краях заставляет меня надеяться, что он под начальством Вашим оправдает на самом деле то доброе мнение, которое вся Академия об нем имеет».

Летом того же 1807 года Дудин приезжает в Ижевск. Строительство нового завода и поселка вокруг него началось под руководством молодого зодчего.

На Ижевских заводах работало немало замечательных инженеров, механиков, строителей. Это были самородки, изобретательные и энергичные люди. Непрерывно совершенствовалось сложнейшее гидротехническое хозяйство завода. Разрабатывались оригинальные и экономичные водные прорезы, вешние ларя, береговые укрепления, меховые машины и станки... Обследовавшая завод в 1825 году комиссия особо отметила изобретенную механиком Л. Ф. Собакинским удивительную шпестовальную машину, «коей простота и польза заслужила внимание даже иностранцев». Комиссия сделала и такой вывод: «Златоустовская фабрика родилась и совершенствовалась от иностранцев. Здесь же напротив все делают русские».

Интересно заметить, что одновременно с С. Е. Дудиным в Ижевск приехал и его брат Яков. Он тоже учился в Академии художеств, но по части «портретного художества» у известного русского живописца С. Щукина. Яков Дудин преподавал основы изобразительной грамоты в малой горной школе, помогал брату в украшении зданий, рисовании панорам. Писал он и портреты. Ни один из них, кроме портрета Павла I, что хранится в Русском музее, пока еще не найден. А ведь позировать художнику могли А. Ф. Дерябин, Л. Ф. Собакин, С. И. Бадаев, С. Е. Дудин. Найти и опознать эти портреты было бы большой заслугой краеведов.

Композиционным ядром Ижевска стал строившийся почти десять лет ансамбль заводских зданий. Небывалой для производственных зданий того времени была высота главного корпуса — четыре огромных этажа и башня общей высотой 67 метров.

Ижевский завод, единственный среди подобных себе, строился сразу как оружейный завод и, самое главное, по единому проекту профессионального зодчего. В журнале «Вестник Европы» (1817, №№ 15—16) были помещены две вклейки с планом завода и с видом его главного фасада работы известного московского гравера А. А. Флорова. Уже сам факт появления архитектурных гравюр в литературном журнале может сказать о том, какое яркое впечатление производило на современников архитектурное решение этого поистине уникального здания.

Через восемь лет «Комиссия министерства финансов для осмотра заводов Хребта Уральского» изучила Ижевский оружейный завод «во всей подробности» и «нашла его самым благоустроенным из всех заводов Хребта Уральского». «Прекрасная плотина и прекрасная каменная фабрика, в которой работают 3070 человек, приготавливая сами себе и железо, и уклад, и сталь, и потом из сих продуктов сами же выделывают различные ружья, для лафетов оковку и другие железные изделия. И строения и механизмы везде весьма прочны, удобны, безопасны и приспособлены к понятиям мастеровых... Заслуживает особенного внимания, что

стараяются все производить посредством машин, дабы уменьшить занятие рук человеческих».

Действительно, ни на Урале, ни в центральной России не найти что-либо равное ансамблю зданий Ижевского оружейного завода. Можно смело утверждать, что с ним сопоставимо только петербургское Адмиралтейство, строившееся в те же годы и также являвшееся производственным зданием.

Обращенные главным фасадом к пруду, корпуса завода образовали внушительный массив длиной в треть километра. Но огромный монолит здания не подавляет. Оно поставлено на уровне дна пруда, сразу за телом плотины. Издали видны лишь колоннада центрального корпуса с башней и один этаж боковых корпусов. Центральный корпус, выстроенный в 1811—1815 годах, выделен торжественной колоннадой и классическим завершением. А над всем этим, как пишется в старинной описи, «была выстроена башня с деревянной на ней арматурой и шпилем оббитым белой жестью, на коем имеется медная маковица с железным гербом».

Внутри башни спиральная лестница вьется мимо хитроумных часовых механизмов и затейливо украшенных колоколов. Куранты установил опытный мастер Карл Шютц. Уже почти полтора века разносятся над Ижевском melodичные звуки заводских колоколов. На старых уральских заводах башни, отдельно стоя-

щие или венчающие цеха, были пожарными каланчами, а еще раньше — дозорными, сторожевыми. Ижевская же башня была своеобразным воинским памятником. В роли завершая здесь не традиционный шпиль, а отдельно стоящая дорическая колонна. С. Дудин мог поставить и шпиль, технических затруднений для этого не было — ведь на соседнем Воткинском заводе был изготовлен знаменитый шпиль Петропавловского собора в Петербурге. Но выбор архитектором венчающей колонны, окруженной скульптурами, связан с идеей столпа — памятника, воздвигавшегося в честь военных побед. Вспомните Чесменскую колонну в Царском Селе, колонну Орла в Гатчине, Александрийский столп в Петербурге...

Вокруг колонны располагалась резная деревянная арматура, то есть изображение символов воинской доблести: рыцарские доспехи, знамена, ядра. Подобные монументальные героические композиции были популярны в архитектуре русского классицизма.

В денежных документах нашлось имя мастера, сделавшего украшения башни, — «Рещик Канцырев в плату за дело арматуры для башни — 450 рублей».

В 1836 году после большого пожара сгоревшие скульптуры были заменены новой арматурой, на этот раз кованой. Изготовлена она была по эскизу заводского чертежника Петра Трубенкова. Как можно судить по акварели «Вид Ижевского оружейного завода со стороны пруду»

Фасад Ижевского оружейного завода со стороны плотины

да», находящейся в Государственном Историческом музее, он был незаурядным художником. А отковали арматуру ижевские левши — Федос Андреев, Степан Богатырев, Аленбек Иванов, Самойла Матвеев, Аника Мусаломов и братья Федосовы. Расписал и вызолотил украшения на башне заводской живописец Андрей Самотохин. Через 130 лет обветшавшую арматуру бережно воспроизвели в нержавеющей стали специалисты Ижевского машиностроительного завода.

Архитектурно - художественная роль здания велика и поныне, несмотря на последующие изменения и перестройки. Тысячам рабочих, проходящим ежедневно мимо него по прекрасной аллее из столетних тополей, оно напоминает о мастерстве уральских зодчих и строителей. А рельефы на башне свидетельствуют о трудовом доблести ижевских оружейников, поставивших русской армии во время Отечественной войны 1812 года тысячи ружей.

В 1823—1825 годах по проекту С. Е. Дудина в Ижевске был построен арсенал.

Арсеналы, как тип постройки, были известны уже в Древней Руси. Возводились они и в XVIII—XIX веках. Сохранились арсеналы в Москве, Туле, Петербурге, Нижнем Новгороде, Киеве... Как правило, это приземистые здания, замкнутые или однолинейные в плане. Дудин же создал совершенно новый вариант этого типа постройки.

«П»-образное здание раскрыто двором на юг. В центре двора — небольшой корпус с оружейными мастерскими и жилыми помещениями. Корпус соединяется с основным зданием крытыми галереями. Три почти одинаковых фасада главного корпуса решены просто и строго: дорические портики, рустовка, разнообразие по очертаниям окна... Как и в здании завода, здесь использован декоративный мотив арматуры. Дополнительную нарядность зданию придавало то, что оно было «по приличным местам окрашено светло-желтым цветом», излюбленным в архитектуре классицизма.

В конце XIX века здание было несколько искажено пристройками и надстройками. Но несмотря на это оружейный арсенал до сих пор пленяет нас благородством своих форм в пропорции.

В одном крыле Ижевского арсенала сейчас располагается краеведческий музей Удмуртской АССР, а впоследствии, после реконструкции, здесь разместится и картинная галерея.

В центре Ижевска стоит знакомое всем горожанам здание детского кинотеатра «Колос». Долгое время на нем была укреплен мраморная

мемориальная доска: «Памятник архитектуры первой четверти XIX века. Бывший Александров-Невский собор. Архитектор Л. Руска». Недавно эта доска была заменена другой, где вместо имени Луиджи Руска, придворного архитектора, итальянца по национальности, появилось имя Андриана Дмитриевича Захарова — знаменитого русского архитектора, автора Адмиралтейства.

Откуда же появилось имя итальянца? Дело в том, что в Ижевском архиве хранятся присланные из Петербурга сметы на строительство собора, подписанные Л. Руска, который, как придворный архитектор, нередко заверял сметы. Это и ввело краеведов в заблуждение. В действительности же, как показывают найденные в архиве Артиллерийского департамента материалы, в 1817 году в Ижевск был послан для использования захаровский проект только что построенного гарнизонного Андреевского собора в Кронштадте. Руководил строительством С. А. Дудин, которому был близок и понятен замысел учителя.

Андреевский собор в Кронштадте был крупнейшим после Адмиралтейства сооружением Захарова. Прекрасна его стройная многоярусная колокольня, завершенная высоким шпилем. В колокольне использованы отдельные архитектурные мотивы, найденные зодчим в проектировавшемся тогда же Адмиралтействе. Гармоничностью пропорций и изяществом линий отличаются три классических портика, торжественные колоннады внутри здания.

Кронштадтский собор, к сожалению, не сохранился. Поэтому особенно большую ценность приобретает ижевское здание, строившееся почти одновременно и по тому же проекту. Правда, в тридцатые годы в связи с реконструкцией под кинотеатр оно было перестроено, но и сейчас здание удивляет своей красотой.

Талантливый архитектор С. Е. Дудин был и незаурядным инженером. Президент Академии художеств А. Н. Оленин писал, что в Ижевске Дудин «исправлял не только должность архитектора, но даже и каменного мастера, а иногда инженера и машиниста». Архитектор применял в своих постройках еще редкие в то время железные стропила — экономичные и надежные. За это Дудин получил звание инвентара, то есть изобретателя.

За 18 лет работы в Ижевске С. Е. Дудин был награжден двумя орденами и дослужился до ранга чиновника восьмого класса. Однако творческие начинания его после отъезда А. Ф. Дерябина встречали препятствия. Новое заводское начальство сдержанно отзывалось о зодчем, видя в нем прежде всего архитектурного механикуса. Натянутыми стали отношения и с губернским

правлением. В 1824 году Дудин окончательно решает покинуть Ижевск и начинает вести переговоры о своем назначении на должность архитектора Войска Донского в Новочеркаске.

В архиве удалось обнаружить письмо Дудина президенту Академии художеств А. Н. Оленину. Эта единственная известная нам рукопись С. Е. Дудина представляет значительный интерес и является своего рода автобиографией зодчего.

«Ваше высокопревосходительство милостивый государь Алексей Николаевич. Господин профессор императорской Академии художеств и кавалер Андрей Алексеевич Михайлов препозировал мне на вступление в службу архитектором в Новочеркаске и буде есть на оное мое желание, то на каких условиях согласен я буду поступить в оную, донести Вашему высокопревосходительству, прописывая в письме своем, что жалованья годового полагается мне четыре тысячи рублей в год и другие выгоды.

Смею доложить Вашему высокопревосходительству, что предложением сим доволен, но как я не имею состояния чем бы мог доехать в столь дальнее расстояние, состоящее более двух тысяч верст от Ижевского завода до места, то выдать мне на дорожный путь полторы тысячи безвозвратно, ибо имею великое семейство, что вознагражу усердием моим в продолжении службы.

Что же касается до моих сведений практических, то довольно упомянуть о выстроенном по проектированному мною плану каменного оружейного и железоделательного заводов на Иже, при пруде и прорезах, на болотистом месте между водопроводными для машин канавами, трех- и четырехэтажные здания всего с прочими тринадцать величайших корпусов в восемнадцатилетнее время трудов моих. Сверх сего построил огромный собор и арсенал на семьдесят пять тысяч оружия, за кои представлен сверх получаемого мною окладного трех тысяч рублей жалованья по смерти к пенсии по тысяче рублей...

Семен Дудин. Ижевский оружейный завод. 28 июня 1824 года.

Дудину уже была послана прошения им ссуда на переезд, но надеждам архитектора не суждено было осуществиться. В июне 1825 года, в разгар строительства арсенала, С. Е. Дудин заболел «нервической горячкой» и 31 августа того же года скончался.

● Все партизанские дороги...

● Товарищ Ази

● Трофей для музея

● У каждого свой обычай

Это не кино, и не книги. Можно тысячу раз «смотреть» и читать про войну. А вот пойти по ее следу... Поля, золотые, бескрайние,— они горели, они были изрыты окопами. Болота — здесь тонули люди, спасаясь от немецких овчарок. Деревня — она была выжжена дотла. Поляна в глухом лесу — здесь сидели у костра партизаны...

Местные жители поят молоком, они само радушие. Здороваешься за руку с человеком, говоришь с ним о нынешнем урожае — и вдруг потом узнаешь, что жив-то он остался чудом: когда фашисты расстреливали мирных жителей, его, еще крохотного мальчика, заслонил своей грудью отец и спас... Беседуешь с колхозницами — одна постарше, другая помоложе — и тоже история. Когда-то в войну из сарая, где горели заживо 530 человек, вырвалась женщина с ребенком и побежала по полю, как живой факел. Фашисты подстрелили беглянку: «куда денется!» И вот они живые — мать и дочь. Эти люди многое пережили.

Лучшие туристские отряды из всех республик страны приехали в Белоруссию на II Всесоюзные соревно-

вания туристов. Их путь лежал в город Полоцк. Но прежде чем попасть на туристскую поляну, где проводились соревнования, каждый отряд проделал большой путь по белорусской земле, по владениям бывшей партизанской «республики». Ребята прошли по местам боев, разговаривали с бывшими партизанами, собирали сведения о действиях в тылу врага, вели счет братским могилам и обелискам, даже записывали частушки:

Плачут Геббельс с
Риббентропом,
Пишут Гитлеру пакет:
«Собирайся одним тропом
Вместе с нами на тот свет!»

Эстонские ребята написали в отчете, какие им встретились памятники. Памятник жителям деревни Вилейка — здесь в 1943 году полегли семьи партизан, в том числе двухлетние дети. На памятнике в Липово написано:

«Сожженным заживо в апреле 1944 года.
Перхурович Лукьян — 89 лет,
Решетник Альжбета — 90 лет,
Решетник Марта — 70 лет,
Войткевич Анеля — 80 лет...»

Сорок одно село сожжено в Ушачском районе.

Одно из интервью с местными жителями, взятое в походе. Его записали на пленку Юра Арутюнов и Эльдар Ахмед-заде, школьники из Азербайджана.

— Что осталось от деревни после войны?

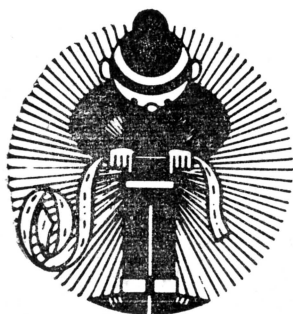
— Ничего не осталось, все немцы сожгли. И строить кому? 200 мужиков ушло на войну, а вернулись в деревню трое... Люди по три года в лесах сидели...

— А сейчас сколько дворов?

— 258 хозяйств. Дворами уже не называем — есть и восьмиквартирные дома.

Вот такая это настрадавшаяся земля. И мученики, и герои — люди ее. Запись в отчете туристов школы № 85 города Еревана: «На счету одной только партизанской диверсионной бригады им. В. И. Ленина — 103 спущенных под откос вражеских эшелона, около 3000 сожженных автомашин, 100 километров разрушенных рельсов, 5 разгромленных гарнизонов, тысячи метров порезанных проводов».

Как кость в горле фашистов были белорусские

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

партизаны. Чтобы сломить их сопротивление, немцы стянули в Ушачи армию в 60 000 солдат. Они сузили кольцо оборонной линии с 287 километров до 8 — маленький клочок, лощина, «коридор» для расстреливания в упор. Операция с кодовым названием «Весенний праздник» была задумана фашистами беспримысленно.

«Праздник» был сорван непостижимым образом. В ночь на 5 мая 1944 года по лощине ушли 16 партизанских бригад, 17 000 человек вырвались из плотного кольца и увели с собой мирных жителей. Этот героический прорыв был беспримерным в истории войны.

К монументальному памятнику «Прорыв» в Ушачах сошлись все туристские маршруты. У монолитной скульптуры партизана, бросившегося на подвиг и на смерть, у плакучей ивы, грустно склонившейся над каменным списком погибших, собрались отряды. Все живо и зримо было в эти дни: партизанские костры, землянки, тропы в лесу...

И так же наяву вдруг прогудел над головами маленький «ПО-2». Как когда-то кружил над партизанским аэродромом долгожданный самолет...

Ребята, задрав головы, не отрывали от него глаз.

Велико было удивление азербайджанских ребят, когда они увидели бюст своего земляка Ази Асла-

нова... Они все знают о генерал-майоре танковых войск Асланове. Но, оказывается, знают о герое и в белорусской деревне Иконы. Иконские ребята, помогая убирать урожай, заработали деньги, чтобы поставить бюст Асланову. Каждый выпускник школы оставляет на память посаженное деревце, и непременно с табличкой: в честь какого героя оно высажено. Есть в школьном парке и клен с именем Ази Асланова.

35-я танковая армия Ази Асланова воевала в этих местах. Очень дорого азербайджанским школьникам признание местных жителей: «Если бы танки Асланова опоздали хотя бы на день, это стоило бы жизни тысячам людей». В Иконах, Броду и других деревнях под Борисовом свято чтут память сына азербайджанской земли.

О жите-бытье партизанском многое узнали следопыты в пути. То обнаружат туристы давние кладки под водой — бывшую переправу, то встретится в пути землянка, дотеле неизвестная — одна из временных партизанских «квартир»... Даже холодильник... находили. «Врылись» партизаны в моренную грядку, поставили сруб колодезный, внизу родниковая вода, а над ней настил — вот и холодильник. По три месяца, рассказывают, хранили партизаны мясо летом.

Попадались и чудом сохранившиеся фронтовые

газеты, и гильзы, и листовки.

Главный судья II Всесоюзных туристских соревнований генерал-лейтенант Иван Иванович Лисов рассказывал, как один отряд миномет нашел. Навстречу отряду выслали машину: «Давайте, доведем до места, никуда не денется ваш миномет!» Но ребята так и не отдали — сами тащили, из рук не выпустили. Еще бы, такой трофей для школьного музея!

Специальная комиссия оценивала поварское искусство туристов. Чего только не наготовили ребята: лагман, лобия, армянский борщ, украинские вареники... А у кострища туркменской команды кого-то из представителей комиссии заинтересовала не пища, предложенная на пробу, а котелки, облепленные глиной. Порядок это или не порядок, вдруг нарушение сангигиены?! Хорошо, что поблизости оказались знающие люди. Объяснили: так легче мыть посуду, она почти не коптится.

У каждого народа в нашей стране свои привычки и обычаи. Не все обычаи известны или похожи на наши. К подножию памятников полагается класть цветы, а кто-то взял и положил галеты... Но оскорбления памяти погибших в этом не было: у многих кавказских и среднеазиатских народов до сих пор жив обычай — приносить умершим еду.

Кубок журнала «Уральский следопыт» вручен младшей группе школы № 224 Ленинграда — ребята из этой команды заняли первое место в краеведческой викторине.

За тридцать земель, в деревне Задорье Лагойского района на Минщине услышали туристы из Алма-Аты казахское имя — Касенгали Алдыбеков. Рассказал о нем бывший партизан Иван Иосифович Неверко. Он и дал школьникам 53-й алма-тинской школы адрес своего друга-партизана.

Самой маленькой участнице соревнований — ученице третьего класса школы № 45 Ашхабада Люде Калдиной, прошедшей со своим отрядом весь трудный маршрут в семьдесят километров, — вручен значок нашего журнала «Следопыт».

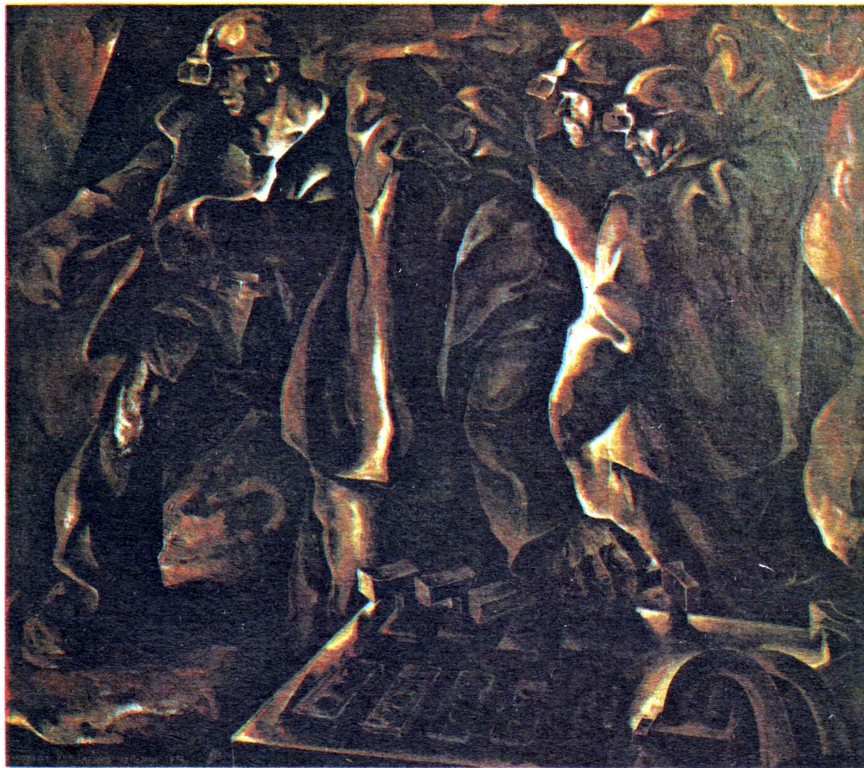
Могила расстрелянного советского бойца в с. Посадец двадцать пять лет была безымянной. Нашелся в селе единственный житель, которому боец успел сказать, что он родом из Ивановской области и что у него пять братьев и две сестры. По этим сведениям ребята из Посадецкой школы, написавшие в ивановскую газету, узнали имя бойца. Теперь на памятнике есть надпись: «Комиссарову Ивану Григорьевичу...»

Два товарища партизана Ленника, с которыми он вышел на диверсию, погибли в перестрелке. И тогда Ленник, не обращая внимания на вражеский огонь, поднялся на насыпь. Держа заряд в руках, он бросился под паровоз и подорвал его. Этот рассказ со слов бывших партизан записали следопыты из Армении. О множестве подвигов узнали в походе ребята из всех республик.

ЕГО ГЕРОЙ

Евгений
АЛЕКСЕЕВ
искусствовед

В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ

Художником Тимофей стал неожиданно для себя. Привязалась болезнь — ни у печи не дает работать, ни у стана. В двадцать шесть лет — хоть к пенсионерам на завалинку. Растерялся человек: что делать, куда себя деть?..

И вот приехал на каникулы школьный дружок, студент художественного училища Пойдем, говорит, на этюды, посмотришь, как я напишу

наше барабинское раздолье. Живописный пейзаж не удивил Тимофея, скорее раззадорил: так-то, мол, и я смогу.

И смог. Взял ту же палитру и кисть, чистую картонку и написал — бесхитростно, не по правилам, но живо и смело. С ясным ощущением какой-то свежей, наивной радости: вот моя деревня, вот мой дом родной...

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В Нижнетагильском художественно-прикладном училище изучают рисунок, живопись и способы обработки природных материалов. Камнерезы, к примеру, шлифуют, полируют яшму, чтобы заиграл самоцветными красками оригинальный медальон. Не менее настойчиво и тщательно работал студент Тимофей Коваленко, шлифуя в себе талант живописца. Его первая самостоятельная картина

«Плотник» вошла в экспозицию зональной выставки «Урал социалистической».

Подружился Коваленко с металлургами. Написал о них картины «Сталевары у пульта», «Человек и металл», «Утро», «В едином порыве», «Автопортрет со сталеваром Штейниковым». Эти работы также с интересом были встречены зрителями на зональных, республиканских, все-

союзных выставках последних десяти лет.

Сталевар... Человек древней профессии. Что-то укоренилось в нем с демидовских времен, сохранилось от рабочего дореволюционной Мотовилихи. И, безусловно, нечто новое появилось в личности современного рабочего.

Вначале художник видел в рабочем его недоюжинную силу. Ги-

УТРО

АВТОПОРТРЕТ
СО СТАЛЕВАРОМ ШТЕЙНИКОВЫМ

ганты с широким разворотом плеч, могучей мускулатурой. Лица и руки точно из железа выкованы.

Сила вызывает уважение. Но герои картин при всем своем могуществе явно в чем-то проигрывали живым прототипам. Художник поставил себе новую творческую задачу: «Я не пишу, как льется плавная сталь. Искусству мало зрелища, эффекта. Хочу понять, чем

прекрасен, кроме непосредственной работы, чем еще живет человек у печи».

Юноша в картине «Утро» и Анатолий Штейников, передовой сталевар завода им. Ленина в Перми, где теперь живет художник, уже не поражают мощью телосложения. Зато какие у этих людей вдохновенные лица.

Присмотритесь к сталевару из

«Утра» и к человеку с пластырем в «Автопортрете»... Они определенно похожи — художник и герой картины. Да, герой «Утра» — это Коваленко в своей рабочей юности. Но главное в другом: металлург ли, живописец ли — содержание их жизни — творчество.

Характер, интеллект, душевное состояние открывает и утверждает Коваленко в современном рабочем.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

ПЕЙЗАЖ. ТОПОЛЯ

Ум и волю, самоотверженность, удачу и сдержанность человека, знающего себе цену.

В его картинах волнует не то, над чем люди трудятся. Захватывает запечатленное в красках чувство преодоления человеком сложности, опасности, познание смысла своего труда.

Сильный характер — стойкий, прочный, огнеупорный — создает

художник и в картине «По дорогам войны». Как-то исподволь, может, знакомым отблеском пламени на лице он подсказывает, что фронтовик, шофер, труженик войны — тот же рабочий. Только всполох от взрыва тревожней, чем отсвет кипящей стали.

Ощущением жизнелюбия проникнуты его пейзажи и натюрморты. Весь мир — индустрия и человек,

тополя и простая тыква — радует художника, как чудо бытия. Рукотворное и нерукотворное — все чудо.

Коваленко любит форму чеканную, как в изделиях умельцев-кузнецов. И краски у него особенные. Их немного — любимых. Красные, синие, черные, они сплавлены в единый неразделимый цвет, рожденный, кажется, углем, железом, огнем.

ПОЛЁТ В НАДЕЖДУ

**Борис
НИКОНОВ**

Рисунки
Л. Смирновой

В 1975 году, в февральском и мартовском номерах журнала, мы познакомили читателей «Уральского следопыта» с рукописью, подготовленной к печати по литературному архиву юного дивногорского писателя Бориса Никонова. «Дивногорские этюды» вызвали большой читательский интерес; эта публикация была в 1975 году признана одной из лучших на страницах «Уральского следопыта» и отмечена премией; «Дивногорские этюды» Бориса Никонова были также отмечены премией Красноярского комсомола, а на основе журнальной публикации издательство «Молодая гвардия» сейчас готовит под тем же названием книгу. «Дивногорские этюды» позволили расширить круг поиска произведений Бориса Никонова. При жизни им было опубликовано лишь пять-шесть новелл, сейчас в архиве журнала находится уже свыше двух тысяч рукописных тетрадных листов. Мы публикуем часть его дневника, описывающего поездку в Крым, когда была предпринята, пожалуй, последняя попытка спасти Бориса. Сюда же, в дневник, включены и рассказы, написанные им в тот период, рассказы-этюды, в которых отразились его воспоминания о родном селе и городе, размышления о жизни и о самом себе...

Публикация и литературная запись рассказа матери Бориса Никонова, Марии Мордарьевны, подготовлены Ю. Яровым.

Евдокия Бек

У нее серые теплые глаза, умное, измученное лицо, губы маленькие на взгляд, живые. С ней я не пропаду.

Брат играл «в носы» с жгуче черным Венькой, который возвышается на стуле нескладный, длинный, как коломенская верста. Проиграл брат, и Венька бьет его картами по сухому горбату носу, брат дергает головой от каждого удара, а потом вытирает кончиками пальцев произвольные слезы. Венька смеется, показывая белые зубы, поблескивая синеватыми белками глаз.

— Еще? — спрашивает он.

— Не успеете, — говорит Бек. — Через семь минут подойдет машина. Нужно чтобы кто-то из вас вышел и у подъезда встретил.

Они переглядываются, встают и оба уходят.

— Возьмите из машины носилки! — говорит Бек им вслед. — Сразу, не забудьте.

Я лежал на кровати, во мне царило возбуждение, похожее на озноб. Мое тело подобралось в ожидании. Но лежал я спокойно, глядя в одну точку на потолке, в приятном, как сон, оцепенении. В такие минуты все можно забыть. Сколько раз я ловил себя на произвольном порыве встать на ноги! Это зарождалось, как жажда, а потом как-то вдруг ощущал тяжесть своего тела — словно непосильный камень на шее. И тогда вновь водопадом холодной воды обрушивалось отчаяние.

Бек вышла на кухню и вернулась со стаканом чая на фарфоровой тарелке. Молча поставила чай у моей кровати и снова ушла.

Чай горячий, хорошо заварен. Он мгновенно и приятно сушит во рту, подергивает язык шероховатой горечью. Бек вернулась, села на краешек стула, обеими руками сжимая стакан с чаем, стала пить маленькими глотками. Молодая, довольно красивая женщина.

За окном плывет белый рассвет лета, где-то внизу, над рекой длинными клочьями тащится туман. Туман окутывает все скалы за Енисеем, и они стоят в нем, как в белом дыму, неуклюжими башнями средневекового замка.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Бек.

— Ничего.

— А что с твоей матерью? — Бек пытливо смотрит на меня, трогает губами край стакана. — Почему ты меня попросил ехать?

— А вы против?

— Нет. Но мне интересно знать.

— Я вам, по-моему, говорил: мать в больнице.

— Что с ней?

— Она шесть раз рожала — есть от чего болеть.

— А-а... Да ты не сердись.

Где-то далеко за дверью рождаются звуки. Бек встала, открыла дверь, и гулкий коло-

дец подъезда зазвучал голосами. Пришла машина.

В комнату вносят свернутые носилки, расправляют, и они шелкают железными суставами. Носилки застилают одеялом, кладут подушку. Я перебираюсь на носилки, одеяло сверху запахивают. Бек наклоняется, подтыкает его, и я вижу очень мелкие веснушки на ее лице.

Дом покидаем все сразу. Шофер взял чемоданы, Бек выключила свет во всех комнатах. Наконец, носилки поднимают, несут, мешкают в дверях, но потом я вижу над головою пролеты лестницы, и носилки качаются в такт шагам. На площадках туманный рассвет заглядывает в квадратные окна. Бек с белой сумкой на плече идет сзади, я вижу ее колени. Она идет красиво, сверху, как снисходит с пьедестала.

Наконец, носилки проскальзывают в двухстворчатую дверь подъезда, и надо мной проваливается белесое утреннее небо. От этого неба в груди возникает ощущение пустоты, как от падения.

Но носилки торопятся вперед, меня проглатывает темнеющее чрево машины, и задняя дверца, как челюсть, захлопывается. Потом открылась боковая дверца, Венька, складываясь и сжимаясь, протискивается на маленькое кресло, садится, его лицо оказывается между шишковатыми коленками, и Венька улыбается мне.

У изголовья носилок села Бек, захлопнула дверцу. Брат полез в кабину к шоферу, и машина тронула с места, как застоявшийся конь.

На самолет опаздывали, и «Волга» шла на предельной скорости. Шуршал под колесами мокрый бетон улицы. Сзади за выпуклым стеклом последний раз качнулись панельные дома, и город исчез.

В кабине царило молчание. Гул двигателя закладывал уши. Слева тянулся Енисей. Потом машина с маху вылетела на Манский мост, и тяжелые переплеты моста, как переламываясь, замелькали назад.

Венька достал папиросы, одну протянул мне.

— Ты хоть не кури! — сказала мне Бек. — А то плохо будет.

— Не будет, — возразил Венька. — Парень здоров — оглоблей не убьешь.

— Смотри куда бить, — возразила Бек и скользнула по мне строгим оценивающим взглядом.

Она явно интересовалась мной — необходимо и ненадоедливо. Как больным.

Венька диковато усмехнулся и посмотрел на Бек с любопытством. Бек смутилась. Я тоже усмехнулся. И тогда, чтобы не глазел на нее, она шелкнула меня пальцем по носу. Она вообще вела себя со мной вольно.

— В самолет мы тебя прямо из машины посадим, — сказала Бек. — А сидеть ты сможешь? Ведь лететь шесть часов только до Москвы.

— Сможет, — опять ответил за меня Венька. — Парень здоров!

Машина выехала на поле аэродрома, и оттого, что поле было огромным, скорость машины как бы погасла.

Потом машина остановилась, и Бек с братом сразу ушли в здание аэровокзала с багажом.

Я был возбужден, взволнован, понимал, что мое возбуждение глупое, но побороть его не мог. Мне предстояла дорога, предстояла встреча с людьми, но встреча не обязательная, а просто так. Меня внесут в самолет, и взгляды — испуганные, настороженные, разные. Внимание обратят, конечно, все: здоровенного, почти девяностокилограммового парня понесут на руках. Нужно успокоиться.

Венька сидел молча, нескладный, заведомо дружелюбный, простодушный. Но он не всегда такой. Другой Венька бывает настороженным, готовым защищаться до последнего — как загнианный пес.

— Ты напиши письмецо, — медленно говорит Венька, чтобы не молчать. — Да! Дерни за меня там рюмашечку хорошего вина. Возвращайся на своих двоих. Понял?

— Желаете здоровья умирающему? — недовко отшучивался я.

Венька совсем развеселился.

— Тебя оглоблей не убьешь, — надоедливо напоминает он. — Ты, черт, держи хвост пистолетом. Представляешь вот, приедешь в санаторий, а там южаночки. Я знаю. И сопровождающая у тебя!...

— Жить можно, чего там.

— Можно, — говорит из кабины шофер, и его угрюмоватое лицо маячит за стеклом. — А что с тобой, парень?

— Покалечило в тайге.

— А-а, — голова шофера смутно и укоризненно качается за отсвечивающим стеклом. — Молодой, жалко.

Дверца распахнулась, впуская ветер. Это пришли наши. Запыхавшаяся Бек торопливо садится на сиденье, а брат что-то объясняет шоферу, показывая пальцем на выпуклое, как вздувшееся, поле аэродрома. Машина трогается, летит по полю мимо решетчатой ограды, мимо сквера.

Мы проезжаем под хвостом самолета. В черный зев входа тянется крутой серый трап. На площадке трапа стоит стюардесса в черной юбке, в белой кофточке. Она торопливо машет рукой.

Я чувствую, как носилки скользят по рельсам, и опять небо знакомо проваливается надо мною. Пронзительный сырой ветер бьет в лицо, парусит юбки, волосы. Меня вдруг охватывает тоска. Зачем я решился на этот полет? Столько хлопот всем...

— Берите его с двух сторон, — говорит Бек ребятам. — Носилки в самолет не пройдут.

Они наклоняются ко мне, подхватывают с двух сторон, и я сижу на их скрещенных руках, чувствую их сильные, как лошадиные, тела. Они идут к трапу, поднимаются, шумно дыша.

Бек идет сбоку, запрокидывая ко мне испуганное виноватое лицо, губы ее бледны.

— Налево, — сказала стюардесса.

Ряд кресел в белых чехольчиках, а за ними плечи, затылки людей. Потом лица...

— Дальше, дальше, — говорит стюардесса. — Вон первое кресло. У иллюминатора.

Меня осторожно опускают, и я, наконец, усаживаюсь в кресло. Оно узкое, обхватывает со всех сторон, как обнимает.

— Ты хорошо сел? — спросил Венька.

— Ничего.

— Провожающие, покиньте салоны! — покрывает стюардесса.

— Мы пойдем.

— Да. Идите.

— Счастливо, — сказала Бек. — Идите, мальчики.

Ребята салютуют мне, торопливо идут по проходу, Венька еще раз оборачивается, но взгляд его скользкий, как ртуть.

Жалеет.

Напротив в кресле сидит маленькая девочка. Она, приоткрыв рот и забывшись, смотрит на меня, потом переводит долгий взгляд на Бек.

— Смотри! — сказала Бек, показывая пальцем в иллюминатор.

Внизу стоят ребята, машут руками. Потом их заслоняет уезжающий трап.

Кинув взгляд на зажегшуюся надпись, Бек говорит:

— Ремни, ремни! Забыли. Застегнись! — Это приказ. — Ах, не застегивается. Я пойду, спрошу у пилотов.

Я буквально трубю — и жалобно, и гневно:

— Что вы! Вот так! Не надо ничего.

— Ты думаешь?

— Да! Все в норме.

— Ну, смотри!

Бек успокоилась, но самолет трогается с места, и она испуганно хватается меня за плечо.

— Пристегнитесь сами! — говорю я почти зло. — Нечего меня опекать.

Бек захлестывает брезентовый ремень, садится удобнее и украдкой оглядывается.

Подошла стюардесса, что-то стала спрашивать у Бек, но тут заревели моторы, и я ничего не услышал. По проходу ходили летчики.

Вздрагивая и сотрясаясь, самолет стал вырывать на взлетную полосу, остановился, качнувшись. И взревев громом, обрушив на людей тяжесть, начал разбег.

Я сижу в кресле, прищурил глаза. Человек, запущенный со скоростью ядра в небо. Я лечу, втиснутый в эту изнемогающую ревом сигару, и вместе со мной летит моя боль.

Напротив, справа, в подвешенной к стене люльке, ребенок. Люлька сделана из сетки, и ребенок весь на виду. Солнце просачивается сквозь сетку, больно режет глаза ребенку, и он плачет, но плача не слышно из-за рева турбин, и только обиженное красное лицо малыша что-то властно требует.

— Терпи! — сказала ему мать.

Этого, конечно, не слышно, но я догадался, что она сказала.

Бек поворачивает ко мне усталое лицо, вопросительно смотрит, и я успокаивающе пожимаю плечами. Лицо у Бек становится недоверчивым, она катает за щекой мятную конфету и губы у нее, как у ребенка, мокрые и сладкие.

— Терпи, — говорит она.

Евдокию Бек я знаю по больнице. Больница — мой второй дом.

Я закрываю глаза. Такое впечатление, как будто я не в самолете, я сам лечу в пустоте неба над землей, распластавшись, исходя обиженным ревом, прошивая тучи, блуждая над разграфленной полосчатой землей...

ОТКАЗ

Все гвозди дядя Дима вбил, только один остался. Стоит дядя Дима посреди двора и озадаченно почесывает затылок: «Куда же еще вбить?..» А гвоздь длинный, с аккуратной шляпкой так и просится: «Вбей меня, дядя Дима».

Забил его дядя Дима в ворота, чтобы покрепче были. А ворота что надо. Высокие, из лиственничных досок. Тараном не пробьешь. А в одной створке дырка сверлом проверчена, чтобы загодя увидеть того, кто сюда стучать будет.

Вбил дядя Дима гвоздь и пошел к дому. Идет не спеша, вразвалочку. Идет к себе в новый дом. А дом у него! Вверх мансарда и две веранды — с южной и северной стороны. Окна большие и так важно смотрят.

Зашел дядя Дима в дом — стоит, любуется. Потолки высокие, пол крашенный и обои цветные по всем четырем комнатам. Хорошо дяде Диме, раздольно. Жены у него нет, ворчать некому.

Разумеется, дядя Дима идет и по комнатам. Одна комната — гостиная, другая — столовая, третья — зал, четвертая — спальня. Замечательные комнаты.

Включил дядя Дима радиолу, погромче сделал и пошел на кухню ужин готовить. Присел у стола, мясо режет и музыку слушает.

На улице уже темно. Сидит дядя Дима в

своей столовой комнате и ест. Поел и пошел в комнату-зал.

Сидит дядя Дима и мечтает. Пойдет он в воскресенье к Анне и просватает ее за себя. Анну дядя Дима еще в молодости любил, да друг сумел отбить. Отбил, а сам с фронта не вернулся. Дела-а-а.

Сватал уже ее как-то дядя Дима — не пошла. Конечно, тогда у него такого дома еще не было. Сейчас другое дело. Пойдет дядя Дима к ней и скажет: «Вот что, Анна, будь моей женой! Три комнаты и кухню в твое распоряжение, и мансарду, и веранды, только комната-зал для дочки останется».

Выпьют они бутылочку ликеру, посидят. Поломается Анна для приличия и согласится. Как не согласится...

А потом они вместе пойдут к другу дяди Димы, деду Савелию. Хотя ему уже и шестьдесят пять лет, но хороший он мужик...

Помечтает так дядя Дима, и спать ему захочется. Пойдет он в комнату-спальню и — в кровать.

Дожил, наконец, он до воскресенья. Встал рано, прибрал комнаты. Так прибрал, как никогда не прибирал. Полы мастикой натер.

Потом поел вчерашнего супу и одеваться начал. Надел свои хромовые сапоги, костюм и под костюмом рубашка белая.

Оделся дядя Дима и стоит, в зеркало смотрит. Не старый еще вроде. Брови кустистые, да и фигура еще не поддается. Посмотрел дядя Дима, понравилось. Крякнул от удовольствия и пошел.

Двери запер и ворота, и идет себе по Комсомольской улице, на молодок поглядывает. Зашел в магазин, сделал покупки и дальше.

Вошел в подъезд Аниного дома и полез аж на пятый этаж. Идет по лестнице, чертыхается. На пятом этаже и позвонил в квартиру 28. Стоит, ждет.

Дверь открыла ему Анна и недоумевающе смотрит на него: «В честь чего бы это?»

Кашлянул дядя Дима и говорит:

— Принимай гостя, Анна, али гость нежеланный?

— Отчего же, — говорит Анна, — проходи.

Провела дядю Диму в свою комнату и усадила у стола. Дядя Дима развернул покупки и ставит на стол бутылку мятного ликера, консервы шпроты и конфеты по три рубля восемьдесят копеек. Все как полагается.

Вздыхнула Анна и пошла на кухню за закуской. Заметил это дядя Дима и думает: «Ну и народец эти бабы — любят же повыламываться! Дела-а-а!»

Сидит дядя Дима, ждет и комнату осматривает. Хорошая комната, но не чета дяди-Диминому дому. Анна медсестрой в медпункте котлована работает. Получает маловато, потому и

обстановочка небогатая: три стула, комод и кровать. На стене, оббитый хвойными ветками и траурным крепом, портрет погибшего мужа Анны — Андрея. Дядя Дима подмигнул портрету: «Понимаю, мол, но ничего не подделаешь!»

Принесла Анна жареных грибов, огурчиков и хлеба. Руки у Анны большие и ловкие: красивые руки. Выпила рюмочку и сидит — не пьет больше. Дядя Дима выпил пять рюмочек и больше не пьет. Сидит, храбрости набирается. Вспоминает заготовленную речь. Наконец набрался храбрости и говорит:

— Вот что, Анна, я ведь сватать тебя пришел. Дом-то у меня э-э-эх!

Дядя Дима прищурил глаз и показывает, какой у него дом.

Молчит Анна.

— Все твоим будет, окромя одной комнаты, — продолжает дядя Дима. — Та комната дочке будет по закону. Вдруг ей в Ленинграде надоест жить?

Молчит Анна.

— Хозяйство заведем: курей, свиней, коровушку, — говорит дядя Дима. — В сливочном масле будем плавать! Работу бросишь, какой интерес с хворыми возиться?

Молчит Анна.

Вышел из дяди Димы весь запас слов и храбрости. Выпил он еще рюмочку и спрашивает:

— Ну что, Анна, когда переходить будешь? Помолчала Анна и отвечает:

— Не пойду я к тебе, Дима. Живешь на отшибе. Пока от тебя в город или на ГЭС притопаешь, все ноги отобьешь.

Молчит дядя Дима.

— Ты там, как зверь в берлоге. Да и не в том дело... А свою работу я люблю. Покручусь, людям помогу и легче: значит, нужна я людям. А у тебя забор — кобель не перепрыгнет, небушко и то еле видно. Нет, Дима!

Сказала все это Анна и встает — дает дяде Диме понять, что разговор окончен. Нечего делать дяде Диме — попрощался и пошел. Идет по лестнице, чертыхается. Зашел от расстройства в магазин, купил еще бутылку и пошел к своему другу — деду Савелию.

Открыла ему дверь невестка деда Савелия, стоит недовольная.

Прошел дядя Дима, в прихожей снял хромовые сапоги и — к деду. У Савелия в углу комнаты закуток, ширмой отгороженный.

Выпили с дедом бутылочку горькой, сидят себе. Дядя Дима про дом рассказывает, а дед Савелий про то, какое у него хозяйство было, да раскулачили.

Поговорили и попрощались. Дед спать лег, а дядя Дима домой пошел. Идет, пошатывается.

Пришел домой, отпер ворота. Ворота — что

надо! И дом — что надо! А эта ломается: ноги бить не хочу, работа людям нужная... «Э-эх! Ну, а если я машину заимею? А?»

Стоит дядя Дима на крыльце, прикидывает. Если поэкономнее жить, три комнаты, мансарду и веранды квартирантам сдавать, то через годик-два и машину купить можно. Стоит дядя Дима, доволен: «Сама потом Анна проситься будет, а я возьму и не пушу!»

В прихожей снял дядя Дима сапоги и идет себе: из комнаты-гостиной в комнату-столовую, из комнаты-столовой в комнату-зал, из комнаты-зала в комнату-спальню. И тут запнулся на пороге. Хотел плюнуть с досады, но посмотрел на пол и жалко стало — пол мастикой натерт.

ДОЖДЬ

Он встал рано, чтобы не разбудить домашних, ушел с одеждой на кухню и только там оделся, сонно глядя в окно, за которым бежала вдаль пустынная дорога, горбатая и рыжая от дождей, а даль заслонила пелена мелкого дождя.

В комнате стоял сероватый полусвет осеннего утра. Было тихо. Он на цыпочках вернулся в спальню, взял со стола спички, пачку папирос. Жена сонно дышала на кровати, и он видел ее полное лицо с коротким носом, гладкое плечо, с которого сползла ляжка ночной рубашки.

Дочь спала в соседней комнате.

Он вернулся на кухню, вынес из-за печи ведро картошки, приготовленное еще с вечера, подсыпал немного комбикорма и стал размешивать, щуря глаза от синей струйки табачного дыма. Кормить уток было его обязанностью и можно было делать это позже, но он любил вставать рано и поэтому кормил уток еще раньше, чем жена доила корову.

Приготовив корм, он натянул болотные сапоги, накинул дождевик и, взяв ведро, осторожно вышел в сени, откинул звякнувшую щеколду, и двери распахнулись, скрипя и взвизгивая заржавленными петлями. Пахнуло сыростью, потянуло горьким запахом размокшей полыни. Прямо у крыльца по двору струился поток воды. Он скользнул взглядом по небу и увидел, как из водосточной трубы стекает струя, питая ручей.

Он совсем не слышал шума воды, но ясно представлял, как она шумит, сбегая по жестя-

ному желобу и падая в выбитую в песке лунку. Ему нужно было видеть, чтоб слышать. Он видел — значит, знал, какой бывает звук, когда пастух щелкает своим бичом, когда голуби чищают о крышу клювы и как они воркуют, как барабанит в окна дождь.

Только одного он не мог слышать, как поют песни. Порой он пытался услышать памятью знакомую песню, и тогда в ушах у него рождался звук. Какой-то незнакомый голос напевал полузабытые слова. Но потом слова растворялись и только свист, высокий, как бы издалека, никак не мог кончиться. И от этого все его существо разрывал нетерпеливый гнев, к глазам подступали слезы, лицо лихорадочно горело. И чтобы звук замолк в нем, ему нужно было огромное усилие воли...

Он высыпал корм в корыто, которое стояло под навесом, открыл двери сарайки и оттуда цепочкой потянулись, крякая и переваливаясь, белые жирные утки. Потом ходил в дом, набрал из мешка котелок пшена и насыпал курам, размещавшимся под высоким крыльцом. На его белую, круглую голову сеялась пыль осеннего дождя. Скоро на седых волосах замерцали мелкие капли, сбегая по загорелому лбу, цепляясь за седые, густые брови.

Через низкий плетень был виден соседний двор. Он сразу заметил, как там появилась женщина, потому что видел ее каждое утро и ждал. Она, как обычно, была в синем дождевике. Дождевик был короткий и из-под него виднелся край черной юбки и крепкие красивые ноги, обтянутые коричневыми чулками.

— Наталья! Доброе утро!

Женщина обернулась.

— А, Виктор Семенович! Здравствуйте, — откликнулась она.

Они еще постояли, смущенно глядя друг на друга. Она что-то хотела сказать еще, но, видимо, сразу же вспомнила, что он не слышит и, качнув головой, толкнула дверцы в сеники.

Он знал ее с самого детства, как и многих жителей деревни. Когда был молод, кидал ей в окно ветки черемухи и по вечерам пел песни. Голос у него был сильный, и односельчане часто с завистью говорили:

— Эх, и голосище же!...

На рассвете у калитки, когда он провожал ее, она сама целовала его на прощание. Он был чуть ниже ее, а она статной и высокой. Он рядом с нею выглядел юнцом. И вообще рядом с ним она казалась умудреннее, старше, хотя они были одногодками. Порой он злился. Но она, вздохнув, прижимала его голову к своей груди, и он чувствовал себя напроказившим мальчишкой.

Потом она неожиданно вышла замуж за другого. Он тоже женился. Жена его часто плакала, потому что, вылив в компании, он пел

только те песни, которые любила Наталья. А Наталья любила песни грустные, и гости знали, в чем тут дело.

Но с той поры прошло уже много лет. Голова и брови стали белыми от седины, лишь глаза сохранили прежнюю синеву и лицо, покрытое крепким, полевым загаром, по-молодому подвижно. Все ровесники, как и раньше, звали его Витей, хотя друг к другу обращались давно уже по имени и отчеству...

Он все так же стоял у плетня, пока из сеника не вышла женщина. Она на мгновение остановила на нем свой взгляд, и по ее лицу скользнула мимолетная грустная улыбка, но она тотчас же отвернулась и не спеша вошла в дом.

Эти встречи ни для кого не были тайной. Посмеиваясь, в деревне говорили, что Витя не забыл старую любовь. Жена, конечно, слышала эти разговоры, но она уже давно относилась к нему с ленивым пренебрежением.

Отряхнув на крыльце плащ, он вернулся в дом и, раздевшись, сел на кухне у окна.

Оглух он недавно: года полтора назад. Сначала в ушах появился шум и звон, как в жар-

ком поле звенят кузнечики. Затем вдруг уловил, что слух его не в силах управлять песней — он не ведет голос, как раньше, а идет за голосом по памяти: здесь нужно взять выше, чтобы от песни защемило в груди, здесь нужно сразу уронить голос, чтобы слушающий мог перевести дыхание, а здесь нужно вести плавно...

Он поехал к районному врачу. Врач осмотрел его, хмурясь и утаивая, и Витя, вдруг чего-то забоявшись, встал с кресла и, держа шапку в руках, затянул посреди врачебного кабинета:

Вот мчится тройка почтовая-я

По Волге-матушке зимо-о-ой...

Пропев, он начал выкладывать врачу свои резоны.

— Пока ничего не видно. Будем лечить, — сказал врач, протирая салфеткой инструменты и не глядя на Витю.

А через два месяца Витя оглох совсем и не мог разбирать даже те слова, которые кричали ему на ухо. Постепенно он замкнулся, а лицо его, как у каждого глухого, стало настороженным и отчужденным.

К глухоте он привык. Ему вовсе не казалось, что все вокруг онемело. Многие он удерживал

в памяти. Но ему становилось грустно, когда он не слышал, а лишь представлял шум леса или мотив своей же собственной песни. Выгоняя на пастбище коров, он по-прежнему пел все за-помнившиеся песни, пел во весь голос, но все напрасно. «Как в немом кино», — с горечью думал он о себе.

У него появилась мысль: научиться слушать руками. В воскресные дни, когда никого не было дома, он садился к радиоле, клал на полированное гладкое дерево свои шершавые, грубые ладони, напряженно прислушивался: звук проходил сквозь дерево, щекотно бился о шершавую ладонь. Но толку не было. Он лишь научился различать, когда звучит только музыка, когда поют, а когда просто говорят.

Потом он решил, что нужно трогать что-нибудь живое, чтоб слышать руками. Он внимательно смотрел на трепещущее горло жены, где таился ускользящий от него звук, потом несмело подошел к ней и потянулся рукой к горлу. Его пальцы ощутили нежное, живое тепло, гладкую кожу. Жена недоуменно и испуганно отстранилась, а он ласково и успокаивающе тронул ее за плечо, попросил:

— Говори.

Жена, смешавшись, снова заговорила с дочерью, досадливо глядя на него. Он ничего не услышал — горло трепетало под его рукой, но звук уходил куда-то меж пальцев, как песок.

— Чего ты? — наконец тихо спросила жена, исподлобья глядя на него.

— Так, — поняв вопрос, неопределенно ответил он.

Она все же жалела его. Он знал это и чувствовал себя виноватым перед нею за то, что в молодости она так много старалась ему дать, но его тяготила ее щедрость, потому что это обязывало, а он не любил ее...

Он сидел на старом сундуке напротив окна. За окном все так же моросил дождь. За деревней на холме виднелся осенний лес, но он был в этом году не желтым, а скорее светло-коричневым, мокрым. По небу метало ветром клочья жидких сереньких туч, и между ними не было ни одного голубого просвета.

Теперь он почти всегда бывал наедине с собой. Ему думалось о прошлом и немного было жаль прожитого, потому что яснее было видно, что в жизни он брал и давал скупое, что все его богатство было зарытым богатством и теперь он сам не сможет отыскать потерянный клад. Вспоминалась молодость, фронт, искалеченные войной деревья. Вспоминалась ему и та женщина, которая жила всегда рядом, старела на глазах, и он не мог вспомнить ее юной, а так и видел увядающей, умнолицей, скуластой и вечно желанной.

Но еще больше ему не хватало песен. И сейчас, глядя в окно на мокрую землю, на

рыжую дорогу, на струящуюся от дождя даль, он ясно чувствовал, как в нем рождается голос с тонким отзвуком металла, и этот голос рыдал на предельно высокой ноте, когда у певца на глазах появляются слезы. Голос плыл, хватал за душу и в нем была мысль поблагодарить землю за то, что она щедрее, чем сам человек.

Навстречу самолету откуда-то с поля выкатывает зеленая коробка машины с антенной на крыше, разворачивается и идет с большой скоростью вперед, и самолет послушно следует за нею, весь вздрагивая и покачиваясь.

В иллюминаторе показывается аэровокзал. Тетка с мокрой шваброй в руках стоит за стеклянным витражом, равнодушно смотрит на самолет. В стеклянном кубе вокзала видны лестницы, люди, лампы дневного света. По стеклам, распластавшись, летят нарисованные белым самолеты. Домодедово.

— Товарищи! Не толкайтесь! — слышится умоляющий голос стюардессы. — Успеете. Трап еще даже не подъехал!

— А мы без трапа! — говорит веселый толстяк с огромным рыжим портфелем в руке. — Прыг-скок!

Вздернув животом, толстяк жизнерадостно подхватывает портфель выше — под мышку.

Наконец самолет покачулся от толчка подъехавшего трапа, люди стали убывать, вытекать из самолета.

Бек заволновалась, выглядывает в иллюминатор. Последние пассажиры сходят по трапу, толстяк с портфелем бежит к аэровокзалу и на ходу вытащил носовой платок — большой, как полотенце. Все у него большое. Бек, увидев платок, засмеялась.

Маленькая девочка ела огромное, видно, алма-тинское яблоко и с любопытством смотрела на наш самолет. Вид этой девочки с поцарапанными ногами меня неожиданно успокаивает. Я всегда взвинчен и мое спасение в том, что умею себя убеждать: спокойно, спокойно, все будет хорошо.

— А вон и за нами! — сказала Бек, указывая на подошедший автомобиль. — Ты сиди здесь, не бойся.

— Постараюсь!

— Ох уж, герой!

Бек бросает мне плащ, торопится. Я остаюсь один.

Из кабины вышел штурман, поглядел на часы, на меня, потом спросил:

— Вы чего здесь?

— Жду, — неожиданно для себя приветливым голосом говорю я и впадаю в другую крайность, пытаюсь объяснить. — Я болен. Понимаете? Разбился.

— А-а...— легчик немного растерян, мнет рукой подбородок. — Извините. Вы тот самый наш пассажир. Я телеграмму видел. До свидания.

— До свидания.

— Счастливо лететь дальше!

— Спасибо.

И снова пустой салон, пропитанный специфическим приятным запахом. А там, за иллюминатором, стеклянная коробка вокзала, заполненная звуками и людьми, и все это недоступно для меня, как другая планета.

Бек возвращается с двумя носильщиками. Один пожилой, со шрамом через все лицо. Другой моложе, смазливый.

— Нужно взять его вот так, — говорит Бек очень строго, показывая, как меня брать. — Будьте осторожнее.

— Хорошо.

— Нет-нет. Вот с этой стороны.

Они берут меня, на этот раз чужие люди, дышат в лицо, сопят, топчутся, несут медленно и нерешительно. Тут же в проходе меня укладывают на узкие носилки, а Бек суетится рядом, и у нее опять искусааны губы. Дурная привычка.

— Теперь в машину, — командует Бек. — Поторопитесь, пожалуйста.

Носилки подхватывают, несут вниз по крутому трапу. Над собою я вижу лицо носильщика, изуродованную челюсть, дрожащие от напряжения губы и капли пота на розовой коже шрама. Он кривит рот от напряжения.

Носилки быстро задвигают в машину, и я больше ничего не вижу, потому что в окнах матовые стекла. Потом дверца знакомо распаивается, Бек торопливо садится в кресло, и машина трогается.

Мы объезжаем здание вокруг, машина проskalьзывает между двумя колоннадками и останавливается под бетонной крышей.

Бек снова вышла из машины, и я вижу, как она разговаривает с женщиной в белой косынке с красным крестом. Женщина молодая, с реденькими выщипанными бровями, худощавая и сердитая на вид.

— Мы вас не обслуживаем! — говорит она Бек, и они подходят к машине. — Билет у вас на Внуково, берите такси и поезжайте туда. На Внуково билет?

— Да.

— Вот и езжайте туда.

— А я говорю, что со мной тяжелый больной и ему необходимо отдохнуть!

— Ничего не знаю. Мы не можем его взять по этому билету. В Симферополь полетите со Внуково.

— Что вы мне суете свое Внуково! — сердится Бек, и она похожа в эту минуту на маленькую фурию. — Я настаиваю.

— А я не могу! — говорит женщина и смотрит на меня.

Бек трубит:

— Окопались здесь!

— А вам какое дело?

— Такое. Я из Сибири везу больного в санаторий. — Бек очень враждебно. — Будьте любезны относиться по-человечески!

Эта тяжелая, сугубо официальная фраза звучит в устах Бек нелепо, но внушительно.

— Не могу!

— В чем дело? — спрашиваю я, но Бек вообще игнорирует мой вопрос. Только углы ее глаз капризно оттягиваются вниз.

— Возьмите такси, — говорю я. — Чем быстрее, тем лучше.

Бек демонстративно отворачивается от женщины в белой косынке и, кивнув мне, уходит.

— Откуда вы? — спрашивает женщина, лицо у нее сейчас чуть теплее.

— Из Дивногорска.

— Как вы себя чувствуете?

— Не совсем плохо.

— А что с вами?

— Упал со скалы.

Мне немного стыдно, потому что упал я на самом деле с кедра. Но «со скалы» звучит внушительней...

Носилки выдергивают из чрева машины неожиданно. Я не видел, как подошли носильщики. Это те же: смазливый и дядька со шрамом.

— Берите так же! — говорит Бек. — Посадите на заднее сиденье.

Все, как в калейдоскопе, мир непривычно суетится вокруг меня, я отвык от этого за годы болезни.

В такси сидеть удобно, мне видно, как носильщик подставляет ладони, и Бек сыплет ему горсть монет. Молодой смотрит в сторону, а потом они оба уходят — плечом к плечу.

Машина трогается, сзади, качнувшись, мелькают оба носильщика, женщина с выщипанными бровями, стеклянный куб вокзала и гомонящие толпы людей.

Мы, как на тройке, вылетаем на пригородное шоссе, Бек покачивается на сиденье рядом со мной, а впереди ссутуленная спина шофера.

Мы на большой скорости едем мимо дачных поселков, ныряем под арки, виражим по пригородным московским дорожным «развязкам», как по завитушкам старославянской вязи. Мои глаза устремлены вдаль. Я весь, как стон: ах, в Москву бы! Хоть бы по улице Горького. Но дорога от Домодедово до Внуково летит стороной. И Москва, как чужое государство, остается в стороне.

Я смотрю на Бек, стараюсь проглотить застрявшее в горле разочарование. Но Бек не обращает на меня никакого внимания. Она лихорадочно ищет билеты. Билетов нет! Почему? Потому что они не в кармане, а в сумке.

— Ах, мы опаздываем! — говорит Бек, сначала уткнувшись в билеты, а потом кидая на меня горький безнадежный взгляд. — Посмотри! Я трубно:

— Да что вы! Смотрите, вот время указано. Еще и на аэродроме насидитесь.

— Ты думаешь?

— Уверен!

— Нет уж, ты смотри получше! — сердится она, но в эту минуту похожа скорее не на фурию, а на скандальную торговку семечками. Даже волосы ее растрепались, и она мила, но злит меня немилосердно.

— Мы уже здесь ехали! — говорит мне Бек в самое ухо. — Он криво едет, чтобы лишнее содрать! — Рядом я вижу расширенные глаза Бек и мелкие капли конопушек. — Что же ты молчишь?

— Не говорите ерунду, — огрызаюсь я.

— Даже в «Литературной газете» писали, что здешние шоферы так возят!

— Ладно, помолчите, пожалуйста.

Бек отчужденно отодвигается к самой дверке, скользит по мне глубоким взглядом, а потом хмуро отворачивается и глядит на проплывающие дачи, ровные ряды садов. Недовольна. Злится...

Мое путешествие по городам ограничивается тесными комнатами медицинских пунктов. Отдуваясь и пытая, носильщики садят меня на тахту, и я ложусь на плоскую, как блин, подушку. Тело сразу заливает дикая усталость, кровь пульсирует в висках, а глаза тяжелые, горячие.

Бек торопливо накрывает меня одеялом и бежит за носильщиками. Я немного сердит на нее за эту суетливость, за скандал с шофером, но сейчас мне захотелось, чтобы она быстрее вернулась.

В комнате тепло, сухо. Кроме тахты, на которой я лежу, еще три таких. Стоят шкафы. Спinoй ко мне за столом сидит медсестра. Под ее халатом только сорочка и розовые интимные кружева видны на худой спине и шее.

— Больной? Больно-ой!

— Вы меня?

— Да. Как вы себя чувствуете? — она неловко оборачивается.

— Ничего. Спасибо.

На ее худеньком капризном лице мгновенно тает любопытство и она вежливо произносит:

— Если что надо, скажите.

— Хорошо.

Она отворачивается, по-девичьи елозит на стуле, Наверное, зевает. Чужой человек. Какое ей дело до меня.

В комнату входит мужик, одетый в серенький пиджак и серые штаны. Он смотрит на меня, шуршит рукой по небритому подбородку, спрашивает:

— Наш?

— Ага, — говорит та.

— Так, — мужчина кивает и уходит, а в комнате, как в сменившемся кадре, появляется толстая румяная тетка. Она, качая головой, рассматривает меня, потом жалостливо говорит:

— Твоя сопровождающая милая такая женщина? Ай-ай. Молодой-то какой.

Она подходит, щупает мой лоб и столько тепла в ее бабьей материнской жалости, что я неожиданно успокаиваюсь.

— Чай, замерз на высоте-то? — Она гремит чайниками на столе, наливает грелку и все говорит. — А мы к пяткам сейчас грелку. Ишь, носом швыркаешь.

Спина молодой сестры сотрясается от смеха, а тетка укоризненно смотрит на эту спину. А к моим пяткам прикладывает теплую грелку. По спине сразу бегут зябкие мурашки, потом меня заливает тепло, и я лежу разомлевший, как кот на печке.

— Что случилось-то с тобой.

— Упал, — объясняю я в который раз. — Ходил в тайгу и упал со скалы. — Я бессознательно подлаживаюсь под тон этой тетки. — Вот уж семь лет прикован к постели.

И мне опять стыдно за мелкое вранье. Но кедр почему-то у многих вызывает усмешку.

— Грехи.

— Грехи, — соглашаюсь я, и тетка смеется.

— Звать-то как?

— Борисом.

Тетка усаживается на голубой табурет из пластика, достает из тумбочки клубок, спицы и начинает вязать носки. Зачем они ей летом?

В комнате тихо, электрические часы над тахтой чуть щелкают стрелкой.

Открывается дверь, и входит Бек, неся в обеих руках свертки. Тетка убирает с тумбочки свой клубок в подол, и Бек молча раскладывает покупки. Здесь печенка, курятина и черный, как земля, кислый хлеб.

— Покушайте с нами, — предлагает Бек.

— Кушайте сами, — традиционно откликается тетка и это получается у нее совсем не стеснительно, хорошо.

Бек отрезает широкий ломоть печенки, кладет между двумя кусками хлеба и подает этот геологический пласт мне, приказывая:

— Ешь.

Она чувствует себя виноватой и защищается чисто по-женски: грубит сама.

Я покорно беру бутерброд, откусываю. Неплохо.

— Обожди, посолю сверху, — примиряюще говорит Бек.

Щепоткой соли она осыпает ноздреватый хлеб. Лицо у нее усталое, губы влажные, ест она с аппетитом, но аккуратно и красиво. Так часто едят беременные женщины.

— Я сейчас принесу кофе, — говорит тетка и,

положив вязанье на стул, уходит. Бек пользуется моментом, очень близко наклоняется ко мне и спрашивает:

— Тебе ничего... не надо?

— А что?

— Ну...— Бек краснеет и глотает с усилием.

— А! Нет.

Бек заливается румянцем.

— А... а чувствуешь ты себя хорошо?

— Да. Хорошо,— я опять злюсь на нее неимоверно.— Хотел бы вам заметить: ваше поведение,— я говорю очень официально,— ваше поведение, когда мы ехали сюда, заслуживает лучшего. Сначала вы подозреваете, что шофер криво едет, чтобы больше содрать, потом...

Я так и не договариваю. Возвращается тетка с кофе. Она ставит на тумбочку маленькие голубые чашки, а Бек сидит с постным лицемерным видом, это злит меня еще больше.

Я выпиваю чашку горячего горького, как хина, черного кофе, и вопреки ожиданию на меня наваливается сонливость, я некоторое время креплюсь, потом незаметно засыпаю, и сон теплый, освежающий.

Просыпаюсь я скоро. Первое, что я вижу — двух носильщиков, которые топчутся у противоположной тахты, держа на руках молодого парня в спортивной куртке и в белых штанах. Тетушка торопливо застывает тахту, и носильщики, побряхтывая, садят парня на тахту. И потому, как парень неловко ложится, я понимаю, что это мой коллега.

С носильщиками парень расплачивается сам. Он дает им по рублю, и носильщики, толкая друг друга, покидают комнату, но на пороге оборачиваются и салютуют парню.

— Мы тебя придем грузить.

— О'кэй! — откликается парень.

Тетушка обихаживает парня, что-то говорит о грелке и ногах, но парень все отвергает. Однако горячего кофе ему все равно наливают.

— А этот парень что?

Это он спрашивает про меня.

— Больной,— объясняет Бек.— Перелом позвоночника. В санаторий везу... Вы тоже, вероятно, в санаторий?

— Нет, я нет.

— А куда же? — Бек смотрит растерянно.

— В Киев я, к брату!

— Зачем же к брату-то? — спрашивает теперь тетюшка.

— А что? Погощу два месяца. У них сад, яблоки.

— И вы едете один?! — ужасается тетюшка, а Бек быстро оглядывается на меня.

— А чего же,— говорит парень и шевелит шепотками бровей.— Я и дома живу один.— И чтобы сразить всех вконец, он говорит:— Это еще что, я на Сахалин к сестре зимой ездил. Метель, морозина, и я, как Иисус.

— Надо же! А как же вы дома живете: ни жены, ни матери?

— Да так и живу! Пионеры шефствуют. Я в Иркутске живу. Ни разу не видел, как растут яблоки. Вот брат и пишет: приезжай, посмотришь. Я и поехал...

Оборачиваюсь к парню, и он сразу замечает меня.

— Привет,— говорит он грубовато.

— Привет! — отвечаю я; парень нравится мне и своей подчеркнутой независимостью, и жизнерадостным, и скуластым русским лицом.

— Встретились! — восклицает тетюшка, хлопая себя по бедрам.— Ах, горемыки.

Парень явно доволен и потешается открыто:

— Значит, ты едешь в санаторий? Ну, давай, давай! Я приеду на Украину, лягу под яблоню, чтобы яблоки на меня падали. А на сливы и не посмотрю. Может, женюсь.

Тетушка вся колышется от доброго смеха.

И вдруг острый стыд и жалость нахлынули на меня. Этот парень не сказал ничего такого, чем можно было бы оправдать смех толстой тетюшки. Почему она смеется? Я зол и на себя, зол на свое бессилие, на то, что тоже, как эта тетюшка, не могу посмеяться над парнем, который решил жениться на киевлянке.

— Я могу сходить в буфет,— говорит Бек.— Здесь можно купить поесть.

— Нет, спасибо. Я поем в Киеве,— отвечает парень и задумчиво смотрит сквозь меня.— Скоро мой вылет.

Бек качает головой. В комнате появляются еще люди, монотонно звучат голоса, и от этих голосов я снова неожиданно засыпаю.

Просыпаюсь от толчка. Надо мною лица носильщиков, суетня. Меня тяжело поднимают, и я вижу, что парня на тахте уже нет.

Опять машина подходит к белой громадине самолета, и опять носильщики берут меня и несут.

— Ну и могучий ты, парень! — говорит носильщик мне в самое ухо.— Держись крепче!

Мы протискиваемся сквозь узкий вход, и носильщики топчутся в проходе, ожидая чего-то. Потом меня втискивают между спинками, и все объясняется.

— Самолет полупустой, можно занять этот ряд. Кладите вот так,— командует Бек, накрывает меня одеялом, подсовывает мне под голову кубик поролон.

А пассажиры идут мимо и оглядываются на меня — кто испуганно, кто с любопытством, кто просто так.

— Что ты? Тебе плохо? — это Бек.

Она наклоняется ко мне, смотрит внимательно, посасывает выданную конфету.

Самолет трогается, и Бек придерживает меня. — Ну, скоро долетим. Быстрее бы уж!

Она подтыкает одеяло, успокаивает меня

кивком головы и послушно кивает стюардессе, которая торопит ее на место. Но, уходя, успевает сунуть мне в руку «взлетную» карамель.

Самолет покачивается от толчков. Вот он вздрагивает, во всем теле появляется ощущение тяжести, рев наливает голову кровью, но скоро тяжесть заменяется щемящим опасением — это самолет срывается с места и уходит в небо. Я опять остаюсь один и меня опять обступают видения...

МОЛИТВА

В тесной больничной палате появился новый больной и занял соседнюю со мной кровать. Он был старым и беспомощным, с голубыми, потухшими глазами. Сделав пальцы лопаточкой, задумчиво почесывал лысину и деловито пожевывал малокровными губами. Мне показалось, что он скучает, и я сказал:

— Возьмите журнал. Вон... на подоконнике!

— Я слепой, — глухо ответил он и равнодушно добавил: — Свет вижу. Брезжит что-то. Эвон рамы...

Мне стало неловко. Я кашлянул и замолчал. В коридоре загремели тарелки, запахло гороховым супом и колбасой.

Шли тягучие дни. Мой сосед был молчалив, напоминал в такие минуты старую, усталую лошадь. Шаркая слабыми ногами, он ходил по коридору, держась за стенки, неожиданно останавливался, стоял долго и молча, как бы стараясь вспомнить что-то нужное и давнее.

В нашей палате лежали мальчишки. Он звал нас на «вы», и нам было смешно. Мой тезка, круглолицый, веснушчатый пацан Борька, рассказывал слышанные от старших анекдоты. А старик с большой обидой строго судил:

— Вишь, маленькие ишо, а какую соромщину несете. Нехорошо.

Он задумывался и говорил ни к кому не обращаясь:

— Вас учат... Книги хорошие... Нужно правильно жить. А вы? Нехорошо...

По вечерам старик долго пропадал в коридоре. После отбоя входил в палату, как-то поптичьим склонив голову, странно перевирал удадения, спрашивал:

— Вы спите?... Не спите?..

— Спи-им! — басом сообщали мы и прыскали в подушки.

Он задумчиво жевал губами, пробирался к койке и слегка улыбался.

После «мертвого часа» к нему приходила жена. Она была маленькой, худой и серьезной. Приносила ему салат и редьку в пластмассовом стаканчике для бритья. Сидела и, пока он ел, задумчиво молчала.

Потом она выводила его в больничный парк, и они тихо прогуливались по тропинкам.

— А что, уже закат? — как-то спросил он ее и, подумав, добавил. — Солнышку-то я вижу. Как не видать... Да-а...

Мы подружились с ним, и теперь, когда приходила старуха, редьку из стаканчика для бритья мы ели вместе. Старик считал меня непревзойденным шахматистом: мне не попадалось хорошего противника, и я все время выигрывал.

Старик ослеп недавно, три месяца назад. У него от белокровия умер сын. Старик ослеп от горя, но врачи думали, что у него повышенное давление, и старик соглашался с ними. Но я-то знал, от чего ослеп старик: сын у него был единственный.

Постепенно все выздоровели, и мы остались в палате вдвоем. Я подолгу не спал ночами. За окном висели звезды, и я часами гляделся в их беспокойное мерцание. И однажды я подслушал, как старик, забравшись под колючее одеяло, жалобно и однотонно бубнит молитву:

— Господи превеликий, узри раба твоего, умершего шестнадцати лет от роду Сеньку Рябина, и допусти его в рай, ибо он безгрешен, как ангел...

Старик думал, что я сплю. Он, видно, и не молился по-настоящему никогда, и стеснялся своих просьб к некоему всевышнему. Да и молитва ли это была? Скорее — мольба, боль непроходящая, тоска глухая и бесконечная.

За окном шумел парк, в кронах тополей причудливо и таинственно голубели звезды. Недалеко был аэродром. Самолеты натужно гудели над городом, а щемящие сердце слова плыли над всем этим громким, оглушающим шепотом:

— Господи превеликий, узри раба твоего, умершего шестнадцати лет от роду Сеньку Рябина, сына мово...

КАУРОВ И СЫН

Кауров сел за стол, положив руки на прохладную клеенку, ссутулился, стал ждать ужин. Окна в комнате были открыты, и майская прохлада вечера свободно вливалась в комнату. Кауров зябко передернул вислыми, широкими

плечами, хотел закрыть окно, но передумал — приятно будет поужинать горячим на прохладе.

— Я уже грела ужин, но ты опоздал, — сказала из кухни жена. — Есть утрешние котлеты. Подогреть?

— Да. Принесешь с горчицей. Я сегодня день впроголодь провел.

Они замолчали. Вообще они между собой говорили мало, но не из-за враждебности, а из-за того, что не о чем было говорить. Переговорили обо всем. А ссориться им было не из-за чего: жизнь не обидела их. Уже третий десяток лет они жили в достатке, ни в чем не нуждались, он все время занимал руководящие должности, и в последние годы никто из соседей не удивлялся, когда Кауровы всей семьей ездили на курорт за тысячи километров на казенной автомашине и с личным шофером. На работе об этом тоже ничего не говорили, все проходило. А для Каурова подобное положение вещей казалось обычным, он считал это заслуженным, потому что он тяжелым трудом поднял хозяйство, и оно стало приносить неожиданно большие прибыли.

Он любил свою работу, не боялся перетрудиться, его уважали, но в то же время он чувствовал, что шоферы его недолюбливают. Однажды он отправил самосвал отвезти на новый год для дочери в соседний городок, которая училась там, елку. Елочку уложили в огромный кузов самосвала. Кауров сам подписал шоферу путевой лист, намекнув, что на обратном пути тот может подработать, а проходя мимо заправки, Кауров нечаянно услышал, как шофер самосвала ругает его, затейливо пересыпая имя начальника замысловатой смесью. Кауров вышел из-за угла, увидел столпившуюся шоферню. Многие сразу заметили начальника, а шофер самосвала нет, и еще ругался, не видя Каурова, стоявшего в двух шагах. Наконец шоферы засмеялись, и тот, с самосвала, обернувшись к начальнику, растерялся. Но потом его лицо приняло угрюмое, упрямое выражение.

— В чем дело? — в полной тишине спросил Кауров, оглядывая подчиненных.

— А ни в чем! — зло сказал шофер самосвала, хотя раньше, как помнил Кауров, всегда был вежливым, даже казался услужливым. — Сам знаешь!

— Нет, вы все-таки объясните, — чужим голосом попросил Кауров, говоря официально и корректно, чего обычно за ним не водилось. — Я вас прошу.

— А нечего и объяснять! — шофер самосвала повернулся, пошел к машине.

Кауров видел его спину в замасленной телогрейке, широкие, блестящие, как кожаные, от мазута широкие брюки, и все зло прошло в Каурове. Он помнил этого мужичка, у которого вечно что-то не ладилось, а жизнь шла, по его

выражению — кось-перекошь. На мужичка неудобно было сердиться. Кауров иронически блеснул влажной подковкой белых зубов и, обращаясь к шоферам, сказал:

— Опять у него с женой кось-перекошь.

Шоферы переглянулись, улыбаясь, и стали расходиться.

Все-таки Каурову было неудобно перед мужичком. Ведь тот целый день вертел баранку, а теперь после работы — опять в путь, по такой морозине, по гололеду, по которому затормозивший МАЗ несет, как на лыжах. И чтобы поправить дело, Кауров позвонил Аллочке в диспетчерскую, попросил ее проследить, чтобы шофера Юкина посылали в выгодные рейсы. Кауров так и сказал: «в выгодные».

— А что так? — кокетничая, спросила Аллочка.

— Он нуждающийся.

— А вы откуда знаете? — в трубке зажурчал Аллочкин смех.

— Мы живем в одном доме, — сухо сказал Кауров...

Ему казалось, что он и взял от жизни много, и дал немало. Пусть другие так смогут. И Аллочка из диспетчерской подтверждала своими преследующими глазами, что все хорошо, что хоть он и сед, но женщинам еще нравится. Не такой уж он старик, хотя Аллочка старше его дочери всего на три года... Нравятся ему эти заигрывания молодой женщины, но дальше их он не идет. Ни к чему.

Сейчас, сидя за столом, он ни о чем определенном не думал, все сливалось в ощущение уюта и слаженности. Ему нравились собственные, тяжелые, в сетке вен руки на столе, нравился бодрящий холодок, бегающий по плечам и позвоночнику, нравился отдаленный шум города за окном.

Он встал, притворил створки окна, подошел к телефону, набрал домашний номер главбуха.

— Алло!

В трубке пискнуло, гуднуло, потом откуда-то полилась смутная мелодия, забормотали эфемерные голоса. На звонок никто не ответил, и Кауров не стал больше звонить, подержал, слушая, трубку около уха, положил. Потом пошел по комнате, по пути щелкнул клавишей радиолы, убрал на стеллаж валявшуюся на столе книгу.

— А где сын? — спросил он у жены.

— У друзей, — ответила та. — Здесь, на соседней улице.

— Ну-ну! Смотри у меня!

Сына Кауров любил. Парень ничем не обижен. В восьмом классе, а такой лоб вымахал!.. На загляденье. И умом неплох. Сына Кауров понимал и был спокоен за него. Самый верный метод борьбы с завихрениями — книги. Кауров давно понял это, собрал библиотеку и сумел

привить сыну любовь к чтению. Сын читал много, и иногда в спорах Кауров уже терялся перед его доводами. Но именно это его и успокаивало. Кауров говорил жене:

— За Вадьку, мать, не беспокойся. Парень, что надо. Не подкачает. По крайней мере, он достаточно умен и начитан, чтобы не блукать в трех соснах и чтобы не прилипала к нему дрянь. Больше всего я не люблю путаников — партийных и беспартийных. Знаешь, мать, нужно строить — я строю, нужно будет воевать — буду воевать.

Он любил осмысливать свое прошлое и с удовольствием отмечал, что и несколько десятков лет назад мир людской был таким же, как сейчас. А он тогда метался, переживал. Зачем? Во имя чего? Уже тогда он был руководящим работником, но чтобы держать предприятие на такой высоте, как сейчас, ему бы тогда не хватило пороха. Почему? Да потому, что путаником был. Ему хотелось идеального порядка и справедливости на предприятии — и он хватался за все, заставляя других метаться... Хотя, надо признать, результаты были неплохие, но им далеко до теперешних. Часть дел всегда нужно пускать на самотек, мелкие неурядицы рассосутся сами, но зато он может держать в руках основное. При нынешнем уровне жизни самое главное поощрить материально. Раз предприятие богатое, преуспевает — есть возможность хорошо зарабатывать и рабочим, и руководству. Каждому свое, конечно... Пускай в молве он бытует сухарем, пусть шибко крупного работника из него не получилось, но все-таки в руках немалое предприятие, и нужно тянуть, оправдывать доверие...

— Мать, где сын?

— Да я же тебе сказала, у друзей! Убери со стола, да возьми хлебницу, все равно ведь ходишь.

Он зашел на кухню, взял со стола приготовленную хлебницу, проходя мимо жены, потрепал ее по теплой шее ладонью.

Наконец ужин был готов. Кауров подсел к дымящейся тарелке, начал неторопливо отхлебывать прозрачный, янтарный бульон. И даже за едой он продолжал думать обо всем и ни о чем, перескакивая с одного на другое, а вообще-то гордясь собой, что умеет улавливать правильный курс. Вот и сын, что надо, в люди выходит...

— Хороший суп, — довольно сказал он жене. — Горчицы-то к котлетам не принесла?

Жена снова ушла на кухню.

— А я думаю поехать в заграничную командировку, — продолжал он, когда жена вернулась с горчицей. — Но это еще не точно. Может, и отменят.

— А как у тебя с катером?

— С каким катером?

— Забыл. Ты же Вадиму обещал, что доставишь ему катер сплавать с друзьями.

— А-а. Потопят еще!

— Странно. Ведь на катере есть катерист.

— Катерист принадлежит государству, — сказал Кауров хитровато, размазывая по шипящей котлете густую и тающую, как масло, горчицу. Жена засмеялась.

— Так сделаешь?

— Сделаешь, сделаешь, — пообещал Кауров, покрутил носом от шибанувшей в ноздри горчицы. — Ну и горчица у тебя, мать!

— Свежая.

— Я у тебя там огурцы видел. Дай-ка.

Жена принесла огурец. Кауров разрезал его на две дольки, и свежий травяной аромат разлился по комнате. Кауров понюхал огурец, крикнул.

— Где достала такой благодати? В магазине?

— Как же! Пора весенняя, в магазине шаром покати. Это мне Семенов одолжил.

— Какой это?

— Будто не знаешь! Из ОРСа.

— А-а. Купец тот. Блатом пользуешься.

— Гриша, что за купец?! На Первое мая мы у них были в гостях. Забыл? У них сын в одном классе с Вадей...

— Ну-ну...

Зазвонил телефон. Жена взяла трубку, послушала, сказала:

— Да, он дома! — Обернулась к мужу. — Гриша, тебя...

Кауров поднялся из-за стола, на ходу вытирая салфеткой губы, подошел, взял трубку.

— Кауров слушает.

Жена стояла рядом, сложив полные руки на груди, вопросительно смотрела ему в лицо. А лицо Каурова вытянулось, сначала побледнело, потом покрылось бордовыми пятнами, затем белесые брови сдвинулись, в глазах мелькнул стальной огонек.

— Сейчас я приеду. Да, да! Обязательно...

Кауров швырнул трубку, отодвинул жену, пошел через комнату, как-то особенно тяжело и плотно ступая по полу, покачивая неподвижно опущенными вдоль тела руками. Надев костюм, он обулся, стал искать шляпу.

— Шляпа вот! — сказала жена, протягивая шляпу, потом несмело спросила. — Что там?..

— А-а! Чепуха! Потом узнаешь! — сказал он раздраженно, но, уже взявшись за ручку двери, объяснил. — Наш поросенок с друзьями засел в подвале, ну и вино у них там, девчата... Не было печали...

— Я с тобой! — сказала жена испуганно, но он, не слушая, выскочил, хлопнул дверью, и грузные частые шаги загудели по лестнице. А когда она выбежала из подъезда, «Волга» мужа уже выходила из ворот, потом выскочила на улицу и на повороте мигнула задним фонарем.

Ехать было совсем недалеко. Кауров знал это место, сразу нашел нужный переулок, и, качаясь на неровном вспученном асфальте, «Волга» судорожно метала свет фар по стенам домов, по решетчатым оградкам. Подрулив к нужному дому, Кауров остановил машину, выключил мотор и в наступившей тишине покаянно подумал, что зря обидел жену и не взял ее. А впрочем — так лучше. Будет меньше крику.

Где же здесь разбойничий притон?

Кауров тяжело вылез из машины, хлопнул дверцей, и машина качнулась. Кауров огляделся, закурил, не зная, куда же идти. Но тут из-за угла ближнего дома показалась низкорослая, толстая фигура. Наконец Кауров разглядел круглое, добродушное лицо, маленькие глазки под полями серой шляпы, толстый, бесформенный, как ливер, подбородок.

— Мое почтение, Григорий Филиппович, — сказал толстячок неожиданно крепким басом, и Кауров узнал голос. — Звонил я. Решил, что лучше, если вы сами. Меньше будет лишних разговоров, — он понизил голос. — Я ведь понимаю... Это вон в том подъезде, лестница в подвал.

— Хорошо. А что там?

— Поверьте, в деталях не знаю. Просто понятно, что там пьяная молодежь, и там же ваш сын.

— До свидания.

— Да, да. До свидания.

Толстячок попрощался, но не ушел, и, входя в подъезд, Кауров чувствовал спиной его любопытствующий взгляд.

В подъезде стояла темнота, сильно пахло кошками и известкой. Кауров постоял, привыкая к темноте, потом шагнул, ударился больно плечом о какой-то выступ, нащупал перила, стал шарить ногой ступеньку. Нашарил, и в сердце неприятно екнуло, потому что ступени были высокие, и ему показалось, что он падает. Только этого еще не хватало! Загреметь, чтобы из квартир повыскакивали люди, стали расспрашивать и помогать...

Он спустился по лестнице, прошел вперед, шаря руками по стене, и догадался, что попал в подвальный коридор, потому что потянуло промозглым, острым сквозняком. Сдерживая зябкую дрожь, Кауров пошел вдоль коридора и заметил узкое лезвие освещенной электричеством щели. Пройдя ближе, он разглядел, что это щель приоткрытой двери, и сразу услышал голоса, звон стекла, а нос учуял сухой запах табачного дыма. Сдерживая дыхание, Кауров взялся за ручку, заглянул в щель...

Серый подвальный закуток тускло освещала маленькая лампочка. В глаза первым делом бросился дощатый ящик. На нем чего только не было! Даже блестело белым серебром жирное горло шампанского, а из тарелки с закуской

торчком выглядывала вилка и бронзовела ложка. Спиной к Каурову сидело двое юнцов, девчонка — сбоку. Вокруг девчонки был очерчен яркий меловой круг, и надпись на фанерке, воткнутой углом, гласила: «Опасно! Ничейная земля!» А прямо напротив сидел младший Кауров, в одной руке у него был стакан с вином, а другая рука покоилась на плече девчонки. Девчонка была хрупкой, черты лица мелкие. Кауров в мгновение окинул ее взглядом, увидел маленькие ноги в туфлях, круглые коленки и выглядывающую из-под платья нижнюю рубашонку, подрубленную синими нитками, тонкие руки на коленях, озябшие, в пупырышках.

— Ну что, дай бог, не последний? — спросил кто-то из ребят, что сидели спиной к Каурову.

«А они, черти, неплохо устроились, — удивился Кауров. — На стенках хвойных хвостов повесили, ящик газетой накрыт... Культурно. И вина достаточно. Шампанское и три бутылки вермута. И закуска какая-то. И без конфет не обошлось... Для дамы. И гитара в углу...»

Стаканы в руках взмыли над столом, грянули вразнобой, кто-то уже над стаканом протирал: «Дай бог, не последний...» Тогда Кауров распахнул дверь и сказал:

— Отбой!

Все испуганно оглянулись и, узнав его, потупились. Младший Кауров сидел, разинув рот, и смотрел на отца. Остроглазая девчонка тоже узнала отца Каурова, съезжилась и покраснела, как помидор. Никто не в силах был сказать ни слова. Эти детские лица, возбужденные алкоголем, были так невероятны для Каурова, что он сначала почувствовал только удивление.

— Ты за мной? — наконец, спросил сын, тыча себя большим пальцем в грудь. — А мы вот...

— Да, я вижу...

— Донос! — в негодовании закричал самый маленький, и его смышленная бурундучья физиономия осветилась вызовом.

В сущности, ничего не случилось. Но от этого подземелья, от ощущения над головой большого дома, от этого общества и пирующих детей в душе Каурова поднялась растерянность, он почувствовал удушье от сырости и от этого тусклого света засиженной мухами лампочки. А самое главное, в нем внезапно появилось давно забытое чувство беспомощности.

— Нагулялись? — чужим голосом спросил Кауров.

Компания молчала.

— Нет, — огорченно сказал самый маленький.

Первой прыснула рыжая девчонка на «ничейной земле», а потом весь подвал гуднул от короткого смеха.

— Как я понимаю, — светским тоном проговорил шкет, ободренный смехом, — эта лавочка закрывается. Или вы присоединитесь?

Шкет шел напропалую и сам пугался того, что говорил, но остановиться уже не мог. — Молчание — знак согласия?

Перешагнув через крышку ларя, служившего скамьей, Кауров наклонился над столом, взял одну бутылку, брякнул ее о бетон в углу, потом вторую, третью. Толстая бутылка шампанского не разбилась, и вино, шипя, стружкой побежало на замусоренную землю, расплылось лужицей, и странно запахло кислым виноградом. Маленький нагнулся, поднял бутылку и подал ее Каурову, и тот, растерявшись, принял.

— Вдарьте еще раз! — посоветовал шкет и, вытащив из кармана очки, надел их.

Лицо Каурова залило румянцем, он отбросил бутылку и, выпрямившись, сказал:

— Вадим, домой.

Сын медленно поднялся с ящика, среди гробового молчания голенасто прошагал к выходу, глуповато, по-мальчишески улыбаясь, а, проходя мимо отца, инстинктивно втянул голову в плечи. И именно поэтому Каурову захотелось дать ему подзатыльник. Выходя, Кауров остановился на пороге, окинул глазами молчащую компанию и буркнул:

— Советую следовать примеру, — остановил взгляд на очкастом и добавил персонально. — Вам тоже.

Кауров шагнул через порог и уже в темноте зрительная память подсказала ему, как застыла остроглазая серым комочком на своем месте, зажав смуглыми коленями сложенные ладони и глядя в пол. И сейчас, хотя девчонка кажется совсем маленькой, она очень похожа на взрослую женщину. Каурову вдруг захотелось вернуться, взять эту девочку и довезти до ее дома, но он тут же подумал, что это будет лишним. Дня через три, когда все утрясется, он узнает у сына, что к чему...

А девчонка милая. Кто ее родители? Где-то Кауров видел эту девчонку и должен знать ее родителей... Зря он разбил бутылки. А они испугались. И тот — очкастый шкет. Какой остроязыкий! Сразу нащупал дефект в психологической атаке взрослого... Ах, ты умник!..

Когда Кауров подошел к машине, сын уже сидел в кабине на заднем сиденье. Впервые он сел по собственной воле на заднее сиденье. Ведь терпеть не может. Трусит?

Кауров сел за руль, включил зажигание, и свет фар выхватил из тьмы слепой фасад противоположного дома. Неужели все спят? Ах, нет, это же контора ЖКК. Вон вывеска. Кауров тронул «Волгу» с места, и свет фар опять запрыгал по домам, по огородам, отсвечиваясь в окнах. Сын безвольно мотался на заднем сиденье. В зеркальце Кауров различал его лопухое лицо, тонкую шею. И опять, после минутного облегчения, на него навалилось что-то темное, тяжелое, как там, в подвале.

Он чуть не проехал мимо своего двора. Свернул, машина скользнула под арку ворот, выхватила светом из тьмы женскую фигуру в белом переднике. Жена. И передник снять забыла. Кауров затормозил, не оборачиваясь, сказал:

— Вылазь.

Когда сын поднялся, Каурову снова захотелось ударить по этому розовому глупому от вина лицу, и сын понял это. На мгновение их взгляды встретились, и ироничная кривая улыбка заставила отца дрогнуть, опустить уже поднявшуюся было руку.

Сын щелкнул дверцей, вылез, выпрямился. Высокий парень в сером костюме, в нейлоновой рубашке. С виду и не скажешь, что ему только пятнадцать.

К нему подошла мать.

Кауров повел машину в гараж. И ставил машину в гараж, и замыкал двери гаража он намеренно долго и обстоятельно. Домой идти не хотелось. Там нужно что-то говорить. И Кауров был в полной растерянности, он не знал — о чем же он должен говорить с сыном.

Я лежу в дремоте. Но ясно слышу, как самолет чутко касается посадочной полосы, а потом пугающе быстро я начинаю ощущать толчки маленьких неровностей, представляю бешено вращающиеся колеса громадины-самолета. Потом он бесконечно долго катит куда-то, покачиваясь с крыла на крыло, наконец, останавливается, облегченно смолкают моторы, и звенящая тишина густо плывет в уши. Есть такие мгновения, которых человек боится. Это, наверное, зависит от характера. А может, и от строения души. Одних пугает темнота, других резкие звуки, а меня тревожит то, как самолет кончает полет и его моторы замолкают. В это мгновение возникает какое-то ощущение пустоты.

В самолет влетел жаркий терпкий воздух, и люди стали подниматься, нетерпеливо поглядывая в иллюминаторы. Затем, видимо, стали выпускать, потому что все, толкаясь, двинулись вперед, мимо меня. Я закрыл глаза, но все равно чувствовал, как чужие взгляды скользят по мне, ощупывают. На спящего человека всегда смотрят не стесняясь. А я притворяюсь спящим и слышу разные реплики.

— Никакого такта у людей! — шипит Бек, когда проходит последний пассажир.

— Верно, — соглашаюсь я. — То подозревают шоферов, то еще что. Вполне согласен...

— Ай, молчи!

Самолет заполняет тишина, потом где-то там брякает ведро, и в салон заходит пожилая женщина, уборщица. Она разглядывает меня и говорит:

— Молоденький. Сегодня-то вы одни, а вчера троих привезли и женщину, девчонка почти. Ох, и калечится народ. Все молодые, молодые... Такси-то вызвали?

— Да.

— Ну я подожду. Можно присесть?

— Пожалуйста.

— А я вот лайнеры мету. У нас ведь здесь отовсюду самолеты. Кто цветы везет, кто бутылки под ковры толкает. А из Алма-Аты привезли змею. Я веником ее как шуганула, она от меня, а я за ней. Летчики мне шутят: «Эфа!». Я думала дразнят, озорники. Нет, оказывается, змея такое имя.

— Ну и что дальше? — спрашивает Бек, глядя на уборщицу.

— А чего. Съели змею. У Гаврикова охотничий пойнтер, так он как набросится, как начал трепать. И съел.

— Съел?

— Ага! Только голову не стал, — тетка смотрит на меня ободряюще и смеется, прикрыв рот ладонью.

— А собака? — спрашиваю я.

— Чего ей! Жива. Носится где-нибудь... А вот еще наша братва везла с самого севера белого медведя. То ли его обкормили, то ли жарко стало, только сделалось медведю дурно. Ревет благим матом. Ну, ему гигиенический пакет. Но медведь-то что понимает? Весь салон был, как отрезвитель, когда убирала. «Вот, — говорю я своей братве, — сами маетесь в своих ероплахах, так хоть бы скотину бессловесную за облака не толкали». Смеются... А вы-то сами откуда?

— Мы сибиряки! — говорит Бек.

— Сибирь — она большая! — рассудительно замечает уборщица.

— Из Дивногорска.

— Вроде слышала о таком... А что с пареньком-то?

— Поврежден позвоночник.

— Не с горы ли упал?

— С горы, — необщительно отвечаю я.

— Ишь, не берегутся молодые, — укоряет уборщица.

Где-то там опять слышны голоса, и в салон входит русоголовый мужик в клетчатой ковбойке.

— Сюда вызывали? — спрашивает он.

— Да. А носильщики здесь?

— А кого нести?

— Вот больной.

— А зачем нам носильщики! Я сам.

Не говоря ни слова, он наклоняется ко мне, подхватывает в охапку, и Бек ойкает. Он несет меня очень легко, сквозь рубашку я чувствую, как пышет его разогретое солнцем тело. Мы протискиваемся в проход, и я слепну от щедрого южного света, от непривычно ясного неба

и от сияющего, как снег, бетона. Воздух горячий, горьковатый и щекочет горло.

Мы спускаемся по трапу. Бек обгоняет нас, открывает заднюю дверцу, и меня опускают на кожаное мягкое сиденье. Я взъерошен, помню, как цыпленок, вылупившийся из яйца. Бек смотрит, как я фыркаю, очищаюсь, и смеется.

— Граждане! — говорит шофер. — Счетчик крутит. Или у вас деньги лишние?..

Он ведет машину хорошо. Она у него, как живая.

— В санаторий? Я знаю, — говорит шофер. — Я туда часто вожу. А про змею вам рассказывали?

— Про какую?

— Да будто собака съела. Это тетя Нюра говорит. Но не может такого быть. Сдохла бы собака.

— Почему?

— Да сдохла бы! — говорит шофер упрямо, покачивая свой руль. — А кроме того, пойнтер змей боится, как огня.

— Но почему? Может быть... — говорит Бек.

— Нет. Не может! — шофер оглядывается через плечо. — Но все почему-то верят. Утром два магаданца в Евпаторию ехали. Она тоже им рассказывала. И поверили.

— А почему вы не верите? — Бек не так-то просто разубедить в чем-либо.

— Сдохла бы собака! — говорит шофер. — Верно, парень?

— Не знаю. Собаки после змеиных укусов траву едят.

Шофера, как видно, изумил этот довод, он с сомнением пожал плечом.

Мы выезжаем на белое жаркое шоссе, минуем здание вокзала, вокруг которого кучерявая южная зелень. Горячий степной ветер врывается в кабину, и мы выскальзываем на простор, где плывет, звенит над выжженными бурями курганами густое солнце.

Затем мы въезжаем в городок, плуаем по каким-то улочкам, и вот перед нами возникает белая арка ворот. Минуем арку и едем по широкой аллее парка. Машина разворачивается у какого-то здания и останавливается. Прямо за окном кабины я вижу бассейн. Посреди бассейна стоит на одной ноге каменный аист, а с четырех сторон сидящие на тумбах жабы плюют на аиста струйками воды.

— Это ванный корпус! — охотно поясняет шофер. А Бек торопится и, выслушав объяснение шофера, где здесь кого искать, уходит.

— Тут хорошее лечение, — продолжает шофер. — Многим помогает. Оторванные ноги чуть ли не вырастают! Тебя обязательно поправят.

— Сомневаюсь, — говорю я. — Но может и повезет.

Шофер настороженно вглядывается в мое лицо.

ВЬЮЖНЫЙ ДЕНЬ

— Главное — не отчаивайся. Нельзя так. Я знаю, что грязи здесь хорошие.

— Что ж, вполне может быть.

Он дружелюбно угощает меня «Шипкой», и я с удовольствием закурываю.

Из здания торопливо выбегает Бек, подходит к нам.

— Все хорошо! — говорит она. — Они сказали, что нужно свернуть на главную аллею и подъехать к корпусу. Я увижу по вывеске.

Шофер бросает окурок в монументальную, как терем, мусорницу и садится за руль. Мы делаем круг, объезжая фонтан, сворачиваем на следующую аллею и едем по ней, видя с одной стороны между дубами белые коттеджи.

Я первым замечаю этот коттедж. Вернее, я сначала обращаю внимание не на коттедж, а на людей, все они на инвалидных колясках и эти коляски нелепы, как фаэтоны. Спинки высокие и прямые, как у тронов, ступенька для ног немного вынесена вперед и сделана сплошной.

— Это тут, — утверждает шофер.

— Вероятно здесь! — говорит Бек. — Вы подождите, я узнаю.

Бек уходит, шофер глядит ей вслед и негромко спрашивает:

— А кто это, твоя жена?

— Нет. Что вы. Она работает в больнице и со мной поехала случайно.

Больше мы ничего не говорим и оба видим, как из подъезда выходит Бек. За нею шумной гурьбой движутся сестры и нянечки и везут коляску, точно такую же, на каких сидят люди у подъезда. Коляска, видимо, тяжелая, она быстро катит с пологого бетонного спуска, и толстая маленькая старушка вприпрыжку мчится за нею, уцепившись обеими руками за высокую спинку.

Вот вся эта процессия скрывается за декоративными кустами, показывается рядом с машиной, и я вижу веселое лицо Бек. Они открывают дверцу, Бек что-то хочет скомандовать, но две толстых старушки с неожиданной легкостью подхватывают меня, волокут из машины, и я сам не понимаю, как оказываюсь на коляске.

— Что вы, тяжело, — говорю я, а старушки скептически переглядываются.

— Здесь и не такие есть!

— Держись крепче.

Коляску пятят назад, разворачивают, и все мы гурьбой движемся по обратному пути, потом поднимаемся по пологому спуску. У двери на черной коляске сидит старик, он, как дом крышей, покрыт огромной эстонской шляпой, и из-под шляпы идет дым.

Больше я ничего не успеваю рассмотреть, потому что меня ввозят в вестибюль и везут по светлому коридору, застланному красным, как кровь, ковром.

Бабка была благообразная и величавая, с лицом святой и большими руками крестьянки. У нее седые, как снег, волосы. Она всегда бывала задумчивой и тихой.

Дед же, в противоположность ей, сутулый, высокого роста, большеголовый. У него яркие зеленые глаза и широкий нос. И еще он очень любил подшучивать над старухой.

Жили они на краю деревни, в бараке, в котором остальные квартиры пустовали. Ветер вольно залетал в разбитые окна и ночью был слышен его тоскливый свист. И еще где-то монотонно скрипела полуоторванная ставня.

У бабки был хороший сон праведницы, и она быстро засыпала. Дед же долго ворочался, кряхтел. От свиста ветра ему становилось как-то не по себе и он неприязненно косился на бабку: «Ну и мастер поспать! А я как черт в раю».

Опомнившись, он сплевывал три раза и виновато косился на темноликую икону. Никола-чудотворец глядел на деда хитрыми, мудрыми глазами, и деду казалось, что он над ним потешается.

Дед верил в бога на всякий случай. Вообще-то деду очень хотелось, чтобы рай все-таки существовал. Больших грехов дед за собой не помнил. А маленьких — кто их не имеет? И почему в таком случае не попасть в рай? И тем не менее, желание устроиться в дальнейшем поприятнее не мешало ему в «великий пост» лакомиться скоромным. По этому поводу бабка ругалась и называла деда богохульником, а в своих молитвах всегда не забывала вставить: «Прости, великий боже, мово старого хрыча за глупость его святотатскую!»

Бабке бог представлялся очень добрым, в голубом одеянии и со светящимся венцом вокруг головы. Когда бабка рассказывала это деду, тот, несмотря на опасение, что рай ему не достанется, никак не мог упустить случая подшутить над бабкой.

— Свет серебряный? — выспрашивал он.

— Истинно серебряный, — подхватывала бабка, — с голубым чуть-чуть. Все сияние, сияние...

— Как вывеска над листораном, — в тон ей тянул дед, — что мы, будучи в городе, зрили с тобой...

Дед заходился в смехе, а бабка торопливо отрецивлялась от него, как от силы нечистой...

Когда, помучившись, дед засыпал, ему почти всегда снилась молодость. И спал он поэтому долго и с наслаждением. Просыпался нехотя. А бабка уже хлопотала у самовара.

Самовар вскипал, и они садились за стол. Дед с удовольствием ел сдобную булку, макая

кусочками в стакан, прилебывал густо заваренный чай. Бабка же степенно дула в стакан, который она всегда держала в красном с желтыми ягодами подстаканнике.

Утолив голод и жажду, дед на закуску наливал еще один стакан чая и брал газеты с журналами. Сидел, изредка прилебывая чай, и каждый раз, вытерев о штаны повлажневшую от горячего стакана руку, листал хрустящие страницы.

Так и шла их жизнь: однообразная и спокойная, как шаги маятника стальных часов.

Как-то дед, перелистнув несколько страниц и увидев картинку, грустно крякнул. На картинке женщина, считай — почти голая, шла к морю. Небо синее и море синее, а женщина загорелая и озорная. И еще — прибор с белыми гребешками пены.

Дед встал, нашел очки, снова подсел к столу. Картина называлась «Утро». Дед притих, восхищенный и грустный.

— Старая! — позвал он. — Поди глянь: девка нарисована — чисто ты в молодости.

Подошла бабка, на ходу вытирая руки о передник. Взглянула на картинку и сказала убежденно:

— Святая!

Дед поперхнулся от негодования:

— Святая?! Ты знаешь, как ее зовут? — он

как бы ненароком прикрыл узловатым пальцем подпись. — Утро ее зовут! — помолчав, торжественно сказал дед. — Ну? Есть такие святые?

Бабка промолчала, а дед захорохорился:

— Да будь у нас в колхозе этакая святая — миг бы завлек!

— Ты? — добродушно сказала бабка. — Пень старый.

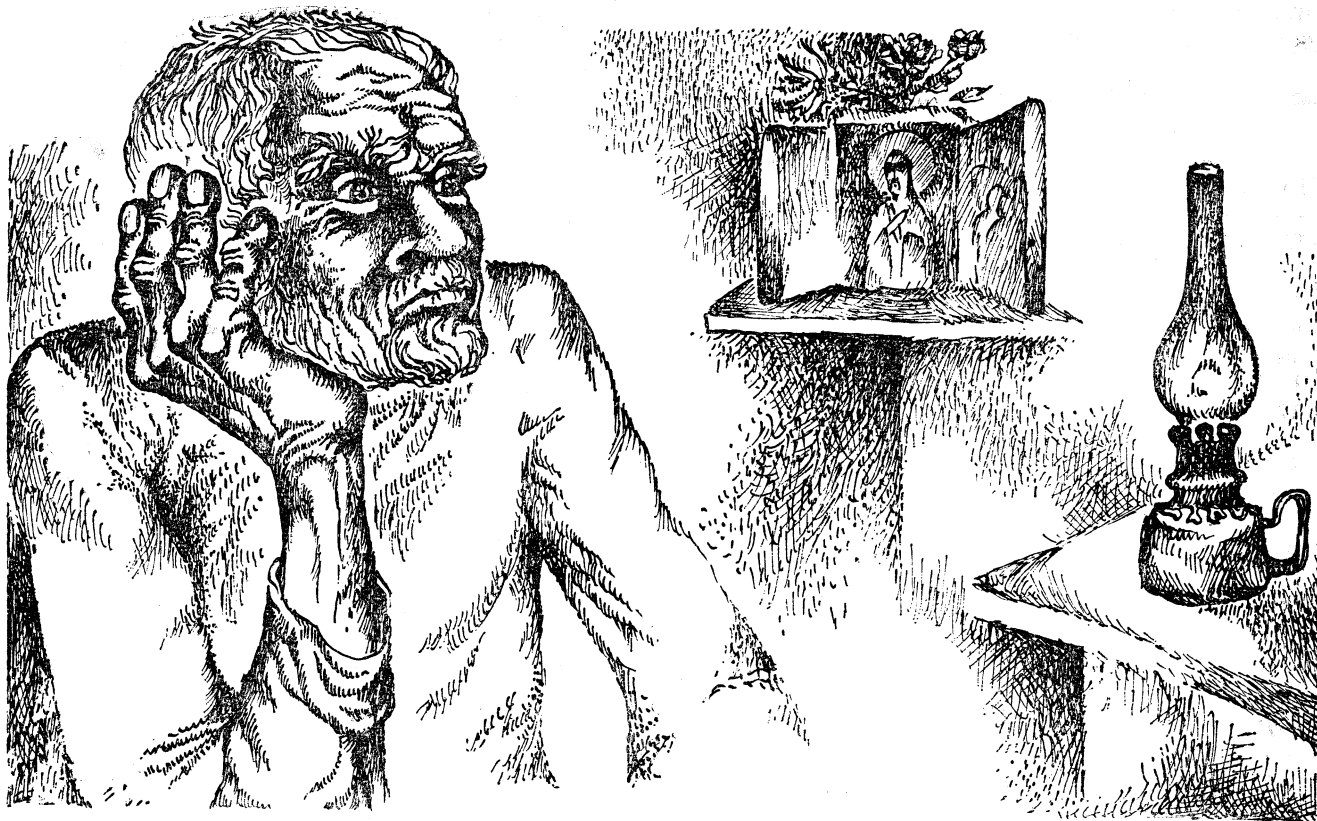
— Оскорбляй, оскорбляй! — продолжал хорохориться дед. — Я бывало...

— Хоть бога постыдись! — вздохнула бабка. — Болтаешь всячину. Помогите с печью сладить, обед-то не за горами...

Пообедав, они сели у окна и ждали почтальона. Ждали письмо от сына. А писем не было уже второй месяц. После окончания школы сын сразу уехал на стройку. Много лет писал часто и даже как-то перевод прислал. Старик посоветовался со старухой и отправил перевод назад, добавив от себя двадцать рублей. Старикам хватало пенсии, а сын молодой, ему то одно купить надо, то другое.

Бабка очень тосковала по сыну и украдкой плакала. И тогда дед выпилил из фанеры резную рамку и, вставив в нее фотографию сына, подарил бабке. Теперь неуютными вечерами бабка долго вглядывалась в фотографию и улыбалась чему-то.

Старуха для сына даже невесту заметила:

дочь Пантелея Силина. Девка крепкая и румяная. Что еще надо? Дед посмеивался над старухой, но в душе одобрял...

На улице метелица несла по волнам сугробов летучую снежную пыль. Старик и бабка ждали почтальона. Бабка за столом вязала деду носки, а дед сидел у окна и скучал. Он завистливо косился на бабку и думал: «Нашла себе занятие...» Потом он хитровато улыбнулся и громко крикнул:

— Почтальон!

Бабка охнула и бегом к окну. Поняв, что ее обманули, она вернулась на место, но отложив вязанье, стала грустно смотреть в окно. Довольный дед хохотал до слез.

— Тю, старый! — добродушно упрекала бабка.

Потом взаправду появился почтальон. Дед, боясь, что он опять пройдет мимо, сразу же притих, и в его глазах появилось тоскливое ожидание. Да и бабка тоже съезжилась и стала маленькой и покорной.

Но на этот раз почтальон свернул к их дому. Звякнула щеколда, в сенях гулко затопали ногами, сбивая снег. Потом вошел почтальон, порылся в сумке и протянул деду конверт. Посидел немного, пересказал кое-какие колхозные новости и вежливо попрощался.

Дед терпеливо ждал, пока был почтальон, не распечатывал письма. Лишь когда за почтальоном захлопнулась дверь, дед дрожащими руками надорвал голубой конверт.

Письмо было в полстранички. Старик читал про себя, низко опустив голову.

— Ну, не томи же! — взмолилась бабка.

— Не от Петра письмо-то, — глухо сказал дед, не глядя на бабку. — От приятеля, в том же городе проживает, где и наш Петро. Пишет, что Петра видел и от него мой адрес взял.

— А Петя? — спросила бабка недоверчиво.

— Что ты, старая ведьма! — озлобленно взвился дед. — Совсем не веришь?

Дед сунул ей конверт. Бабка не умела читать написанное от руки. Она отстранилась от деда, и у нее обиженно задрожали губы. Дед покосился на нее, сник и сгорбился.

Потом торопливо засобирался. Натянул шубейку, шапку-ушанку; намотав на ноги побольше портянок, натянул старенькие, подшитые валенки. Бабка сидела у стола на лавке седая и слабая.

Дед нерешительно потоптался на пороге, поглядывая на нее, и сказал, прокашлявшись:

— Ты того, старуха... Не серчай на меня! Я ведь...

Суетливо махнул рукой, бабка подняла голову и вздохнула: «Чего уж там!»

Дед немного повеселел, прошел в угол, к сундуку, поднял крышку, покопался и, достав газетный сверток, сунул его в карман шубейки.

Уже у порога он обернулся и бодро сказал:

— Я, старая, скоро вернусь!

На улице было морозно. Ветер залетал под полы шубейки, охлаждал медлительную кровь. Дед, загребая валенками снег и зябко передергивая плечами, шел к сельсовету.

В коридоре сельсовета было тепло. Дед распахнул шубейку и достал сверток. В свертке были две начищенные медали — награды деда за Отечественную войну, он аккуратно приколот их к потертому, старенькому пиджаку и, запахнув шубейку, постучал в дверь с надписью: «Председатель сельсовета».

— Войдите! — ответил мужской голос.

Дед вошел, поздоровался. За столом сидел грузный мужчина — широкоплечий и лысый.

Не поднимая головы, председатель кивнул деду на стул. Дед сел. Председатель торопливо дописал какую-то бумагу и, подняв голову, приветливо спросил:

— По какому делу, Василий Иванович?

Дед бестолково засуетился и молча протянул письмо. Председатель пробежал глазами по строчкам и нахмурился.

— Как же это так? — сипло спросил дед, вытягивая худую шею, — сын мой Петро и вдруг — вор! Какой же он вор, когда я его на этих руках сызмала пестовал?!

Дед протянул председателю темные, раздавленные работой руки.

Председатель молчал.

— Старуха-то, — продолжал дед, — узнает — не выдюжит. Как же я без старухи?

Дед часто замигал. Воцарилось тяжелое молчание.

— Не переживайте! — наконец сказал председатель. — Я напишу письмо: будем надеяться, что все это недоразумение.

Он почувствовал себя в чем-то виноватым. Ему хотелось успокоить, ободрить деда, но он только задумчиво протянул:

— Мда-а-а...

Дед постоял еще немного и, шаркая валенками, вышел из кабинета. Он о многом забыл рассказать председателю, позабыл показать и медали.

Дед зашел в сельпо, которое по пути было, купил поллитровку и колбасы. За прилавком стояла девка Силиных и разговаривала с белобрысым разбитным парнем. Дед, прижав к груди покупки, тяжело перешагнул через порог.

Было уже темно. Дед долго шел до дому и замерз. Дверь ему открыла обеспокоенная бабка и руками всплеснула:

— Да на тебе ж лица совсем нету!

— Холодно, — равнодушно ответил дед.

Бабка помогла ему раздеться, накормила горячими щами. Дед выпил полстакана водки и отогрелся. Он долго сидел молча, а потом сказал старухе:

— Ты ложись, старая, а я все равно буду долго возёкаться и тебе мешать...

Бабка легла и вскоре заснула. Дед еще долго сидел за столом и пил помаленьку из бутылки. Постепенно он опьянел и, тихо заплакав, строго погрозил пальцем хитрому лику Николы-чудотворца.

Заснул он только утром. Ему снилась светлая изба, молодая еще Верка сидела на лавке и кормила грудью сына. Проснулся он с головной болью. Бабка заботливо пожевала провалившимися губами и сказала:

— Утресь тебя пробуждать не стала — ты во сне постанывал все. Заболел, верно.

Она накормила молчавшего деда обедом и уютно примостилась с недовязанным носком у окна. «Почтальона ждет, — с болью подумал дед. — А почтальона не будет! Эвон, как горбится!» Дед долго и странно рассматривал бабку, потом подошел и сел рядом.

— Петро в испидицию ушел, наверно, — наконец хрипло сказал он, — руду разную искать. Какие же из тайги письма-то?

Он помолчал и покосился на бабку. Лицо бабки просветлело, и она отложила носок.

Дед приободрился и по-молодому улыбнулся, только рука беспомощно упала на лавку. Было тихо. На улице мела поземка, ветер выл в трубе, а с иконы на деда оценивающе посматривал Никола-чудотворец, как бы прикидывая — достоин ли дед рая.

Он идет медленно, как плывет. Так всегда ходят очень старые люди. И так же медленно плывет на его голове докторская шапка. Он весь очень тяжел на вид, мягкий и большой, как копна. Я вижу, как он, важно склонив голову, проходит мимо один раз, потом возвращается и идет, точно так же держа набок голову, только я вижу теперь его с другой стороны. За ним следует белая медицинская кавалькада.

Они останавливаются возле меня.

— В чем дело? — спрашивает доктор и дрожащими пальцами поправляет на носу очки. Через свои дальнобойные стекла он, наконец, рассматривает меня. — Так в чем дело?

— Это больной, — говорит сестра.

— Да, но почему он лежит в коридоре?

— Его привезли вчера. Вечером. Сегодня переведут в палату.

Врач шевелит бровями, и его глаза за стеклами очков смотрят на меня грустно, устало.

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо. Хорошо.

— Да!

Все смеются, потому что мой ответ нелеп.

— Ну-ну, будем лечить. Положите его в восьмую.

— Хорошо.

— Будьте здоровы!

— Спасибо, — отвечаю я немного растерянно, потому что обращение не совсем обычное...

Они текут мимо меня.

Я лежу в самом углу около книжного шкафа. Корешки книг старые и потрепанные. У моего изголовья большое окно с чистыми стеклами, за этим окном дворик и какое-то растение с огромными мясистыми листьями на тонком стволе. Все это выглядит празднично, как букет на столе.

Чувствую во всем теле странную легкость. На меня снова наваливается сонливость и, как в омут, я проваливаюсь в сон. Но спать не дают. Кто-то тормозит меня за плечо, открываю глаза и вижу над собой миловидное женское лицо.

— Больной, — мурлычет она, — как вы оказались около шкафа? Разрешите воспользоваться дверцей?

— Пожалуйста!

Она распахивает дверцы, и мой нос чутко улавливает знакомый запах книг. Запах сладковатый, желанный.

— А что вас в коридоре положили?

— Не знаю, — говорю я. — Скажите, библиотека у вас большая?

— Ну, как сказать... Нет, пожалуй.

Она присаживается у шкафа и кладет на смуглые колени книги высокой стопкой под самый подбородок. А из глубины коридора появляется толстая старуха, которая, уперев руки в бока, некоторое время рассматривает меня, потом говорит:

— Тебя в восьмую?

— Кажется.

Женщина поднимается от шкафа, выгнувшись от тяжести книг, уходит.

— Сидеть-то в коляске можешь?

— Смогу.

Она уходит и вскоре возвращается, везя перед собою низкую широкую коляску. Так же молча она заворачивает меня в простыню, потом берет подмышки и пересаживает на коляску. Я чувствую себя на этой плоской коляске, как рыба на сковороде.

Коридор поворачивается, затем въезжаем в маленькую палату через двустворчатую дверь. В палате зеленый сумрак. В тишине старуха снова берет меня подмышки, с умением кладет на кровать, и я стыжусь ее лица.

Лежу на прохладных простынях. Почти, как дома. Вот кровать, вот балканская рама¹, полотенце в изголовье.

¹ Специальное устройство над кроватью, с помощью которого больные с парализованными ногами могут переворачиваться и садиться.

Я поворачиваю голову и инстинктивно чувствую на себе внимательные взгляды. Приподнявшись на локте, оглядываю палату. Человек в этом положении чувствует себя всегда глупо. Чисто из превентивных мер я веду себя несколько вызывающе. Взрослые знакомятся так же, как дети, и все помнят, как это происходило.

В палате пять коек. На противоположной койке лежит толстый насупленный человек. У него тяжелый взгляд и толстые женские руки. На его койке сидит мелкозавитая женщина с мелкими чертами лица. Дальше, у окна, лежат молодые парни.

— А сейчас слушайте! — оглушительно громко вещает со стены репродуктор. Женщина морщится, как от зубной боли, встает и выключает регулятор.

— А чего? Пусть, — угрюмо возражает чернявый парень на койке посредине. Но женщина отмахивается рукой.

— Э? Как тебя зовут? — неожиданно запросто орет один из парней.

— Борисом, — говорю я.

— А я Валька. Вот рядом мой тезка, а вон тот — Спартак. Ты откуда?

— Из Дивногорска.

В палату входит беленькая толстая, как кубышка, сестра:

— Вы Никонов? — спрашивает она. — Скажите о себе подробно: имя, фамилию... ну, и все остальное.

Я говорю ей все, и она уходит — маленькая, толстая, неизвестно почему вызывая веселый смехок.

— Что у вас? — спрашиваю я у толстяка. Но толстяк молчит и за него отвечает женщина в кудряшках:

— У нас перелом!.. Зовут меня Людмилой.

— Очень приятно. Значит, будем соседями.

Толстяк ни одобряет, ни порицает, только открыв рот, скользит языком по крупным желтым зубам.

— Будем, — говорит женщина.

Открывается дверь, и быстро входит Бек. Она в светлом коротком платье, вся праздничная и веселая. В палате как-то враз притихают, все чуть-чуть принижены ею, а я вдруг чувствую, что парю, в душе, конечно, но внешне я так официален и сух, что Бек робеет и говорит:

— Здравствуйте! — тихо, одними губами. Но она тут же находится, потому что ей нужно спросить, как я себя чувствую.

— Хорошо, — отвечаю я.

В палате все еще неловкая тишина. Мои ребята втихомолку переглядываются, а я хмурюсь.

— Так ты себя чувствуешь хорошо? — Это уже риторика.

— Хорошо.

— А я тебе яблок принесла.

— Благодарю! — корректно говорю я.

— А что ты такой?

— Какой?

— Невеселый!

— Да не повезло мне немного.

— Что так? — беспокоится Бек.

— Упал, — говорю я.

— Упал? Где? Ведь ехали хорошо.

Я хотел пошутить, что упал с кедра, ничего, мол, серьезного... Но искреннее недоумение, удивленный вид Бек злит меня, чтоб не сказать — обижает.

— А у вас что? — спрашивает женщина в кудряшках.

— У нас? — удивляется Бек. Но тут же догадывается: — Перелом.

— Какой? — уточняет женщина.

— Поясничной, — объясняю я.

— У нас тоже первый поясничной. Только закрытый перелом. Леня на машине разбился. — Вот как, — произносит Бек сочувственно.

В палату, разговаривая, входит белая шуршащая процессия врачей. Во главе тот же толстый старик. Женщина в кудряшках неожиданно сжимается и бочком-бочком за спиной старика выскальзывает из палаты. Старик строго спрашивает у Бек:

— Вы с кем? Здесь находиться посторонним нельзя.

— Я не посторонняя, — шепчет Бек, краснея.

— А кто?

— Я... сопровождающая.

— Этого мало, — говорит неумолимый старик.

— Сестра... — пробую помочь и я.

— Сестра? — брови внимательно и вежливо вздергиваются.

Я с усилием приподнимаюсь на локте, потом опускаюсь на спину и кажусь себе скомканным. Мое тело кажется мне выброшенным на берег осьминогом. Все перепуталось во мне. И я лежу, чувствуя себя тяжелым, как камень.

— Были ли какие-нибудь улучшения?

— Нет. Никаких.

— А осложнения?

— Особенных не было. В общем-то организм расштан, как старая телега. Все скрипит, шатается, но едет вперед, — пробую я пошутить, но шутка, кажется, воспринята всерьез.

— Так. — Старыми морщинистыми руками он берет на моей груди одеяло, медленно откидывает его и морщится, глядя на мое нагое тело.

— Как вас изрезали... — говорит он, я ловлю его мимолетный взгляд, и он вдруг виновато моргает за стеклами очков...

Он осторожно и тяжело садится на стул, отвернув полы халата. Утвердившись на стуле, цепляет на нос очки, но тут же меняет их на другие.

— Ну-с, ну-с, — говорит он, мигая за толстыми, как фары, очками. — Я ваш лечащий врач.

Зовут меня Наум Израильевич. Как ваша фамилия?

— Никонов.

— Давно случилась травма?

— Да.

— А что случилось?

— Я упал. В тайге. Я ничего не помню об этом. Все выпало из памяти.

— Значит, вы не... не помните, что падали?

— Да. Просто, очнувшись, я уже был таким. Как упал, я не запомнил.

— Так. А сознание вы теряли надолго?

— Да. Мне рассказывали, что я долго был без сознания.

Он толстыми волосатыми и дрожащими руками берет мою руку и отсчитывает по секундомеру пульс, уткнувшись носом в часы.

— А как вы упали?

— Не понимаю. В каком смысле?

— Ну, на спину или еще как?

— Я сказал, что не помню, как упал.

— Да. Извините.— Он шевелит широкими бледными губами, щеки его вздрагивают.— Вы можете сесть и лечь на спину?..

Наум Израильевич закончил осмотр, вернулся в ординаторскую, медленно прошел к столу, сел на свой стул и глубоко вздохнул. В ординаторской стоял зеленый сумрак, тишина. У своего столика в углу копалась старшая сестра, раскладывала на подносе таблетки, ставила бутылки с микстурой. Наум Израильевич всегда звал сестру по фамилии.

— Готова, как у вас дела? Что в палатах?

Старшая сестра оглянулась, поздоровалась.

— Я не слышала, как вы вошли, извините. В палатах все хорошо. Да, из Симферополя звонили: той девушке, что они взяли у нас, все еще плохо. Без сознания.

— Понимаю... Сообщайте мне все о ней, когда будет известно. Откуда она родом?

— На Сахалине живет.

— О-о! Далеко. Родителям написали?

— Не знаю. Нужно спросить у заведующей.

— Спросите.

— Хорошо. Сейчас я лекарство раздам и буду готова к обходу.

— Идите, идите...

Старшая сестра взяла поднос, ушла. Наум Израильевич, не ожидая ее, стал собираться на обход. Достал из кармана плаща пару очков: писать — одни, рассматривать на расстоянии — другие, повесил на шею стетоскоп. Покряхтывая, поднялся, пошел. В коридорах пахло жареной рыбой и яблоками. Он шел медленно, шаркая ногами по ковру и видел на полу пыльные полосы следов от колес инвалидных колясок.

Вел он четыре палаты, все мужские. Другое крыло корпуса вел другой врач. Каждый день,

и зимой, и летом, он ходил по палатам с обходом, больные сменялись через каждые два месяца, а он оставался, для него ничего не менялось: первая палата, вторая, третья... В четвертой — на пять коек — он задерживался дольше всех. Это была любимая палата и ему было здесь всегда веселее, чем в других. Бог знает почему, но в четвертую попадали самые веселые и умные больные. И в четвертой никогда не умирали. В санатории не положено умирать. Но, хотя и редко, людей увозили отсюда в безнадежном состоянии в Симферополь и потом оттуда сообщали, что больного не стало. Умирали и в третьей, и во второй, а в первой палате в прошлом году застрелился молодой паренек. Он застрелился из пистолета, который каким-то образом утаил. Пистолет был так стар, что удивительно, как мог сделать хотя бы один выстрел.

Паренек был геологом, позвончик покалечила ему в тайге медведица, а потом содрала с головы кожу и натянула ее страшной маской на лицо. Медведицу убили, паренек выжил, рубцов на лице у него не было, но он навеки потерял способность ходить и поэтому не захотел жить. До самого последнего дня он был добрым парнем, все его любили за ум и веселый нрав, а однажды утром его нашли на кровати с простреленным затылком, и никто не знал, как это случилось, потому что никто не слышал выстрела. Весь санаторий говорил тогда об этом.

Наум Израильевич ходил по корпусу, замечал, как сотрудницы обсуждали случившееся. Он останавливался поодаль, смотрел, видел их загорелые лица, и их голоса пугали его. Он не мог понять, почему они, толстоногие, крепкозадые и мелочные, смеют выносить осуждение человеку, который был гораздо выше их по уму и по воле. Судьба благосклонна к этим бабам, они имеют семьи, средства для жизни, и у старого врача вяли уши, когда он слышал их разговоры и с ужасом убеждался, что точно так же бы говорили в этом случае женщины его молодости, которые давно ушли из жизни. Ах, вечная пелена обывательства! Почти стереотипные фразы осуждения, фразы, которые употребляли тысячи раз многие поколения...

Вспоминая все это, Наум Израильевич медленно поднялся и пошел в первую палату.

— А этот где? — спросил он, останавливаясь у крайней койки.

— В ванной. Уже поехал, — ответила дежурная сестра.

Именно на этой койке и лежал тот паренек-геолог. Хирург поглядел на чистые гладкие простыни, на подушку, затем закрыл глаза, на какое-то мгновение почувствовал в зрачках боль. И вдруг ему показалось, что открой он глаза, и прямо перед собою увидит узкое лицо, большие губы и странные, умные, казавшиеся чужими глаза на обычном, ничем не приме-

чательном лице. Это лицо заставляло верить в себя...

Почему так ясно запомнилось лицо этого молодого геолога? Да, он был умен, он был добр, обладал недюжинной волей — и все-таки посчитал для себя невозможным остаться жить дальше. Такие люди зря не паникуют. Ведь он застрелился не оттого, что был покалечен и обездвижен. Он посчитал, что не сможет в этих условиях остаться личностью, человеком.

Тем человеком, образ которого себе создал.

Он привык уважать себя. Что же касается надежды на выздоровление — ее не было. И он это знал, конечно, твердо.

Есть больные, которые, поддерживая себя, повторяют: «Наука делает чудеса, вдруг да через год-два найдут средство...» Эта надежда на чудо поддерживает многих. Они болеют подолгу, они знают, что к чему, и понимают, что обречены. И правы в своих страданиях и надеждах. И тот геолог прав. Тут общей мерки нет...

И опять хирургу показалось, что открой он глаза — и увидит перед собой лицо, настороженный, умный взгляд, добрую усмешку. Старик стоял, зажмурившись, и даже закрытыми веками, казалось, чувствовал взгляд этих глаз.

ВОДОЛАЗ

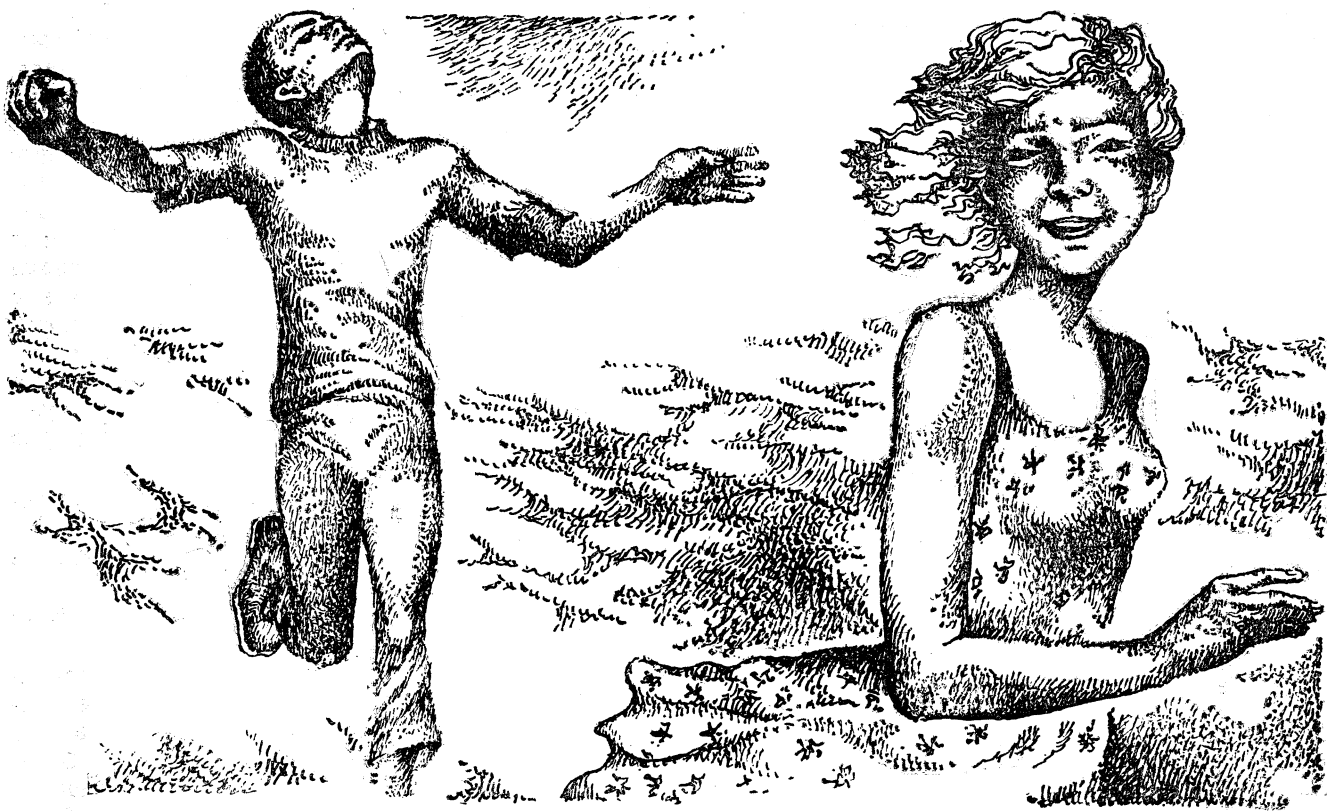
Почему его назвали Водолазом? Разве за походку? Роста маленького, идет всегда чуть-чуть косолапая, в раскачку, и ноги широко-широко расставляет — словно по качающейся от шторма палубе...

У мальчишки больное сердце, ему нельзя бегать.

Идет Водолаз по поселковой улице в своем знаменитом костюме — клетчатая рубашка нараспашку и древние штаны на одной лишь белой алюминиевой пуговице, принатойвленной к штанам тонкой медной проволокой, а хозяйки поглядывают на него из-за плетней недружелюбно: что-то еще придумал?

— Сегодня, — объявлял Водолаз ватаге сверстников, — идем к морю. Запасайтесь ромом и солониной. До моря дойдем за неделю.

Ватага сомневалась, шумела, однако загорелый живот Водолаза и блестящая алюминиевая пуговка выглядели так авторитетно и внушительно, что все соглашались: дойдем! И уходили по домам за провиантом.

Впрочем, Водолазу просто невозможно не верить, потому что у него большое сердце. Человек с таким большим сердцем врать не может — это знали абсолютно все.

— Водолаз, Водолаз! — просила какая-нибудь девчонка. — Дай послушать сердце!

И Водолаз милостиво выпячивал загорелую грудь, девчонка прикивала к ней ухом, слушала, и ее выгоревшие ресницы при этом вздрагивали: в большом сердце Водолаза был слышен рокот морских волн.

— Пошли! — кричали набежавшие мальчишки. — До моря идти целую неделю!

Водолаз важно отстранялся от девчонки, указывал рукой на дорогу за околицей, и вся ватага, отчаянно пыля босыми ногами, маршировала по указанному им пути.

А потом... Все было обычно: несколько дней мальчишки, отодранные отцовскими ремнями за самовольное путешествие на дальний загон для коров, кричали вслед Водолазу всякие обидные слова — «Вруша! Трепач! Заливало!», но без Водолаза им было страшно скучно, и в конце концов они вновь собирались вокруг знаменитой бочки возле избы Водолаза.

— Джентльмены! — громко и в то же время ни к кому не обращаясь, начинал держать речь Водолаз. — Рассказывали ли вам, джентльмены, о купце, что схоронен под черным чугунным крестом? Про того, который имел сто пудов золота?

— Вруша! — свистели и улюлюкали мальчишки. — Заливай!

— Хе! — восклицал Водолаз, переждав гам и крики. — Узнать бы, куда он его спрятал — золото... А?

— Хе! — кричали, но уже гораздо тише те, которым от отцов досталось больше всех. — В море утопил!

— А он его... съел! — заключал, словно выстреливал, Водолаз, поймав мгновение тишины, и уже среди исключительного, ошеломленного молчания уточнял непререкаемым тоном: — Два килограмма!.. Насчет ста пудов — враки. А два килограмма съел.

— От жадности, — выкрикивал уже совсем другим, заинтересованным тоном кто-нибудь из мальчишек. — Красным отдать не хотел!

— Поэтому и помер! — поддерживал другой из ватаги, а Водолаз подтверждал непререкаемо:

— Ну!

И снова Водолаз и его блестящая пуговица на штанах оказывались на недосягаемой высоте авторитета. И что из того, что купец умер за долго до появления на свете красных и белых, и умер не от жадности, а от запоя. Главное совсем в другом. Главное в том, что этот купец и в самом деле похоронен на нашем кладбище под загадочным чугунным крестом, который,

кажется, не сдвинуть с места даже трактором, почему и потянулись вслед за ватагой Водолаза поглядеть на могилу купца и взрослые — как знать, а может и в самом деле чугунный крест поставлен неспроста? И что удивительного в том, что вскоре после этого на заседании правления колхоза старичок-бухгалтер, доведенный требованиями о новых расходах чуть не до инфаркта, стал настаивать разрыть могилу купца, конфисковать золото и купить на него пару сенокосилок и племенного жеребца из соседнего совхоза? Конечно, правление в ответ на это закатилось хохотом, председатель колхоза долго затем чесал в затылке — а не спятил ли бухгалтер, можно ли ему доверить кассу колхоза?

Однако выслушав бухгалтера еще раз, его крик души — «Видели бы вы того жеребца — изх!..», и сам не понимая, как это произошло, вдруг вечером двинул к зеленому от старости деду Евсею и дотошно стал выпрашивать о старых временах, тонко подводя к почившему в бозе купцу. Но дед Евсей был так стар, что спутал забубенного купца с белым правителем Колчаком и упрямо твердил, что он вовсе не умер, а казнен — через расстреливание.

Председатель сердился на деда, вновь задавал наводящие вопросы, однако дед так разобиделся на непонятливого председателя, что вдруг изрек:

— Я тебя эвон каким помню — бесштаным. Шибко умными все стали...

А Водолаз тем временем уже звал ватагу на новые дела. Из своей знаменитой бочки он соорудил подводную лодку, однако едва не утонул в ней при первом же испытании. Вытащив своего кумира из воды, мальчишки Водолазову бочку решили приспособить для подводного изучения: вырезали в боку окно, вставили в него автомобильное стекло, воткнули бочку на мелководье торчком и через стекло рассматривали зеленые сумерки цветущей воды и пугливых мальков. И были счастливы, что у них есть такой мудрый Водолаз с таким большим сердцем.

— Водолаз, Водолаз! — кричала девчонка. — Дай послушать сердце!

И вновь, млея от восторга, прикивала ухом к загорелой Водолазовой груди, слушала, как в груди у Водолаза рокочет океанский прибой. Откуда ей было знать, что это не прибой, а сама боль бьется в щедром сердце Водолаза?

— Догони! — кричала девчонка, и Водолаз важно, вразвалку шел следом за ней, беспечно и широко улыбаясь... Но однажды, когда девчонке уже было шестнадцать, он все же решил ее догнать... Зачем он побежал? Первый раз в жизни...

МОЙ СЫН

Боря еще малышом любил слушать сказки, стихи, которые детям читал отец. А уже с четырех лет сам знал много стихов и сказок, любил их повторять своим сверстникам, а если, бывало, что забывал, то тут же на ходу придумывал сам.

Наш поселок Аспагаш, где родился Боря, стоял в живописной котловине. С одной стороны поселка возвышалась белая гора, когда-то здесь были американские рудники, с другой стороны была тоже гора, поросшая березняком. Борис очень любил природу, и целыми днями вместе со старшим братом Виктором пропадал в лесу или на реке. У нас в поселке была маленькая речушка, а в соседнем селе — за восемнадцать километров — была протока Енисея. Они и туда с братом ходили.

Потом наступило увлечение техникой. Мальчики — их собралось человек семь — решили построить вертолет или что-то в этом роде. Разобрали для этого трактор, отвинтили от него все, что было возможно. И когда завгар перед весной хватился, то шуму было много. Стали искать виновных. Нашли. Заставили принести и детали, и гайки, а иначе причиталось бы нам, родителям, платить по четыреста пятьдесят рублей за каждого «кавиатора». А мне даже девятьсот — ведь моих было двое.

Не успели мы пережить «вертолетную историю», как кто-то в поселок привез пару голубей. Мои сыны тотчас выменяли их. Уже через год я не знала, что с этими голубями делать, ибо к нам стали перелетать чужие, а это опять скандал.

Но и этим мальчишки тоже долго не занимались. Когда в совхозе стали строить крольчатники, мои сыны загорелись новой идеей. За одно лето вырастили четыреста кроликов и получили премию. Не знаю, чем бы они еще увлеклись, если бы не объявили строительство Красноярской ГЭС.

На строительство уехала моя старшая дочь с мужем. Борис изменился. Отошли ребячьи забавы, он стал много читать, часто слушать радио. Когда говорили о нашей стройке, он слова старался не пропустить. А потом долго и молча ходил по комнате. Однажды упросил меня отпустить его в Дивногорск. Мне было страшно его отпускать, но он меня все же уговорил. А вскоре я получила письмо от дочери и в нем сообщалось, что Борис добрался благополучно. И ниже была приписка от самого Бориса, что домой он не вернется, а мне предлагал тоже перебраться в Дивногорск. Я не смогла жить без него и мне волей-неволей пришлось согласиться и расстаться с Аспагашем навсегда.

В поселковой школе Борис учился хорошо, был активистом, участвовал в художественной самодеятельности с первого класса, занимался спортом, любил лыжи. А вот когда переехали в Дивногорск, он стал учиться хуже. Ему не хватало времени на уроки. Прибежит из школы, бросит сумку, скажет: «Я сейчас!» — и исчезает до вечера. А вечером за ужином уже спит. Стану его ругать, а он говорит: «Ведь нет же у меня денег, и ладно, а стройку я должен знать. Это интересно, мама».

Осенью, когда поспели кедровые шишки, мои сыны засобирались в тайгу. Отпустили я их, а у самой на душе неспокойно. Прошло три дня, а они не возвращались. Я все выглядывала в окошко, ждала их. И вдруг меня вызвали в больницу. Главный врач мне сказала, что с Борисом большое несчастье: перелом позвоночника. Я прошла в палату, где лежал Борис, он был без сознания.

Виктор рассказал мне, как все случилось. Они пришли в тайгу, наорвали шишек, хотели возвращаться, но один из друзей предложил: «Давайте заготовим шишек еще, зароем их, а потом придем на готовенькое». Так и решили. Выбрали место, где на кедрах было много шишек, и полезли. Борису же Виктор приказал собираться внизу. Но как только все залезли, и Борис решил испытать свою ловкость, а опыта у него не было и не знал он, что кедровые ветки очень хрупкие. Залез и сорвался...

Ребята высыпали шишки и из мешков сделала носилки. Идти было далеко, они сбились с дороги и вышли к Енисею. Решили двигаться вдоль берега. Мимо проплывала лодка, они крикнули. На этой лодке и доставили Бориса в Дивногорск.

Целый месяц не было никакой надежды на улучшение. Борис был без сознания. Кроме Бориса в палате еще лежало шесть человек, они ночью со мной попеременно дежурили у Борисовой кровати. Когда он пришел в себя, сестра ему сказала: «Ты бы хоть покричал, все бы легче

стало». Но он в ответ отшутился. Ему было в ту пору одиннадцать лет.

Борис верил, что он снова будет на ногах. Обращался в Москву в научно-исследовательский институт, ему ответили, что у них большая очередь, но он продолжал верить, что врачи и ученые ему помогут.

Писать Борис стал еще до травмы, но читать никому не давал. А потом куда-то все это исчезло. Я думаю, что Борис нашел все несовершенным и порвал. Когда же случилась с ним беда, он стал снова писать и показывать сестре. В Красноярской больнице он написал рассказы «Человек Валерка», «Витамины» и многие другие.

Учиться он не бросил. К нему приходили его одноклассники и вместе с ними он проходил школьную программу. В 1966 году его приняли в комсомол.

Он очень много работал, спал три-четыре часа в сутки, невероятно много читал. К нему часто приходили и рабочие со стройки, и все, что ему рассказывали, потом оказывалось материалом для рассказов и стихов.

Последний год он чувствовал себя очень плохо — развилась глухота и невнятная стала речь, но работал он еще больше. Во время приступов мы дежурили у его постели, а как только приступ проходил, он вновь шутил и начинал писать. Так ему было лучше...

Борис упорно работал над рукописью для «Уральского следопыта». У него завязалась большая дружба с редакцией, он был увлечен планом, предложенным ему редакцией, — создать из коротких рассказов, отрывков из дневника и воспоминаний о деревне, о детстве необычную повесть — о себе, о своих друзьях, о том, что ему удалось увидеть и узнать за свою короткую жизнь. И очень огорчался, что эта работа продвигается медленно.

Сейчас собран большой литературный архив моего сына. Но этот архив далеко не полный, так как часть произведений была Борей в свое время разослана по редакциям, часть рассказов он раздарил товарищам. Но все же многое сохранилось, и я буду безмерно счастлива, если у читателей после знакомства с его рассказами и отрывками из дневника останется впечатление жизнерадостного и доброго мальчишки, никогда не терявшего веры в жизнь. Именно таким и был мой сын Боря.

М. НИКОНОВА

РАССКАЗЫ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

**Евграф
КОНЧИН**

Феликс Евгеньевич Вишневский — известный коллекционер и знаток произведений изобразительного искусства.

Коллекционер он своеобразный, его привлекает не столько сама приобретенная картина или скульптура, сколько процесс поисков этого холста или изваяния, сам путь исследования, дознания.

Несколько раз и я принимал участие в поисках Феликса Евгеньевича. и чувствовал себя в роли доктора Уотсона при Шерлоке Холмсе.

Скульптура из картины Врубеля

Как-то Феликс Евгеньевич показал мне свое последнее приобретение — небольшую мраморную скульптуру: черная фигурка женщины, скорбно поникшая на белые ступени.

— Хороша ведь работа?

— Очень...

— Знакома она вам?

— Нет, не видел никогда.

— А вот и неверно. Видели ее и не раз...

— Нет, не помню.

— В Третьяковку ведь ходите. И картины Врубеля знаете. Нравится вам «Портрет С. И. Мамонтова»?

— Конечно, одно из лучших произведений Михаила Александровича.

— Ну вот: эта траурная скульптура изображена именно в этой картине Врубеля. В ее верхнем левом углу...

— Где и как я приобрел скульптуру? — продолжал Феликс Евгеньевич. — У вдовы одного военного, который собрал небольшую, но со вкусом подобранную коллекцию. Но вот

как скульптура попала из кабинета Саввы Ивановича Мамонтова в это собрание — загадка, и я боюсь, что уже неразрешимая.

Внимательно осматриваем работу. На одной из сторон скульптуры читаем латинскими буквами имя автора — М. Бенллиер, год ее создания — 1892-й.

Мариано Бенллиер (или Бенллиур) — известный испанский скульптор, медальер и акварелист. Годы его жизни: 1862—1947. Он — автор многих памятников в странах Латинской Америки, в Италии. Учился и много лет прожил в вечном городе — в Риме.

Но как жизненный путь М. Бенллиера пересекся с путем русского мецената и промышленника Саввы Ивановича Мамонтова?

Почему Врубель сделал именно эту скульптуру «камертоном для хорового пения», как он отзывается в беседе с Н. А. Праховым о роли детали в своих портретах.

Ответы на эти вопросы пришлось искать несколько лет. Лишь недавно все как будто бы встало на свои места. Но тогда оказывается, «Портрет С. И. Мамонтова» читается совсем по-иному, чем до сего вре-

мени полагали специалисты, знатоки творчества выдающегося русского художника.

Летом 1891 года в возрасте 22 лет неожиданно умер сын Саввы Ивановича Мамонтова — Андрей. Очень талантливый юноша, близкий друг нелюбимого Михаила Александровича Врубеля. «...Много, много обещавший юноша, — пишет он сестре. — И я, несмотря на то, что чуть не вдвое старше его, чувствую, что получил от него духовное наследство». Кстати, Андрей Мамонтов и ввел Врубеля в семью отца, пребывание в которой благотворно сказалось на творчестве художника.

Савва Иванович, вся семья Мамонтовых долго не могли оправиться от трагедии. Поэтому семья, а чуть позже и сам С. И. Мамонтов уезжают в Италию, в Рим. Берет с собой Савва Иванович и Врубеля, без которого уже не может обойтись.

В чужой стране, вдали от деловой суматохи и забот Савва Иванович остается наедине со своим горем. Михаил Александрович хорошо запомнил Мамонтова в этот тяжелый период его жизни. Временами Савва Иванович не может сдержать своего отчаяния, застывает в ужасе, осознавая страшную непоправимость случившегося.

Михаил Александрович становится свидетелем печального заказа, который сделал Савва Иванович молодому римскому скульптору Марианно Бенллиери. И Врубель хорошо знал, кому эта работа посвящалась, почему всю жизнь Савва Иванович дорожил и берег эту скульптуру, не расставался с ней никогда.

Тогда становится понятным, почему художник, друг Саввы Ивановича и сына его Андрея, сделал изваяние смысловым, психологическим центром своей картины.

Врубель показал не «типичного буржуа», с присущими этому сословию «цепкостью и медвежьей хваткой, жестокостью и властностью», не «некоего всемогущего владыку и полубога», как утверждают одни искусствоведы. И, конечно, художник не воссоздал образ человека ущербного, какого-то «демонического» экзальтированного «героя», как предполагают другие исследователи искусства Врубеля. Нет, Михаил Александрович

изобразил близкую ему трагедию отца, потерявшего сына.

Вглядитесь в портрет С. И. Мамонтова! В глазах его застыла душевная боль и ужас! Посмотрите, как он судорожно приподнялся с кресла и словно хочет собой защитить сына от смерти и не может предотвратить страшного удара. На картине, за спиной Саввы Ивановича, — печальная скульптура, символ трагедии, психологический «ключ» к пониманию произведения.

Загадка стертой надписи

Однажды, рассказывая об очередной удивительной истории розыска, Феликс Евгеньевич сказал:

— Вот посмотрите этот натюрморт Левитана.

Висит картина неприметно, у самой двери. Когда я подошел ближе, то увидел изображение «Роз» — натюрморт необычайной красоты.

У Феликса Евгеньевича, между прочим, все находки «случайные». Маленькая хитрость старого коллекционера, своего рода «секрет фирмы». Знаю, что месяцами, каждодневно обходит он столичные антикварные магазины для того, чтобы однажды, вдруг за слоем грязи, копоти и пыли на холсте, не представляющем особой ценности, по мнению торговцев, угадать шедевр.

— И на этот раз, — продолжал он, — с виду совсем захудалое полотно: без рамы, черное, заскорузлое. Изображение цветов-то толком не разберешь. Неуверенно говорят мне, что это — Левитан... Похоже — не похоже: тогда сказать было трудно.

— Ну что ж, взял я, отмыл, реставрировал — возился долго. Уже наверху ясно читалось: «1894 г. И. Левитан». Но совершенно неожиданно для меня внизу холста проявилась еще надпись. Посмотрите!

Читаю: «На память...» Остальные слова стерты, будто нарочно, чтобы не угадывалось имя первого собственника картины. Слово поняв мою

мысль, старый коллекционер подтвердил:

— Похоже, что специально сделали...

И дальнейший поиск «загадки стертой надписи» подтвердил основательность такого предположения.

Кому же мог Левитан преподнести картину в 1894 году? Время это особенное в жизни Исаака Ильича. Он встречается с Анной Николаевной Турчаниновой, которая становится до его смерти самым близким ему человеком, большим другом. Она ухаживала за больным Левитаном в последние месяцы его жизни. Писала А. П. Чехову 20 мая 1900 года за два месяца до кончины Исаака Ильича: «...Что-то будет, ужас закрадывается в душу, но я не унываю. Не верю, что не выхожу. Не могу больше писать. Анна».

А знакомство их произошло в имении Ушаковых — в Островно Тверской губернии, где Левитан поселился на лето. Анна Николаевна владела Горкой — по соседству с имением Ушаковых. Прослышав о популярном живописце, нанесла со своими старшими дочерьми Софьей и Варварой визит.

Уже в первых числах августа 1894 года Исаак Ильич переселяется в Горку. Живет там два месяца. Приезжает сюда вновь в марте, а также в мае — сентябре 1895 года и, вероятно, еще в мае 1896 года.

В Горке заботами Анны Николаевны Турчаниновой и ее младшей дочери Люлю — Анны Ивановны — для художника создаются наилучшие условия для творчества.

Но 1895 год был и одним из самых сложных, противоречивых, тяжелых для Левитана. Он испытывает страшнейшие припадки тоски и отчаяния. Пишет о себе, как о «больном, разбитом и физически и морально человеке», что он «захандрил без меры и грани, захандрил до одури, до ужаса», что у него «такое страшное отчаяние, до которого... еще никогда не доходил».

Левитан страдал всю жизнь меланхолией, в основе которой лежала болезнь сердца и все развивающаяся неврастения. В Горке эти тяжелые переживания обострились, припадки участились.

Но именно тогда Левитан созда-

ет замечательные произведения, полные светлой радости и праздничности, трепетного чувства — такие, как «Март», «Весна, последний снег», «Ранняя весна», «Осень, вблизи дремучего бора», наконец, знаменитую «Золотую осень» — ликующий гимн мечте, солнцу. Количество же картин и этюдов, выполненных им в эту пору, поистине необычайно!

И кажется, что именно удовлетворенность бытием, жажда жизни и творчества привлекли художника к цветам, и он самозабвенно пишет чудесные натюрморты — розы, астры, георгины, васильки, колеусы, лилии...

За одно это — большое спасибо Анне Николаевне Турчаниновой, ибо время создания картин отмечено только двумя годами — 1894 и 1895-м, а место написания их — только Горка! Анна Николаевна высаживала поля роз — для Левитана. Люлю любила лилии, Варя — васильки...

Но вернемся к «Розам», которые хранятся в собрании Вишневого. Безусловно, они написаны в Горке, и, конечно, подарены Турчаниновым. Но кому из них?

Просматриваю изданную под общей редакцией А. А. Федорова-Давыдова капитальную двухтомную монографию, посвященную жизни и творчеству великого художника. В списке произведений Левитана нахожу великолепные «Васильки» (они находились в коллекции Е. В. Гельцер). Надпись — «Сердечному, чудному человеку В. И. Турчаниновой — на добрую память И. Левитан. 1894 г.». «Астры» с посвящением «С. И. Турчаниновой — Левитан на добрую память 17 сентября 94 г. Островно». «Розы» подписаны: «И. Левитан — С. Турчаниновой. 11 сентября 95 г.»

Местонахождение последней картины не установлено. Может быть, эти «Розы» и отысканы Вишневым? Нет, к сожалению! Цветы, принадлежащие Софье, написаны акварелью, а у Вишневого «Розы» исполнены маслом. И они в перечне известных произведений Левитана не значатся! Таким образом, Феликс Евгеньевич владеет картиной доселе неизвестной специалистам.

Итак, вместе с натюрмортом из собрания Вишневого насчитывается уже четыре работы Левитана, подаренных им Турчаниновым. Кроме то-

го, известно, что на посмертной выставке произведений художника, организованной в Петербурге в феврале 1901 года, экспонировалось еще семь работ — дар Исаака Ильича этому семейству («Терраса в сирени», «Солнечный день» (этюд), «Цветы», «Осенний этюд», «Зима» и две акварели).

Единожды показанные, не побывав даже на посмертной экспозиции в Москве, они затем исчезли навсегда.

Но через много лет «Терраса в сирени» и «Осенний этюд» нашлись в частных собраниях, но... под другими названиями. Зачем и кому понадобилось их переименовывать? Может быть, где-то здесь таится и загадка полустертой надписи?

Хранились у Турчаниновых и другие произведения Левитана. В одной старой забытой публикации упоминается о двух небольших натюрмортах, изображающих розы, притом с дарственными надписями автора. Один из них, возможно, и был приобретен Вишневым. А где тогда находится другая работа?

Художник В. К. Бялыницкий-Бируля видел у младшей дочери Турчаниновой — Анны Ивановны — в Горке, кажется, в году 1915 альбом, в который Исаак Ильич осенью 1894 года нарисовал акварелью березовую ветку в бирюзовой вазочке, лилии в хрустальном бокале, церковь в Островно и подписал их: «Дорогой и милой Люлю». Местонахождение этого альбома высокой художественной ценности также неведомо нам...

Безусловно, турчаниновское собрание левитановских картин — исключительное, ни у кого не было такого количества подаренных самим автором работ. Но какова же участь оригинальной коллекции?

Муж Анны Николаевны — Иван Николаевич Турчанинов, видный петербургский чиновник, умер в 1905 или же 1908 году. Анна Николаевна переезжает на другую квартиру, живет одна и очень нуждается. Старшие дочери ее находятся за границей — это тоже требует денег.

В эти годы продается Горка, уходят на рынок и левитановские пейзажи, даже с дарственными надписями Исаака Ильича ее дочерям. Но не может отдать Анна Николаевна в чужие руки сердечные подарки, преподнесен-

ные ей другом в знак любви и уважения. Поэтому Анна Николаевна при продаже ставит, видимо, такое непреклонное условие: убрать свое имя с полотен! Замазываются и уничтожаются надписи, переименовываются картины. Вот мы и пришли к вероятному объяснению «загадки стертой надписи» натюрморта, приобретенного Вишневым.

Возможно, мое предположение спорно. Но оно подтверждается и тем, что левитановские работы с дарственными словами Варваре и Софье Турчаниновым мы знаем, но неизвестно до сих пор ни единого произведения, подписанного автором Анне Николаевне. А ведь, без сомнения, большинство картин семейного собрания Исаак Ильич презентовал хозяйке дома.

В одной из своих статей искусствовед И. С. Зильберштейн пишет о И. И. Левитане: «...в печатных работах о художнике мы не найдем даже упоминания о Турчаниновых, а между тем, последний период его жизни связан с этой семьей самым тесным образом. Правда, документальные материалы, которые позволили бы всесторонне охарактеризовать большую и благородную роль семьи Турчаниновых в жизни и творчестве художника, находятся до сих пор под спудом...»

Находятся они под спудом и до сего времени — пока что никаких документальных материалов не обнаружено.

Турчаниновы не хотели широкой огласки своих, далеко не простых взаимоотношений с художником. До конца дней своих (Анна Николаевна умерла в Париже в 1935 году, а Анна Ивановна — в Ленинграде в 1959 году) они хранили упорное молчание о человеке, которого знали последние шесть лет его жизни лучше, чем кто-либо. Очень многое могли бы они рассказать о нем как о человеке, как о создателе замечательных творений, об его замыслах и свершениях в пору самую плодотворную и зрелую. Но ни Анна Николаевна, ни ее дочери не оставили ни одной строчки воспоминаний.

Не- веро- ятно? И всё же!

**Николай
КИТАЕВ,
Николай
ЕРМАКОВ**

*Рисунки
С. Малышева*

Что есть что

овые отрасли науки... Одни из них сразу приобретают права гражданства, другие вызывают скептицизм. Именно так обстояло дело с изучением таинственных свойств человеческой психики. «Парапсихология», или же «биоинформация», «психотроника» — так называют отрасль знания, изучающую эти свойства.

Люди давно уже сталкивались с загадками психики лам, йогов, шаманов, волхвов, колдунов. Папирусы Древнего Египта и клинопись Двуречья, санскрит Индии и множество средневековых хроник донесли сведения о необычных свойствах человека. Эти сведения поддаются классификации.

Современные ученые выделяют такие типы чувствительности:

Телепатия — мысленное общение между передающим и принимающим субъектами, благодаря чему люди могут обмениваться информацией без воздействия на органы чувств. Еще телепатия определяется как чувство на расстоянии другого существа.

Ясновидение — восприятие событий, предметов, дающее человеку знание без помощи известных органов чувств.

Биофизический эффект, иначе именуемый лозоискательством. Это — способность некоторых людей с помощью антенны (ветви растения, изогнутой проволоки) обнаруживать скопления подземных вод, руд, закопанные предметы и т. п.

Советский ученый И. М. Коган, обобщивший гипотезы, в которых предприняты попытки дать объяснение всем этим паранормальным явлениям, объединяет их в две группы. В первой группе наибольшим признанием пользуется гипотеза, связывающая эти явления (в основном телепатию) с электромагнитным полем, возбуждаемым биотоками. Эта гипотеза согласуется с рядом телепатических феноменов и не противоречит известным законам природы.

В основе гипотез второй группы лежат философские представления, исходящие из того, что все процессы во Вселенной подчиняются единым закономерностям.

Однако для подтверждения справедливости или ошибочности любых гипотез необходимы факты. Получение их затрудняется невоспроизводимостью по желанию исследователей паранормальных явлений. Так, если механические явления воспроизвести просто, то психические закономерности могут проявляться лишь при сочетании множества обстоятельств.

Более 60 лет назад на XII съезде естествоиспытателей и врачей академик И. П. Павлов заметил, что рост науки, бурно развивающейся со времен Галилея, затормозился изучением высших разделов мозга в связи с их необычайной сложностью. С той поры исследователи тайн мозга далеко продвинулись вперед, но многое еще остается загадкой.

Ныне уже в 30 странах функционируют более 240 лабораторий и обществ, занятых изучением паранормальных явлений, за работы в этом направлении присуждаются ученые степени. В СССР была защищена кандидатская диссертация физиологом И. Ф. Томашевским на тему: «О физических основах мысленного внушения». В 1962 году чехословацкий ученый М. Рызл в своей диссертации убедительно изложил опыты по развитию парапсихических способностей с помощью гипнотического внушения.

Парапсихология базируется на стыке различных отраслей знаний. Используя достижения медицины, электроники и молекулярной биологии, она изучает необычные способности человека, скрытые резервы его психики. Проблемы очень сложны: пока неясен вид энергии, на основе которой происходит взаимодействие на расстоянии живых организмов.

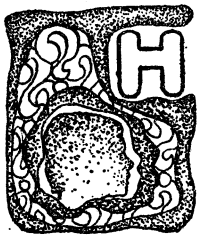
Новизна и нерешенность многих вопросов парапсихологии делают ее мишенью для острых нападок, порой настолько пристрастных, что сам критик получает должную отповедь в печати. Так произошло с книгой В. Львова «Фабриканты чудес», выпущенной Лениздатом в 1974 году. Односторонне подобранные факты, огульное отрицание опытов известных ученых, наконец, выпады по адресу самих ученых вызвали справедливую полемику на страницах ноябрьского номера «Журналиста» за 1974 год. При этом выяснилась некомпетентность автора в ряде затронутых вопросов, поверхностное знание критикуемого предмета...

Однако следует иметь в виду и то, что ограниченность познаний в области парапсихологии используют мошенники, разоблачение которых придает новой отрасли науки сомнительную окраску. Потому не критический подход к публикации, носящим сенсационно-рекламный характер, может принести гораздо больше вреда, чем пользы.

Член-корреспондент Академии педагогических наук СССР В. П. Зинченко и академик А. Н. Леонтьев указывают: «В том, что объединяется понятием парапсихологии, нужно различать, с одной стороны, мнимые, рекламируемые мистиками и шарлатанами «сверхъестественные» феномены, а с другой стороны, — явления, реально существующие, но еще не получившие удовлетворительного научного объяснения».

В нашем очерке предпринята попытка сделать обзор литературы, затрагивающей в той или иной форме применение парапсихологии для раскрытия преступлений. Только в СССР с 1963 по 1973 год по различным вопросам парапсихологии опубликовано более 500 статей. Но использование парапсихических явлений в криминалистике скупо отражено в публикациях. И все-таки «пройдем» по ним...

Телепаты

Наиболее известная область парапсихических явлений — телепатия. Выдающийся психолог прошлого столетия доктор Крок, изучавший длительное время проблемы гипнотического внушения и преступности,

скептически относился к применению телепатии в криминалистике.

Президент Берлинского Психологического общества А. Молль в своем труде «Прорицание и ясновидение», разоблачившем мошенников от парапсихологии, указывал на специальную подготовку лебашей — людей, которые в гипнотическом состоянии способны внешне чувственным путем находить преступника даже на большом расстоянии. Интересно, что в древних и средневековых источниках ряда стран говорится именно об использовании специально подготовленных детей для парапсихического, как сейчас можно выразиться, розыска преступников. Возможно, тут использованы скрытые резервы развивающейся психики, секрет выявления которых в настоящее время утерян.

Известный немецкий криминалист Г. Шнейкерт в книге, изданной в нашей стране полвека назад, пишет о телепатических медиумах: «Пронзырливые люди, желающие создать себе профессию из раскрытия преступлений, не имея в своем распоряжении ни одного из превосходных методов современной криминалистики, умеют лишь искусно использовать затруднительный момент для криминалиста, спекулируя на невежестве потерпевших и их сильном желании выяснить преступление, которое осталось нераскрытым в обычном порядке уголовного расследования. При этом они ничего не теряют, но, напротив того, много выигрывают, если им улыбнется успех».

Сказано сильно, но следует напомнить о предубеждении Шнейкерта к каким бы то ни было парапсихическим фактам вообще, отсюда — отрицание медиумов, которые нередко в самом деле разыгрывали простодушных обывателей и притом небескорыстно. В 20-х годах нашего века в той же Германии был случай удачного использования телепатии в раскрытии нескольких загадочных убийств и запутанных краж. В суд города Бернбурга, где состоялся процесс, в качестве экспертов были приглашены крупные специалисты в области психологии и парапсихологии Гельвиг, Тишнер и Гейзе. Судей интересовал вопрос: установлено ли научно, что знания можно приобретать необычным для органов чувств путем и применять эти знания для раскрытия преступлений. Интересовала их и реальность телепатических способностей Дроста, лица, разоблачавшего преступников.

Вот выдержка из юридических изданий тех лет, посвященная этой необычной экспертизе: «При обсуждении всех случаев, подлежавших судебному разбирательству, суд исходил, в полном согласии с экспертами, из того, что телепатия тогда допустима и вероятна, когда мысль кого-либо из присутствующих на сеансе, исходящая из сознательной или подсознательной сферы, передается медиуму непосредственно, без помощи известных органов чувств...»

По отзыву экспертов во многих случаях опыты, проводимые Дростом, имея положительный результат, порождают вероятность существования какой-то сверхъестественной силы у медиумов».

В те же годы большую известность завоевал австриец То-Рама, демонстрирующий свое искусство гипнотизирования зверей и зрителей в цирке, нечувствительность к боли. Однако артист вскоре решил подвизаться еще и в роли «криминалистического телепата». На встрече с учеными в 1934 году в криминологическом институте и университете в Граце обман То-Рама был раскрыт.

В связи с этим небезынтересно напомнить историю изобличения «телепата» А. Р., который, проделав отверстие в стене редакции журнала «Знание — сила», куда его пригласили для демонстрации своих способностей, мог отлично наблюдать загадываемые предметы, находящиеся в соседней комнате. Один из ученых, присутствовавший при разоблачении мошенника, с горечью замечает: «Я думаю, что каждый уважающий себя проходец непременно рано или поздно попробует себя как ясновидец либо телепат. Особенно за рубежом, где для «телепатов» созданы условия не в пример уютней, чем в нашей стране, и где на этом можно значительно больше заработать».

Некоторые авторитеты указывают, что, якобы, сущность телепатии противоречит учению И. П. Павлова. Выступая против догматического толкования наследия великого физиолога, член-корреспондент АПН СССР Д. А. Бирюков писал: «Вместо того, чтобы развивать учение Павлова на основе его методов и принципов, мы превратили его учение в объяснительный прием. Но ясно, что тот замечательный классический материал, который был добыт И. П. Павловым и его сотрудниками при изучении собак, совершенно недостаточен для того, чтобы объяснить глубочайшую сложность психического содержания духовной деятельности человека».

В 1942—1946 годах в США действовало ООС — Управление стратегических служб, представлявшее собой военную и политическую разведку. На базе его в 1947 году было создано ЦРУ. Возглавлял Управление один из виднейших специалистов разведки генерал Уильям Донован. Это был человек трезвый и расчетливый, бывший еще в годы первой мировой войны доверенным лицом президента Вильсона. Лица, хорошо знавшие генерала, отмечают, что «за время своей службы он проявил настоящий талант в умении окружить себя известными специалистами; он сумел расширить поле своей деятельности по самым различным направлениям».

Новатор в разведке, Донован привлек в свой штат массу разнообразных «специалистов» — лучших... воров-карманников, домушников, взломщиков сейфов, опытных гипнотизеров. Немало преступных виртуозов своего дела получили амнистию в связи с «переходом» в ведомство коварного разведчика. Донован знал, что аналогичный подбор ведет и его давний соперник — шеф гитлеровской военной разведки адмирал Канарис. Однако американский «рыцарь» плаща и кинжала № 1 имел в своем распоряжении специальный штат, которого не было у немцев. Это несколько телепатических феноменов, настоящих, не тех, что дурачат публику в цирках и на сценах мюзик-холлов. Данный факт известен с достоверностью, но направления, по которым использовались эти люди, остаются в секрете до сих пор. Все же трудно предположить, что деловой генерал мог впустую расходовать средства на лиц, которые не обладали бы настоящими способностями парапсихологического направления. Следует также учесть, что кандидату в агенты необходимо было выдерживать сложные приемные экзамены, в протяжении нескольких недель продемонстрировать придирчивой комиссии свои качества.

В нашей стране наибольшую известность среди медиеумов получил эстрадный артист Вольф Мессинг. Его выдающиеся способности в области угадывания мыслей, обширная практика создали сложное к нему отношение. Ряд авторов считает Мессинга очень чувствительным к улавливанию идеомоторных актов партнера, что позволяет успешно выполнять загаданные действия.

Идеомоторные акты представляют собой произвольные, едва заметные движения, бессознательно производимые человеком в тот момент, когда он отчетливо представляет себе какое-либо действие. И. П. Павлов писал: «Давно было замечено и научно доказано, что раз вы думаете об определенном движении... вы его невольно, этого не замечая, производите».

Способности Мессинга, которые нельзя объяснить с позиции идеомоторики, отрицаются рядом авторитетов, как идущие вразрез с павловским учением. Сам артист неоднократно раскрывал преступления, его способности вполне объяснимы с позиций психотроники.

Аналогичными телепатическими способностями обладал недавно умерший М. А. Куни, который помог расследовать ряд преступлений. Этот человек мог при моделировании допроса лица, скрывающего фамилию и местонахождение своих соучастников, узнать нужные факты, не прибегая к расспросам, пользуясь уникальными способностями телепата.

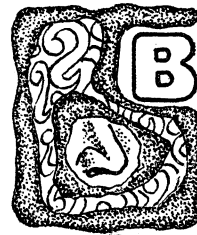
Подобным методом Куни, к примеру, выяснил точное число и год рождения одной женщины, когда та на публичном выступлении артиста назвала более позднюю дату.

Несколько лет с большим успехом гастролирует по стране артист Тофик Дадашев, чьи возможности тоже нельзя объяснить теорией идеомоторных актов. Подвергнутый многократным испытаниям со стороны разнообразных комиссий, Дадашев удачно выдержал их, демонстрируя способности не только улавливать мысли людей, но и самому влиять на поведение окружающих. Получив от криминалистов задание — найти из 50 фотографий изображения трех преступников, он выполнил это блестяще. Артист успешно «читает» мысли иностран-

цев, не владея их языком. Объясняется это его образным восприятием дум и переживаний других людей.

В нашей стране с подобными психологическими опытами выступают также К. Николаев, Е. Виноградов и некоторые другие.

Ясновидцы

торым вопросом затронутой проблемы является криминалистическое ясновидение.

Мы не приводим здесь ссылки на дореволюционную литературу, которая обильна (один только журнал «Ребус» помещал немало публикаций по этой теме). Большинство из них представляет собой неразделимую смесь мистики с реальными фактами, что обесценивает материалы.

Обратимся еще раз к труду Г. Шнейкерта «Тайна преступника и пути к ее раскрытию». «Все случаи действительного обнаружения преступника, нахождения украденных вещей или розыска пропавшего человека, — утверждает он, — могут быть приписаны хитрости и проницательности гадалки или ясновидца, но не ясновидению, как таковому. Если в ясновидении и есть какая-либо капля истины, то, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что ясновидение по заказу — вещь невозможная».

Как видим, ученый, не обременяя себя специальными исследованиями, высказывается тем не менее отрицательно. А что говорят источники?

В 1930 году во Франции разбился пассажирский самолет, погибло 48 человек. Расследованием причин катастрофы занялась специальная комиссия. Одновременно известная ясновидящая Э. Гаррет, войдя в транс, дала деловое, технически грамотное описание полета корабля и причин его катастрофы. Позднее комиссия пришла буквально к тем же выводам.

Не будем приводить длинный список авторитетов, признающих существование явлений ясновидения. Напомним еще раз высказывание И. П. Павлова: «...В некоторых случаях при объяснении обычной сознательной деятельности дифференцировочная способность человека обостряется. При особых состояниях, так называемого ясновидения, дифференцировочная способность человека доходит до бесконечной тонкости».

В 20-х и 30-х годах популярностью пользовался польский инженер Стефан Оссовецкий, «выдающийся ясновидец». Если ему предлагали какой-нибудь предмет, то он мог описать внешность человека, державшего его ранее, психические переживания того человека за последнее время. Полиция прибегала к помощи этого феномена при решении самых запутанных дел. Профессор С. Манчарский, длительное время наблюдавший Оссовецкого, пришел к выводу, что оставляемые на предмете «следы» поглощаются кожей медиума. И в его кожном покрове происходит химическая реакция, усиливающая «след». В химии известны подобные процессы. «След» воздействует на нервную систему медиума, сигналы передаются в головной мозг, где и анализируются. Манчарский много лет изучал парапсихические качества человека. Итог его поисков таков:

«...Паранормальные явления являются обычными физическими явлениями, основанными на перенесении энергии. Несмотря на свою незначительную величину, эта энергия поддается расчетам и измерениям».

Исследователь Африки Лоуренс Грин, путешествуя по континенту, «натолкнулся на факты, свидетельствующие о существовании вневещественного восприятия, телепатии и ясновидения у первобытных народов...» В своей книге Грин отмечает случаи раскрытия преступлений ясновидцами.

Путешественник Д. Корбетт в записках, изданных у нас 15 лет назад, описывает пропажу драгоценностей у премьер-министра Непала и успешное отыскание их с помощью ясновидца.

Один из наиболее известных криминалистических медиумов — голландец Жерар Круазе, чьи способности более 20 лет изучались парапсихологами Утрехтского университета. Круазе приглашался полицией для розыска детей, вещей и трупов людей. Медиум попадает в сумеречное состояние, и перед его мысленным взором проходит серия сцен, как будто кадры из кинофильма. Все, что он говорит при этом, фиксируется на магнитофонную ленту. Будучи на большом расстоянии от места нахождения трупа, ясновидец уверенно описывает местность и окружающую обстановку, что позволяет полиции быстро найти тело покойного. Много подобных примеров подтверждается показаниями свидетелей, магнитофонными записями ответов Круазе, полицейскими протоколами. Медиум успешно раскрыл ряд тяжких преступлений. Он даже выяснял причины сложных аварий и неисправностей различных установок, не имея при этом технического образования, указывал порой столь мелкие неполадки, которые обнаруживали позднее лишь лабораторным способом. Некоторые указания Круазе носят ориентирующий характер. Из-за поспешного их истолкования могут произойти ошибки.

В Польше и ныне действует ясновидец Чеслав Климушко, чьи дневники публиковались в польском журнале «Литература». Климушко в основном занимается поисками тел умерших или пропавших людей, пользуясь их любой прижизненной фотографией. Отрывки его дневников переведены на русский язык. Ясновидец оказал существенную помощь в розыске преступников, похитивших из национального банка в городе Волуве 12 миллионов золотых. Пользуясь фотографией исчезнувшего человека, Климушко указывает точное местонахождение живого субъекта или его трупа, расстояние при этом не играет никакой роли. Медиум объясняет, что фотография, взятая для парапсихического сеанса, должна быть не старше 10 лет и не ретушированной. Ее не должен носить при себе в течение долгого времени другой человек, а также она не должна храниться вместе с фотографиями других людей. Желательно, чтобы человек был сфотографирован в тени, он не должен быть нетрезвым. Реальность уникальных способностей польского ясновидца подтверждается его многолетней практикой, но сущность явления пока остается неясной для ученых.

В настоящее время известна группа людей, владеющих редкими парапсихическими способностями: французка Мари Мэр, бразилец Хозе Педро де Фрейтас, итальянка Паускалина Пецчок. Только в Европе насчитывается 20—30 медиумов от криминалистики. Американский журналист Роберт Рудольф, проводивший в 1975 году специальное исследование этой проблемы, сообщает, что все возрастающее число юристов высказываются за использование в процессе следствия помощи медиумов.

У нас также есть люди с подобными качествами. В Читинской области проживает престарелая А. Г. Попова, которая может успешно искать пропавший скот, вещи и трупы людей: приемы ее сходны с методами голландца Круазе. Советский ученый Л. В. Виленская посвятила статью способностям Поповой, опубликованную в 1975 г. в Международном парапсихологическом журнале, издающемся в Лондоне.

Известны факты быстрого развития паранормальных способностей путем трепанации участков черепа или употребления определенных наркотиков. Первый способ

бытовал среди тибетских лам высших степеней посвящения (кандидат неоднократно проходил испытания и непростанное его обучение длилось более 30 лет!). Вообще же в тибетской медицине хирургические приемы занимают очень скромное место. В СССР еще в 30-х годах были живы несколько лам цанитского направления (цанит — мудрость), которые ранее прошли подобную операцию. Их необычные психические возможности, в частности, помогали в поиске преступников и пропавших без вести. Секрет этой хирургической операции неизвестен.

Второй способ применялся в Африке, Америке и средневековой Европе. Знаменитый астролог-ясновидец Нострадамус вначале упорно занимался алхимическими опытами, исследовал большое количество наркотиков. Виднейший специалист научной разведки, знаток древней истории Жак Бержье пришел к выводу, что Нострадамус обнаружил наркотик необыкновенной парапсихической силы. До сих пор пророчества этого человека поражают своим необъяснимым предвидением будущих событий. Например, французский ясновидец указывал на несколько политических убийств и переворотов, которые действительно произошли в указанные сроки.

Здесь мы сталкиваемся с наиболее загадочной отраслью ясновидения — проскопией, получением информации вневещественным путем о событиях будущего. В истории народов можно найти ряд примеров, подтверждающих реальность этого явления, несмотря на различные мистические наслоения. В литературе подробно описаны вещая Кассандра из «Илиады» Гомера, дельфийские пифии, римские сивиллы. Крупный советский юрист М. Гернет в своей пятитомной «Истории царской тюрьмы» упоминает о прорицателе монахе Авеле, много лет томившемся в страшных казематах Шлиссельбурга и Соловецкого монастыря. Эта историческая личность в самом деле обладала даром предвидения. Авель с точностью предсказал год и день смерти Екатерины II, Павла I, год вторжения французов в Россию. За свои пророчества он более 20 лет пробыл в тюрьмах...

Существует гипотеза, согласно которой все процессы во Вселенной взаимосвязаны законами причинности, которые проявлялись не только в прошлом, но и определяют протекание всех явлений в будущем. И в этом смысле проскопия вполне объяснима — то, что мы воспринимаем как предсказание будущего, впоследствии сбывшегося, в действительности уже было предопределено законами причинности.

Лозоходцы

ведущей областью парапсихологии является лозоискательство. Известный с глубокой древности — на него имеются ссылки еще в Библии — биофизический эффект до сих пор не имеет теории, объясняющей его суть. Ряд специальных экспериментов в рамках ЮНЕСКО полностью подтвердил это явление. В 1971 году в СССР избрана межведомственная комиссия для координации работ по проблеме биофизического эффекта. Десятки тысяч опытов ставились в самых различных местах страны. Из большой группы фактов практического применения эффекта можно указать на работу молодого ученого А. Огильви, определившего размеры и расположение карстовых трещин под асфальтовым покрытием в Москве близ Хорошевского шоссе. При ре-

монте Останкинского дворца, план подземной части которого безвозвратно утерян, Огильви с помощью того же эффекта установил точное расположение старинной дренажной системы.

С древних времен лозоискатели привлекались также для расследования преступлений, выявления зарытых ценностей и трупов. Один из них — француз Жак Эймар, блестяще раскрывший страшное убийство одной семьи в Лионе в 1692 году, известен настолько, что его криминалистическим успехам посвящена обширная литература. Французский физик профессор Рокар в своей книге «Знак лозоходца», пытаясь дать разумное объяснение подобным случаям отыскания спрятанных тел убитых и орудий убийства, связывает такие находки с повышением концентрации ионов в почвенных водах вблизи зарытого предмета.

В нашем веке школы, готовящие лозоходцев, имелись в ряде стран. Профессионалы биоэффекта объединились в США в союз, насчитывающий 25 тысяч человек.

Возможно, что дальнейшее развитие знаний об этом явлении позволит внедрить его в криминалистику, например, при поиске на открытой местности, в лесном массиве, когда необходимо исследовать значительную площадь.

В 1966 году один из видных американских специалистов по электронным детекторам К. Бакстер, возглавлявший на протяжении ряда лет Исследовательский комитет Академии криминалистических наук, с помощью датчиков-электродов, закрепленных на растении, обнаружил любопытное явление. Оказывается, утверждает он, растения чутко реагируют на поступки и мысли человека. Независимо от Бакстера аналогичные результаты были получены в Советском Союзе.

Американский криминалист создал модель преступления. В комнату, где находилось два цветка, по одному вошли шесть человек. Появившийся следом за ними Бакстер заметил уничтоженный цветок. Для установления «убийцы растения» ученый присоединил электроды к оставшемуся цветку, а затем по очереди стал вызывать шестерых участников эксперимента. Растение сразу же указало изменением энцефалограмм на «преступника».

Доктор психологических наук В. Н. Пушкин после серии опытов с растениями утверждает:

«...Живая растительная клетка (клетка цветка) реагирует на процессы, происходящие в нервной системе (эмоциональное состояние человека)... Психика человека, какой бы сложной она ни была, наше восприятие, мышление, память — все это лишь специализация той информационной службы, которая имеет место уже на уровне растительной клетки». Как видим, в этом случае мы наблюдаем взаимодействие живых организмов на расстоянии, изучением которого занимается парапсихология. Очень многообещающими для будущего следствия представляются возможности растений по опознанию насильственных преступников. Академик Б. Домбровский и доцент В. Инюшин пишут: «Вероятно, слишком категоричны выводы американских ученых о практическом использовании рецепции растений для судебного следствия. Но опыты К. Бакстера не могут не привлечь внимания экспериментаторов».

Наше знание окружающего мира еще очень далеко от совершенства, и, несомненно, дальнейшее развитие парапсихологии поможет обогатить многие виды человеческой деятельности и криминалистику новыми способами, облегчающими раскрытие преступлений...

СТОЛИЦА МОРСКИХ ПИРАТОВ

Моря Ледовитого океана богаты. Чем холоднее вода, тем больше в ней растворено кислорода, тем благоприятнее условия для развития всего живого — от зоопланктона до китов.

Когда-то воды Арктики буквально кишели белухами, моржами и китами. Но сейчас в Баренцевом, Белом и Карском морях от моржей остались лишь названия: губа Моржовая, мыс Моржовый, остров Моржевец...

Такая же участь постигла китов. Их истребление около Шпицбергена началось с шестидесятых годов XVII века. За сто лет голландцы выловили пятьдесят семь тысяч китов. Англичане за это же время около пятнадцати тысяч морских великанов.

Тысячи китобойных судов базировались в те времена в бухтах Шпицбергена. На берегу арктического архипелага выросли городки с печами, топившими сало, кузницами и мастерскими для обслуживания китобоев. Особенно процветал созданный голландцами на острове Амстердам Смеренбург (Ворванный город).

Нансен, побывавший на Шпицбергене в 1912 году, так описывал Смеренбург: «На этом месте более 250 лет тому назад стоял целый город с лавками и улицами. Не менее десяти тысяч человек толкалось тут среди шума товарных складов, на салотопнях, в игорных притонах, кузницах и мастерских, в трактирах, где пели и плясали. У этого плоского берега сновали лодки с возвращающимися со своего рискованного промысла моряками — китоловами, а также пестро разряженными женщинами, «приехавшими ловить мужчин».

Сейчас о Смеренбурге напоминает поставленный в 1878 году памятник, а также обнажающиеся в период отлива могилы китоловов.

Сколько же осталось на свете китов? Бискайский кит, обитавший в Северной Атлантике, был уничтожен еще до появления современных китобойных судов. Сохранились лишь его отдельные экземпляры.

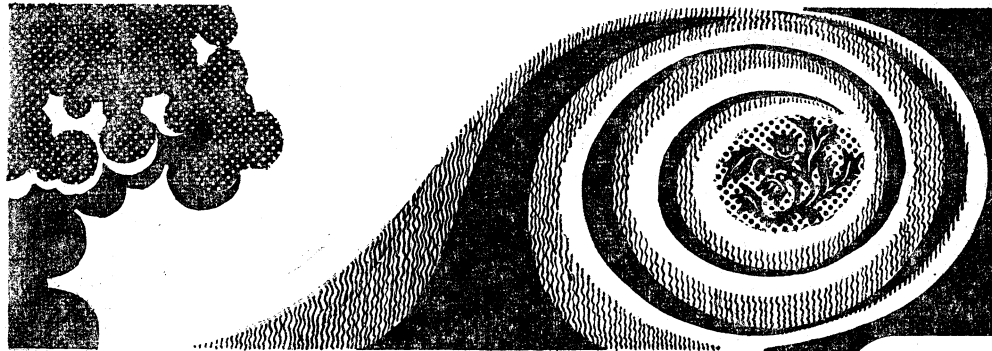
Гренландский кит представлял главный объект китобойного промысла в течение XIX века. Сохранилась, примерно, тысяча этих животных.

Австралийских китов осталось около 1500. Серый кит — обитатель северной части Тихого океана — охраняется с 1947 года. Запасы его — в пределах одиннадцати тысяч экземпляров. Значительно уменьшилось количество финвалов и сейвалов.

Ученые ищут пути сохранения редких животных, разведения их.

Николай
ЗАЙЦЕВ

**Герман
ЦВЕТКОВ**

Здравствуй

Есть у меня любимые слова,
Но всех любезней сердцу слово —
здравствуй!

Ему я говорю:
«Живи и царствуй
Во мне всегда,
пока душа жива.
Пока способность к удивленью есть,
Что зелена трава, а небо чисто,
Что светится опушка — так лучисто! —
Как будто добрую принес ей весть».

Так здравствуй, мир, пропахший крепко
солнцем,
С дорогой дальней,
с дедовским колодцем
И с торопливо брошенным: «Пора!..»
С извечным ожиданием добра.

Схватка

Правее сизого урмана,
Правее заверти калгана,
У ржавых скал, вдоль бузины,
В забытые войною рвы,
Почти с отвесной крутизны
Набеги одолень-травы.

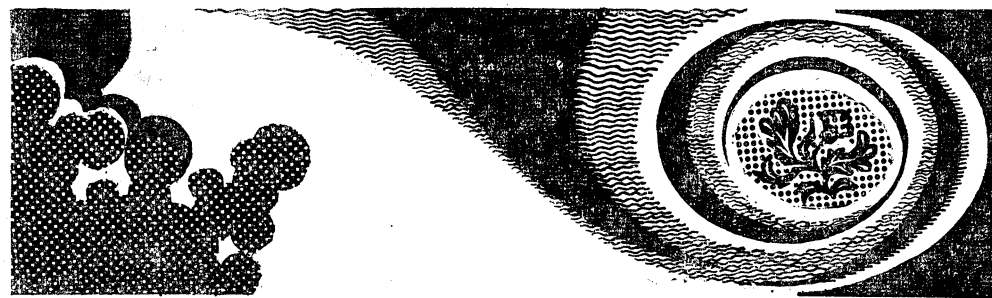
Ну, кто кого?
Бесшумна схватка.
Зависнул коршун в вышине,
Как неопрятная заплатка
На чисто-синем полотне.

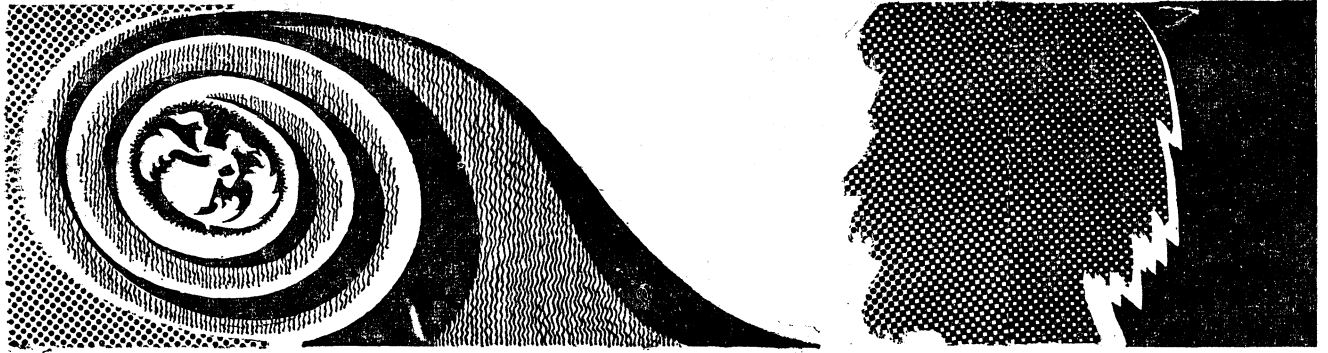
Ну, кто кого?
Сигналят ветры
Тяжелым посвистом в камнях.
Но стойко держатся приметы
Войны прошедшей.
Ее прах
Не стал целебным перегноем,
В земле не сгинул до конца.
Он все еще стучится горем
В живые, скорбные сердца.

**Нина
СУББОТИНА**

Огневушка

Потешался мой дед над
злосчастьем-бедой,
Над судьбою, закрученной круто,
И летели слова развеселой лузгой,
Золотые слова прибауток.
«Нету кур — не горюй, ить осталось перо,
Будет внучке на свадьбу подушка.
Не гляди, что у нас на Урале серо,
Поищи-ка свою Огневушку.
По заре, по росе, когда не был я сед,
След ее, понимаешь, приметил...»
И, как дети, светло улыбается дед,
И, как дед, улыбаются дети...
Не сберег дед на свадьбу мне,
что говорить,
Ни полушки, ни мягкой подушки.
Только слово его самоцветом горит,
Сердце греет его Огневушка!

**Сылва —
талая вода**

Перепрыгну через вереск,
Пробегу по лебедю,
Чтоб обнять руками берег,
Головой упасть к воде.
Жадно пью или целую
Струи быстрые реки,
Будто жилку голубую
Доброй няниной руки.
Улыбаюсь — это значит:
Уплыла с водой беда.
Шла и верила — унянчит
Сылва — талая вода.

**Владимир
ЛАПТЕВ**

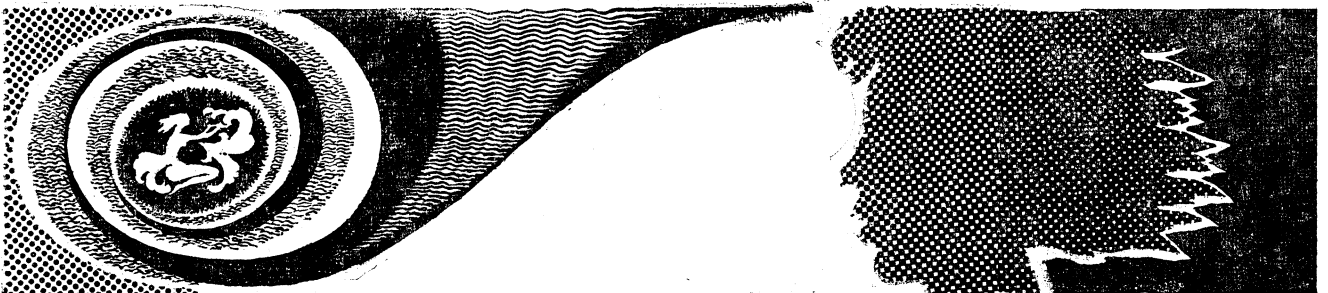

Полощутся закаты
В зеленом море ржи.
Давай тропой сохатых
За рошу убежим.
Пройдем поляной росной,
В лесной глуши вдвоем
В березовые косы
По ленточке вплетем.
Набродимся досыта
В тумане без дорог,
Отыщем позабытый
Когда-то здесь венок.

**Сергей
ЗАХАРОВ**

Стена зеленая
и свет наискосок.
Из дисков медленных магнитофона
свой медленный мотив
мне женщина поет.
Уходит поезд,
и январь уходит
в февраль холодный,
за которым март,
смеющийся на гулких переулках
над горечью бессмысленных утрат.
Апрель — обманчив.
Май меняет тело.
Июнь уходит
в призрачный поток.
Кончается июль
и август тоже,
но женщина незримая поет.
Свет вдалеке.
Сентябрь в костре заката.
Бредет октябрь,
усталый и благой.
И женщина
о солнце за рекой
мне напевает
как-то виновато.
Декабрь на берег
выброшен, как лодка.
И лист зимы положен на песок —
и чист, и строг.
А женщина поет,
что скоро вешний ток
пробьет листву на ветках
первогодка.

ЗАВОД НА АЛАПАИХЕ

**Василий
ЮДИН**

Город Алапаевск получил герб в 1783 году вместе с другими вновь образованными уездными городами Урала. В описании указывалось, что в связи с подчиненностью Алапаевска Пермскому наместничеству, на его гербе в верхнем поле помещен герб Перми — медведь с евангелием на спине, — а «в нижнем зеленом поле — железный молот, которым выделяется железо, означающий, что в сем городе находится железоделательный завод».

В конце лета 1696 года нарочный из Москвы доставил верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву важное предписание Сибирского приказа, помеченное 26 июня. Воеводе предлагалось, не мешкая, осмотреть в округе, «в которых местах камень магнит и железная добрая руда есть ли». Для столь ответственного обследования воевода привлек местных кузнецов и крестьян-рудознатцев.

Розыскания длились более года. За это время было найдено несколько обнадеживающих месторождений. Внимание привлекла также и рудная гора у Сухого Лога при впадении речки Алапаихи в Нейву. Место для завода оказалось вполне подходящим. На речке можно было соорудить плотину, а к берегам подступал лес, пригодный и для строительства, и для выжигания угля.

Описывая облюбованное для завода место, воевода обосновал выбор по всем статьям. Неподалеку, в тридцати верстах, лежала большая, свыше пятисот дворов, хлебная Невьянская слобода. Рожь там покупали по 48 копеек за восьмипудовую четверть, а рудоплавщики шли в наем за гривенник в день. И пути отсюда были тоже удобные и не накладистые. От Невьянской слободы железо по рекам можно было доставлять в Тобольск. А зимой санный путь шел из Верхотурья на Соликамск, да и с веза брали всего лишь по рублю двадцать копеек.

Однако только спустя шесть лет, после того, как в округе принялсЯ разворачивать свое дело обласканный Петром I тульский кузнец Никита Демидов, зачинатель уральской металлургии, новый верхотурский воевода Алексей Калитин получил указание строить казенный Алапаевский завод. Алексей Калитин был человеком

энергичным и властным, с большим чувством долга и собственного достоинства. Он горячо взялся за порученное ему дело, и сооружение завода шло споро. Оборудование на него должен был поставить с Невьянского завода Никита Демидов. Впрочем, сам он бывал на Урале наездами, и всеми делами тут управлял его хваткий и упрямый сын Акинфий.

С первого же дня между воеводой и молодым заводчиком возник конфликт. Акинфий, занятый своими заботами, отмахнулся от заказа на поставку Алапаевскому заводу двух молотов и двух наковален. Решительный верхотурский воевода забрал в отместку с Невьянского завода на Алапаевский плотников и мехового мастера и принудил Акинфия просить у него хотя бы слободских крестьян на их место. Акинфий вынужден был отправить в Алапаевку злосчастные молоты и наковальни. Вместе с тем Демидов-младший пожаловался на Калитина в Москву, и из Сибирского приказа пришло воеводе порицание и запрещение брать мастеровых у Демидова. Воевода в свою очередь донес на Демидовых, что они «не радуют» в государевых делах. Стараясь обеспечить мастеровыми Алапаевский завод, Калитин велел собрать всех кузнецов Верхотурского уезда и сорок человек из них послал для обучения мастерству на Невьянский завод. Но Акинфий Демидов кузнецов учить не велел, а приказал им «таскать из домны пушки и всякую заводскую работу работать». Разгневанный воевода сам отправился в Невьянку и потребовал у Акинфия объяснений. Тот заявил, что у него на заводе «у всякого заводского мастера есть свои подмастерья и работники, и посторонних кузнецов он к себе не примет, для того, что у него сожгут много угля».

Конфликт разгорался. Калитин все же успешно вел строительство Алапаевского завода. Он сообщил в Москву, что за лето в Алапаихе возвели плотину, поставили 44 жилых двора, достраивают домну и молотовую, начали новую домну и вторую молотовую и три вертели.

В противоборстве с Демидовыми, которое затеял верхотурский воевода, радея о государственных интересах,

верх взяли Демидовы. Калитин получил сердитый нагоняй от самого Петра I: «...А буде ты, Алексей, на Невьянские заводы к нему, Никите, учнешь без нашего... указа и без послушных к нему, Никите, из Сибирского приказа памятей с Верхотурья для каких дел посыльчиков посылать или сам ездить и подводы иметь... на тебе, Алексей, доправлено будет пеня большая и убытки все...»

Осенью 1703 года Алапаевский завод начал лить первую продукцию: артиллерийский «наряд» с припасами. Пошел также деловой металл и изпод молотов. Тяжелое вооружение для армии выпускали все уральские заводы и его с нетерпением ждали на берегах Невы, где Петр I строил новую российскую столицу и отвоевывал у шведов выходы в Балтийское море к европейским рынкам.

Литье артиллерийского вооружения в Алапаихе что-то не ладилось, и в столицу решили отправить пока лишь две пушки «для образца», а также три пуда проволоки на пробу. Основной продукцией было прутковое железо — оно получилось отменное. Зимой по санному пути, «через Камень», крестьяне на тридцати подводах перевезли с Алапаевского завода образцы пушек, проволоки и 750 пудов кузнечного железа в Чусовую слободу. Тут уже стучали топоры: верхотурские мастера строили к весне добротные суда.

В конце апреля, еще по высокой воде, сформировали караван совместно с другим казенным Каменским заводом. Караван получился внушительный — 11 дощанников и 10 набойных лодок, а в них погрузили 26 пушек, 37 мортир, 16 гаубиц, почти 20 тысяч картечных ядер, 500 тесаков, а также сортовое железо, уклад, сталь. Под зычные команды приказчика Семена Резанова, который сопровождал такой же караван минувшим летом и потому имел опыт, тяжело пруженные суда отчалили от пристани и пустились в далекий и долгий путь.

В те времена на малых суденышках можно было плыть чуть ли ни от ворот уральских заводов под самые стены московского Кремля. А спустя десяток лет «железные караваны» пошли в самый Петербург — с Волги в Тверцу и по Вышневолоцкому каналу — в Новгород, а уж до новой столицы оттуда было рукой подать. По Чусовой караван с первой продукцией Алапаевского завода шел медленно, только днем, чтобы не разбить суда. «Чусовая река каменистая, быстрая, утесы каменные и в тех утесах есть многи бойцы каменные, — писал Резанов, объясняя медленное движение каравана. — А по той реке крутых каменистых поворотов до Строгоновых городков много, в которых с великим бережением и трудностью ходят, чтоб об камень не разбилось и реки Чусовая вельми пока-

та, что большая вода дни в два или три вся збежит».

С наступлением рассвета до вечерней зари махали веслами в две смены. На каждом судне работало восемь гребцов и два кормщика, которым за каторжный труд платили по пяти алтын в день.

Только на девятый день дошли до Камы. По большой реке плыть стало легче, потому что при свежем ветре можно было без опаски ставить паруса. Спустя два дня достигли городка Осы. Отсюда уральских гребцов и кормщиков отпустили и наняли новых, камских. Они вели караван до Сарапула, где опять сделали «перемену» — до Елабуги. А оттуда новые гребцы и кормщики сели до Лаишева. В Лаишеве задержались «за парусным шитьем». Затем караван двинулся вверх по Волге, «против воды». Волжским гребцам и кормщикам пришлось платить вдвое-втрое дороже. На Волге сделали еще несколько «перемен» — в Казани, Козьмодемьянске и Нижнем Новгороде. В Нижнем свернули в Оку. По Оке караван вели муромские, затем касимовские, потом рязанские «ямщики». 7 августа, пробыв в пути 14 недель и 5 дней, приплыли в Коломну. И тут остановились: дальше плыть по Москве-реке в этот раз не позволило мелководье.

Пушки Алапаевского завода забраковали, а проволоку одобрили и впрямь велели заводу выпускать только разное железо, уклад, кочную сталь, проволоку и прочий металл, необходимый в кузнечном и строительном деле.

Потянулись годы. Алапаевский завод почему-то не пользовался вниманием и находился в положении пасынка. В течение почти полувека он давал казне прибыли не более тысячи рублей в год. Поэтому когда отставной секунд-майор лейб-гвардии Измайловского полка А. Г. Гурьев пожелал приобрести в собственность четыре казенных завода — Алапаевский, Синячихинский и два Сусанских, — он хлопотал недолго.

В 1766 году Гурьев запросил разрешения на продажу заводов. И тут отставному измайловцу крупно повезло: покупатель на них нашелся моментально — известный на Урале промышленник и демидовский конкурент С. Я. Яковлев, который, осмотрев заброшенные заводы, не торгуясь, отвалил за них 140 тысяч рублей, чуть ли не втрое больше, чем заплатил сам Гурьев.

Яковлев был хватким и дальновидным предпринимателем и денег на ветер не бросал. Бывший крестьянин, он начал с винных откупов и к концу жизни стал владельцем 22 металлургических заводов на Урале.

Прокурор пишет романсы

Песенная лирика плохо вяжется с прокурорской работой. Но вне службы никакие увлечения никому не заказаны. Состоявший в Уфе в середине прошлого века прокурором А. В. Тимофеев усердно сочинял стихи и романсы. К стихам А. В. Тимофеева музыку сочиняли такие композиторы, как А. А. Алябьев, А. С. Даргомыжский, А. Е. Варламов. Многие из этих песен звучат и поныне на концертах виднейших вокалистов.

А. В. Тимофеев когда-то был почти знаменитостью. Его произведения выходили отдельными книгами, печатались во многих журналах. Особенно много А. В. Тимофеев печатался в наиболее распространенном тогда журнале «Библиотека для чтения». Редактор «Библиотеки», известный журналист тех лет О. И. Сенковский, восхищаясь А. В. Тимофеевым, называл его даже «прямым наследником Пушкина» и «вторым Байроном». Со временем эти преувеличенные оценки отпали. Теперь поэмы, драмы и проза А. В. Тимофеева справедливо забыты. Но живы и популярны его стихотворения-песни.

Прокурора А. В. Тимофеева к числу вольнодумцев не отнесешь. Однако его песни были особенно популярны в прогрессивных, демократических кругах русского общества. Д. И. Ульянов, например, пишет: «Любил Володя «Свадьбу» Даргомыжского:

**Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами...**

Многие и сейчас восхищаются музыкой «Свадьбы», написанной композитором к прекрасным стихам А. В. Тимофеева.

В России весьма популярен был также романс Брягнинского:

**Дремлют плакучие ивы,
Низко склоняясь над ручьем...**

Часто он исполняется и сейчас — И. С. Козловским, например. Раньше авторство этого стихотворения приписывалось И. С. Тургеневу, но теперь специалисты считают, что текст «Плакучих ив» создан, видимо, А. В. Тимофеевым.

**Николай
БАРСОВ**

— На нашем экране ее временное жилище. По сути, это большая климатическая камера, конструкция которой позволяет имитировать марсианские условия: температуру, давление, газовый состав... Что вы думаете обо всем случившемся, профессор?

Сатон дернул себя за бороду, посмотрел на ведущего и развел руками.

— Я любил ее, потому что гракулу нельзя было не любить. Мы делали все, чтобы ей было хорошо, чтобы она привыкла к Земле. Вы знаете, что ее привезли с Марса. Она там жила на экваторе, где песок и безводие. И на полюсах, где смесь снега и хлопьев углекислоты по колению. Мы полагали, что в силу этого она может акклиматизироваться у нас. — Он грустно вздохнул. — Когда я чесал ей кадычок, ее кожа становилась прохладной и покрывалась мурашками...

— Может быть, ее выпустил кто-нибудь из младших научных сотрудников? — спросил ведущий.

На экране возник Нури.

— Исключено, — сказал он. — Ползунки отвечают только за режим, дежурят у пульта и доступа в камеру не имеют. А биологи из ходячей группы — люди ответственные. Кроме того, имеются всего два ключа. Один у директора, — кивок в сторону Сатона, — другой у меня. Без нас никто из ребят в камере не бывал.

— Странно это, — задумался ведущий. Его голографическое изображение четко выделялось на притененном фоне просторного помещения. Потом на экране возникла панорама климатической камеры. — Гладкие стены, специальная изоляция. Сюда и бактерия не проникнет. Что здесь есть? Кормушка-поилка и надувной матрац. Больше ничего.

— Что вы сказали? — раздался за кадром удивленный голос Нури.

— Я говорю, матрац. Мой помощник вытащил его из-под кормушки перед началом передачи. Я сказал: специальная изоляция. Сюда можно проникнуть только через бокс в скафандре с автономным питанием.

— Простите, — это опять голос Нури. — У нас нет автономных скафандров. Оба наших скафандра имеют питание от внешней установки. Воздух подается и убирается по шлангам.

— Благодарю... Но что все-таки будем делать? Я полагаю, вопрос о том, как гракула отсюда вышла, — второй вопрос. А первый — куда она делась? Что собирается предпринять по этому поводу руководство Института Реставрации Природы? Нужна ли помощь общественности?

— Ни в коем случае, — сказал Сатон. — Дирекция ИРП не допустит на территорию никого из посторонних. Я надеюсь на высокое сознание энтузиастов. Но хотел бы предупредить, что при первой попытке незаконного проникновения на территорию ИРП мы накроем массив защитным полем, хотя за все десять лет существования нашего филиала к этой мере мы не прибегали ни разу. Поиск будем вести малой группой. Без чрезвычайных мер.

— Я думаю, человечество разделяет вашу позицию, — после небольшой паузы сказал ведущий. — Удовлетворяя интерес телезрителей, я хотел бы представить членов поисковой группы. Знакомьтесь, товарищи, это Олле.

На экране беловолосый, шоколадного цвета гигант в шортах и постолах. Рядом пес чернее ночи, усатый и лобастый, с гладкой шерстью и широкими лапами.

— Олле знают многие, — прокомментировал ведущий. — Его работы по мимике и жесту весьма популярны. Но в последние годы он сменил специальность. Сейчас Олле вольный охотник. Он поставляет Институту животных.

— Поставляю, — вздохнул Олле.

— Вы их ловите? Как?

— Ну, чтобы поймать, надо, как минимум, обнаружить и догнать.

— И вы?

— Обнаруживаю и догоняю.

— А потом?

— Потом — в мешок, вызываю транспорт и везу сюда, в ИРП.

— А если оно в мешок не лезет?

Тигр проводит вас до гаража

Рассказ

Сергей
ДРУГАЛЬ

Рисунки
Е. Стерлиговой

— В мешок никто сам не лезет. Я его туда засовываю.

— Я хочу сказать, если оно в мешке не помещается. Если габариты большие. Скажем, медведь?

— Я отловил сотни животных, — нахмурился Олле. — И это никого не удивило. А медведя всего одного — и столько разговоров.

— Об этом был поставлен фильм...

— Видел. Ерунда в том фильме... Практически он и не сопротивлялся, болен был. Трудно было тащить его к площадке, удобной для посадки вертолета. На руках нес.

— Спасибо. Следующий участник поисковой группы — Нури Метти. Полагаю, генеральный конструктор большой вычислительной машины известен всем. Но не все знают, что Нури имеет также диплом воспитателя в дошкольных учреждениях и уже год работает в детском саду при океанском филиале ИРП. Что заставило вас, Нури, участвовать в поисковой группе?

— Мы с ребятами отвечали за акклиматизацию. Они считают, что я должен участвовать в поиске. Директор и я разделяем их мнение.

— Третий участник — пес Гром. Что вы скажете о нем, Олле?

— Мой друг. Улыбнись, Гром.

Пес оскалится. Белые клыки на черной морде производили жуткое впечатление, и оператор сменил кадр. Золотой конь гулял на поляне, и ветер развевал его гриву, и длинный хвост касался травы.

— Это просто Конь, — сказал за кадром Олле. — Он не может без меня, а я не могу без него.

Гром вел их по кромке джунглей там, где джунгли постепенно переходили в саванну. Утром второго дня след исчез, и Олле предложил зайти к знакомому Отшельнику передохнуть и сориентироваться. Перед закатом они подошли к озеру, лежавшему у подножья скалистой горы.

— Можно в обход, можно вплавь, — сказал Олле. — Отшельник живет в пещере на той стороне.

Вопрос решил Гром. Пес полез купаться и делал это с таким удовольствием, что и остальные не выдержали. На середине озера Олле нырнул и долго любовался необычным зрелищем: в воде мерно перебирал ногами конь без головы, а за ним, привязанный к хвосту, тянулся оранжевый плотик.

— Бросай все, — сказал Олле, вынырнув. — И посмотри — конь совсем серебряный.

Нури ушел под воду минуты на три.

— Между прочим, там на дне крокодил лежит, — будничным голосом сказал он, наконец вынырнув голову из воды.

Крокодил действительно всплыл шершавой колодой и долго двигался рядом.

— Стар он, — сказал Олле. — Мохом оброс... Ты его не трогай. Это любимый крокодил Отшельника. Геннадием его зовут.

Отшельник, опираясь на посох, ждал их на берегу. Длинные волосы его касались плеч, борода свисала до пояса, а чресла были перепопоясаны козьей шкурой.

Гром вылез из воды, подбежал к Отшельнику и стал отряхиваться. Кончик его хвоста и нос образовали некую воображаемую ось, вокруг которой со страшной скоростью двигалось все остальное. Брызги разлетались во все стороны.

— Железный организм, — пробормотал Отшельник. — Это ж надо, выйти из такой тряски без сотрясения мозгов! Уважаю.

Когда Олле и Нури, выпустив из плота воздух и перенеся на сухое место рюкзаки, подошли к Отшельнику, тот долго жевал губами, молчал, а потом сердито спросил:

— Газельи потроха привезли?

— Ни даже говяжьего ливера, — мгновенно среагировал Нури.

— Меня смех душит, — грозно сообщил Отшельник. — Но тем не менее я вас приветствую и прошу в пещеру.

Он переступил через крокодила и пошел, не оглядываясь.

— Только собачку придется оставить. И лошадка пусть себе пасется, ее никто не тронет. У меня здесь тихо, спокойно. Отдохнете и дальше пойдете. Своим путем.

Вход в пещеру был закрыт цветастой занавесью. Отшельник откинул ее, и сразу гостей оглушил утробный рык. Под люстрой, свисающей с невидимого в высоте свода, метался и ревел огромный лев.

— Чтоб я так жил, Варсонофий! — неожиданно завизжал Отшельник. — Что я тебе, из себя потроха достану?

Лев замолчал и ушел в угол. Отшельник, так же внезапно успокоившись, сказал непонятно:

— Или я завтра вскрою НЗ, или вся программа полетит к черту.

В пещере было уютно и просторно. На ровном полу пушистый ковер, у стены большой письменный стол, длинный пульт и шкаф, набитый книгами. Рядом — низкая тахта, а в стороне под странным коленчатым сооружением располагалось львиное логово — охапка сухой травы.

Нури долго рассматривал удивительную конструкцию — причудливое сочетание рычагов и микрофонов. Самый длинный из рычагов заканчивался тяжелым ботинком.

— Для него? — кивнул Нури в сторону льва.

— Точно. Спит, скотина, на спине и храпит неестественно. Пришлось соорудить эту штуку. Она срабатывает, когда уровень храпа превы-

шает шестьдесят децибел... Сейчас я сплю спокойно.

— А попросить его выйти вон нельзя?

— Увы. Это его пещера. По сути, он мне ее сдает за ящик газельих потрохов в неделю.

— Обдираловка, — возмущился Нури.

— А Варсонофий считает, что терпит меня чуть не задаром.

Олле перебирал книги. В основном это были труды по психологии животных, справочники рационалов, записки натуралистов и дрессировщиков.

— Ф. А. Судьба. «Сытый хищник. Очерки по экспериментальной психологии», — прочитал он вслух. — Интересно: сытый хищник...

— Об этом потом. Пока прошу откусать, что бог послал, — пригласил Отшельник. — Сам я питаюсь, естественно, акридами, сиречь кузнечиками. Но для гостей...

Для гостей была жареная рыба, вареники с творогом из молока антилопы, на десерт бананы и ананас. Эту превосходную еду гости, а с ними и хозяин, запивали соком манго. И вели неспешную беседу.

— Варсонофий, — задумчиво сказал Олле. — За что вы его так?

— А вы знаете, кто я?

— Знаем. Отшельник.

— В миру я Франсиск Абелярович Судьба. Я, может, из-за этого и в отшельники пошел. А уж если я Франсиск, то он Варсонофий. И никаких сентиментов.

— Там я у вас книжку видел...

— Проблема — сытый хищник и голодный. Это, я вам скажу, два разных хищника. Я изучаю условия, когда все сыты. И здесь свои трудности. Возьмем Варсонофия. Сытый он спит. А у спящего — какая психология? Нет никакой. Просыпается он уже голодным, и объект наблюдения исчезает, поскольку меня интересует сытый. Идиотское положение... А вообще здесь рай. Никто никем не закусывает. Все, представляете картину, толстые, довольные, непуганые.

— Рай — это хорошо, — сказал Нури. — Но какой смысл изучать сытого хищника? Полезен голодный. Он лекарь стада. Мы знаем, что, гоняясь, скажем, за антилопой, лев поддерживает ее жизненный тонус, способствует тому, чтобы она всегда была в форме. А больных и слабых он съедает. Выживают самые здоровые. И потомство от них — здоровое.

— Пусть так. Но этот процесс природа рассчитала на тысячелетия, а мы почти всех перебили за каких-то двести лет. Когда в стаде не десятки тысяч голов, а жалкая сотня, то о каком естественном отборе можно говорить? В этих условиях больных мы лечим, а слабых, со слезами, сами съедаем. Хищнику ничего не остается. А ведь и его по-человечески жалко, вот и берем на свое иждивение. Кормим от пуза,

и у него появляются этикие паразитические, буржуазные наклонности. Потому и изучаем.

— Ну, а Варсонофий? — вмешался Олле.

— Отучили. Всех отучили. Мы держим в стаде десяток механических зебр и антилоп разных пород. И пару жирафа. Я видел, как за зеброй гонялся леопард. Бедняга через полчаса вывалил язык, а механозебра хоть бы что. Два-три таких урока и вдоволь газельих потрохов — и вот вам кроткая кошечка...

Ночью Нури так и не мог заснуть. Сначала тихо шебуршал Отшельник и часто выходил из пещеры. Потом снаружи кто-то гремел ящиками, смеялся и переговаривался вполголоса, а когда все утихло, по-дурному захрапел Варсонофий. И каждые пять минут со скрипом срабатывала рычажная система, и ботинок гукался о львиный бок... Олле, привычный к лесным шумам, как лег, так за ночь ни разу не пошевелился.

— В гробу я видал такое отшельничество, — сказал за завтраком хмурый Нури.

Хозяин накрыл стол у входа в пещеру рядом со штабелем возникших за ночь ящиков. Слышно было, как в своем логове хрустел газельими потрохами Варсонофий. Потроха с виду напоминали галеты и, как объяснил Отшельник, состояли из сложной смеси белков, витаминов, жиров и углеводов. Каковы они на вкус, никто, кроме Грома, не захотел узнать. Пес же ел потроха с явным удовольствием.

— Эти снабженцы всегда нарушают график, — пожаловался Отшельник. — Но продукты обычно доставляют ночью. У антилоп гну аллергия к дирижаблю...

— Извините, я не хотел...

— Что вы, Нури, — Отшельник улыбнулся. — С непривычки здесь действительно немного шумно. Но... вас, наверное, интересует не это?

— Вы видели ее? — спросил Олле.

— Такую синюю, в белый горошек?

— В горошек, — грустно сказал Нури. — Мы потеряли след.

— С кадычком между лопаток?

— Точно.

— С одной ноздрей?

— Ага.

— Нет, не видел. Но вон в том стаде вчера я заметил приبلудную антилопу. Так вот, рога у нее были белые в синий горошек. А когда Варсонофий, в котором, надо сказать, порой просыпаются забытые инстинкты, кинулся к ней, она не убежала. Однако нападать на нее он не стал. Обнюхал и ушел... Согласитесь, для того, кто два года сидит на концентратах, — это странно. Я полагаю, то была она.

Наступило минутное молчание. Олле сидел с отсутствующим видом, Нури гладил пса.

— Я не могу утверждать наверняка, — нарушил паузу Отшельник. — Но что мы знаем о

возможностях приспособления животных, тем более инопланетных?

— Мы подумаем, — Олле встал. — Гром, след. След.

Гром взял след и снова вел их по кромке джунглей, обходя островки кустарников, убегая вперед и опять возвращаясь. Друзья шли налегке, навьючив рюкзаки на спину коню. Они обсуждали сложившуюся ситуацию.

Конечно, приспособляемость гракулы к изменяющимся условиям жизни была поразительна. Достаточно вспомнить, что экземпляры, отловленные на марсианских полюсах, имели непроницаемый шерстный покров, но, будучи перенесенными в экваториальную зону, полностью теряли его. Гракула вообще обходилась без воды: видимо, организм мог синтезировать влагу; но она купалась в бассейне и пила воду, когда жила в изоляторе. Она могла подолгу сидеть под водой без вреда для себя и с равным удовольствием ела сухой лишайник и... манную кашу.

Ночью они расположились на берегу ручья у маленького костра. Варили ужин. Гром убежал в темноту по своим делам, конь дремал неподалеку, по-ночному звенели джунгли.

— Нет, Олле, всякая адаптация тоже имеет пределы. Зимняя спячка, анабиоз в неблагоприятных условиях, регенерация утерянных конечностей у некоторых пресмыкающихся и рептилий... Все это никогда не связано с изменением формы организма. Тебе не кажется, что Отшельник разыграл нас? Гракула и антилопа! А может, Варсонофий просто уже забыл, что когда-то кусался?

— А рога?

— Синие? В горошек? Мутация.

— Отшельник не позволит себе шутить подобным образом, Нури...

Из темноты в освещенный костром круг в этот момент вступил Волхв. Он был коренаст и склонен к полноте.

— Кто вы и откуда?

— Из темного леса, вестимо. Мы, волхвы, всегда выходим из темного леса. — Он присел на корточки у костра. — Мне ведомо, что Отшельник не шутит. Он, как и все мы, очень уважает Нури-воспитателя и вас, Олле, одного из последних на планете охотников.

— Спасибо, — радушно сказал Олле. — Поужинайте с нами. В лесу, поди, страшно ночью.

— Приспособились. Работа у нас такая. Ходим, предсказываем.

— По ночам?

— Днем тоже.

— И что вы предсказываете?

— Разное. Всякие события, погоду. Ежели мор или глад, тоже предсказать можем.

— Ну, глад нам не угрожает, — помешивая в котелке, сказал Олле. — А вот вам, как провидцу, только один вопрос: чем закончится наш поиск?

Волхв расстегнул карман куртки, вытащил очки, протер их, надел на короткий нос, улыбнулся и ответил:

— Грядущее скрыто от глаз, но вижу — вы будете довольны результатами.

Олле усмехнулся.

— Значит, поймаем?

— Это уже второй вопрос... А сейчас извините, меня ждут дела. Я сыт и ужинать не буду. Я ведь к вам мимоходом.

Он встал, шагнул из круга и исчез.

— Минутку! — крикнул вслед Нури. — Какова достоверность ваших предсказаний?

— Айболит считает, что без пяти сто процентов, — донеслось из темноты. — Правда, снабженцы жалуются, что дисперсия велика, но они всегда недовольны. Кстати, Нури, лично вам предсказываю: побывав у Художника, вы догадаетесь, как гракула сбежала из изолятора...

Пролетела над костром ночная птица, кто-то тихо прокрался к ручью и долго лакал воду. Потом взошла луна, и стена леса разделилась на детали, потеряла черноту. Олле и Нури хлебали из котелка, и Олле тихо рассказывал:

— В этом массиве десять волхвов, кое-кого я знаю. Сатон к ним прислушивается... Видишь ли, здесь творятся странные дела. Это раньше достаточно было организовать среди природы запретную для человека зону — и можно было быть уверенным, что все там пойдет само собой. Будут множиться растения и зверье разных видов, установится естественное равновесие. Так и было, поскольку заказники и заповедники в экологическом смысле оставались частью окружающей природы... Сейчас положение изменилось. Естественность и дремучесть в лесном массиве ИРП? Они наполовину созданы нами в далеко не завершенной попытке реставрации природы. Здесь сейчас все перемешалось — настоящее и синтезированное, природное и привнесенное. Ведь даже почвенный слой частью пришлось создавать заново, даже вот этот ручей, что журчит рядом! Я помню, каких трудов стоило остановить рост стимулированных растений, чтобы они не заглушили тех натуральных, что оставались в массиве до создания Института... Сейчас здесь образуются микрозоны со своими особенностями, своим микроклиматом, новыми видами растений, животными-мутантами и потомками мутантов. Я недавно отловил двухметровую змею, сплошь покрытую колочками. Она бросалась на меня и тихо гавкала. Откуда она взялась? Биологи говорят, что такую никто не делал... Я видел в саванне рогатую ламу, видел нетопыря с птичьим клювом и зеленого лебедя... Волхвы пытаются во всем этом

разобраться, оценить — как уживается старое и новое, кто на кого и как влияет. Ведь порой неясно даже, кто кого ест!

— Так кто же они, волхвы?

— Не знаю. Знаю только, что люди эти страха не имеют, месяцами не выходят из леса, работают в одиночку. Сатон вообще не любит, когда в зоне ходят группами. Мы, по сути, исключение.

Нури проснулся первым. Справа половину неба заслоняла ромашка, а слева сидел пес. Нури зажмурился, ромашка коснулась щеки. Клацнул челюстями пес.

Нури встал, осмотрелся. Холмистая зеленая равнина уходила вдаль, овальными зеркалами блестели озера. Маленькие рощи толпились у берегов. Розовые фламинго стояли в воде, разглядывая собственное отражение. Очерченная ночью граница леса исчезла — лес переходил в саванну постепенно. Пробежало небольшое стадо антилоп незнакомой породы. Воздух был прозрачен и свеж. Нури вздохнул, сбросил одежду и побрел вдоль ручья туда, где негромко шумел водопад. Ручей падал с обрыва в небольшую заводь и вновь вытекал из нее по каменистому ложу. Нури прыгнул с разбегу и купался, пока не надоело. Потом вылез из воды, пошел к лагерю и увидел Дровосека.

Дровосек сидел на округлом валуне, подперев голову, и размышлял. Топор лежал рядом, какая-то зверушка суежилась на рюкзаке, заглядывая внутрь. Нури остановился неподалеку, не желая мешать человеку в его раздумьях. Желтый кленовый лист спланировал и угнезвился на влажном плече Нури. Над головой тонко, с переливами, засвистела невидимая в листе пичуга и умолкла, словно вся израсходовалась на трель. Дровосек размышлял.

Неслышно ступая, подошли Олле и пес, стали рядом, замерли. На паутинке спустилась с ветки гусеница и стала раскачиваться у самого носа пса. Гром вытарашил глаза, следя за ней, но не шелохнулся. Дровосек размышлял.

— Отвергла Амалия баронову руку! — не выдержал наконец Олле. — Святые дриады! Мы уже минут десять глядим на вас, неподвижного, и не можем понять причину столь мучительных раздумий.

Гром хапнул гусеницу и тут же выплюнул.

— Знаю, — сказал Дровосек, не подняв головы. — Вас здесь трое. Конь еще на водопое. Здравствуйте.

— Здравствуйте и вы. Но все же...

— Рубить или не рубить, вот в чем вопрос! С одной стороны — надо рубить, ибо этот вяз имеет дупло. С другой — дупло можно запломбировать, и вяз еще лет двадцать простоит. Но с третьей...

— Как, есть еще и третья?

— Но с третьей, — Дровосек вздохнул, — в дупле совиное гнездо. Если я его заделаю, куда денется сова со своими двумя совятами? И в результате кто-то будет лишен радости видеть живую сову при лунном свете... У меня блекнет волос, когда я подумаю, что это может с кем-то случиться.

Все трое тяжело задумались, а потом Нури спросил:

— Вы связывались с центром?

— Еще бы! Сатон передал задачу на большую машину.

— И что?

— Ах, Нури, машина ответила, что мне на месте виднее. Поскольку вы, вот именно вы, забыли заложить в программу задачу о сове. У вас, видите ли, там общие тезисы: общение с млекопитающими, общение с пернатыми. В одной куче и сова, и попугай-неразлучники...

Нури смутился: замечание было справедливым. Олле, у которого золотой конь, и Отшельник, который провожал их через озеро верхом на Геннадии, такой ошибки не допустили бы. Конечно, возьмись Нури теперь, через год работы с детьми, составлять программу по разделу «радость» — она была бы гораздо полнее... Но что все-таки делать с дуплом?

— Знаете, я, пожалуй, пойду. — Дровосек стряхнул зверушку с рюкзака. — Оставлю все, как есть. Птенцы подрастут, тогда и дупло заделаю... А если вы ненароком увидите Айболита, передайте, что тот заяц, которому он недавно грыжу вправил, чувствует себя отлично.

— Интересно, — сказал Нури, когда Дровосек скрылся в чаще. — За все время мы не встретили ни одного по-настоящему серьезного человека. Это ж надо — «волос блекнет»!

Олле засмеялся:

— И не встретим! Сатон имеет неограниченные права в подборе кадров, и он берет к себе только мастеров. А мастеру не нужно поддерживать авторитет, как спадающие штаны — двумя руками. Руки у него всегда свободны, и он делает свое дело весело и с любовью. Все хорошее на земле создано мастерами, щедрыми сердцем и чуждыми зависти... И знаешь, что Сатон считает первым признаком мастера? Умение восхищаться чужим делом. Настоящий мастер, даже в том редчайшем случае, когда он имеет административную власть, не станет мешать чужой работе, не станет занудой.

Через два часа пути они развернули карту. Причудливые, без какой-либо закономерности, извивы отмечали пройденный за четыре дня путь. Впрочем, закономерность была: линия ни разу не вошла в массив глубже чем на километр.

— Она избегает джунглей, — заметил Олле. — И ни разу не вышла за пределы территории, хотя привыкла к пескам и, казалось бы, должна забраться подальше в пустыню. Тут в часе ходьбы лечебница. Может, Айболит что-нибудь знает. Зайдем?

— Зайдем, но я весь в сомнениях. Мне кажется, что мы не приблизились к ней ни на шаг. Гром ведет так, будто гракула только что прошла здесь, наша средняя скорость — семь километров в час, а мы ни разу не видели ее даже издали. Между тем, резвостью она не отличается и поспать любит.

— Днем раньше, днем позже — какая разница? Никуда она от нас не денется.

— Нам бы орнитоплан...

— Нет, — сказал Олле. — Это было бы нечестно. У нее и без того мало шансов, нас ведь четверо, а она одна.

Лечебница — комплекс легких строений с примыкающими к ним вольерами — разместилась в роще на склоне зеленого холма. Здания связывали протоптанные в траве извилистые тропинки. Как и всюду, здесь было много воды: огибала холм небольшая тихая речушка, а не-вдалеке виднелось заросшее тростником и кувшинками озеро. Было безлюдно, и было бы тихо, если бы не медведь. Он вил и то катался по траве, то подбегал на задних лапах к дубу и драл кору, оставляя длинные царапины. Попытавшись залезть на дерево, медведь свалился и остался лежать с закрытыми глазами брюхом вверх. От поясницы и ниже он был выбрит, и над ним роились пчелы. Олле, отмахиваясь от пчел, сел на траву рядом.

— Все маешься? — сказал он.

Медведь открыл один глаз, увидел Олле и затряс головой.

— Думаешь, померещилось? Это я самый и есть.

— У-у-у! — застонал медведь, хватаясь за поясницу.

Весь он был перемазан медом, на спине налипла трава, а по голой серой коже ползали пчелы.

В вольере, втянув голову в плечи, стоял на одной ноге грустный аист и рассматривал их сквозь сетку.

Нури пчел не любил. Он снял с коня рюкзак, улегся неподалеку, достал яблоко, надкусил, и тут же с дерева спустилась обезьяна. Она подошла, держа перед собой загипсованную руку. Нури вздохнул, отдал яблоко. Обезьяна взяла его здоровой рукой, села рядом, задумалась о чем-то. Подошел конь, широко расставил ноги, наморщил лоб и устался на обезьяну.

— Будем ждать, — сказал Олле. — Кто-нибудь придет, явится или прибежит.

Нури расслабился, давая отдых ногам. Потя-

нулись светлые минуты полного покоя, какого Нури, сколько себя помнил, никогда не знал. Ему было знакомо озарение, состояние пронзительной ясности, когда неразрешимая, казалось бы, задача решалась одним взлетом мысли. Но не созерцание — непривычное ощущение, когда видишь себя со стороны и ползут расплывчатые мысли о себе самом, вчерашнем и завтрашнем. И почудилось Нури, что он ушел от кибернетики потому, что исчерпал себя, испугался, что ничего больше сделать в ней не сможет. Но тогда он не имеет права и работать с детьми, ибо воспитателем может быть только тот, кто в расцвете творческих сил...

— Ты что? — Олле склонился над ним. — Устал?

— Так, — Нури смущенно улыбнулся. — Чертовщина всякая в голову лезет.

На поляну неподалеку неожиданно выбежал пятнистый олень. За ним со шприцем в руке гнался Айболит. Олень был мокрый и тяжело дышал. Айболит в белой накрахмаленной куртке с золотыми пуговицами и красными крестиками на рукавах, напротив, был свеж и румян. В два прыжка он догнал оленя, на бегу всадил ему под лопатку шприц, сделал инъекцию, остановился и взглянул на часы.

— Семь и восемь, — довольным голосом сказал он. — Средняя скорость стометровки на километровой дистанции. Мировой рекорд.

В сандалиях на длинных ногах и в шортах, он был невероятно подвижен. Усы у доктора торчали чуть не на ширину плеч, выгоревшие брови то низко опускались на глаза, то взлетали до самых волос, стриженных ежиком.

Он был рад видеть всех — и Нури, и Олле. Его порадовал конь золотой с белой гривой и Гром с холодным носом, что говорило о телесном и душевном здоровье достойного пса...

— Ы-ы! — взвыл медведь.

— Завтра попробую змеиный яд, — доктор ухватил медведя за холку, поставил на четвереньки. — Застарелый радикулит.

— А яд — зачем? — не понял Нури.

— Радикулит! Но заметьте, когда Олле принес его, он и вставать не мог...

Они пошли по тропинке к главному корпусу, который от других отличался мачтой с поднятым на ней белым флагом, украшенным красным крестом. На перилах дощатого крыльца сидел сердитый орел. Доктор вынул из кармана термометр и, проходя мимо, сунул орлу под крыло. Орел медленно повернул голову и вдруг подмигнул. Нури вздрогнул:

— Что это с ним?

— Пустяки. Неврастения в легкой форме.

— Скажи на милость, с чего бы это?

— Стервятник! Поставьте себя на его место...

— М-да, — сказал Олле, — в наше время быть стервятником — надо иметь мужество...

Лечебница внутри была прекрасно оборудована. Стояли рентгеновские аппараты, приборы для анализов и лечения электричеством.

Айболит на ходу давал пояснения, перебегая от одного пульта к другому.

— Нет, я здесь вообще-то не один, это только сейчас работы мало. Посмотрели бы вы, что весной творится! Брачные игры. Сплошной травматизм. Расшибают лбы до крови, ходят искусанные и ободранные, не успеваем повязки накладывать...

Он тихо растворил дверь небольшой комнаты. Там было пусто, только вдоль стены рядом сидели волки. Числом пять. Все в намордниках.

— Мои язвенники.

Волки даже не шевельнулись. Они разглядели плакат — схематическое изображение распятого волка с красными точками по телу. На плакате надпись: «Схема лечения язвы желудка у волка методом иглоукалывания».

— Наглядный результат разгильдяйства, — с горечью сказал Айболит. — Грубейшая ошибка диетологов. Составили рацион без учета кислотности волчьего желудка, и вот, любуйтесь.

Он закрыл дверь, повел друзей дальше.

— Я гляжу, у вас весьма разнообразные методы, — сказал Нури. — Электрофорез, пчелиный яд, иглоукалывание, антибиотики. А как же это, помните?

Он всем по порядку дает шоколадки и ставит, и ставит им градусники...

— Вы о моем пра-пра-прадеде? Чуковский верно написал: он был великим лекарем. На его капитальном труде «Лечение всяких болезней градусником» воспитались поколения врачей. И не только ветеринаров, — Айболит перестал бегать, скрестил на груди руки. — Однако времена меняются. Шоколадка и сейчас не вредит, и градусника я не отвергаю. При неврастении. Но аиста лечу кордиамином.

— А что с птицей?

— Расширение сердца. Полагаю, надорвался, когда кому-то двойняшек нес.

Доктор вновь обрел подвижность. Он побежал по коридору, увлекая их за собой, выскокнул наружу.

— Все это текучка и текучка! Я вправляю вывихнутые мослы, зашиваю рваные бока, но это не решает вопроса. Нужны кардинальные меры, нужна профилактика животного травматизма. Вот, смотрите!

В громадном вольере дружно, без драк, гонялись за курами петухи. Они были в нагрудных панцирях и шлемах с забралами. Видимость из-под забрала была плоха, и петухи порой с

лязгом сталкивались. Тогда они замирали на секунду-другую, обменивались ненавидящими взглядами, раскланивались, низко приседая, и снова продолжали беготню. У вольера, склонив набок голову, сидел Гром и восторженно вздрагивал при каждом столкновении.

— Бойцовые петухи, — прокомментировал Айболит. — Хулиганы. Каждый мечтает пустить из соседа кровь. А в доспехах дуэль не имеет успеха. Когда привыкнут жить мирно, будут снова ходить голыми... Но это еще не все.

Айболит провел их на детскую площадку — обширный, на десяток гектаров, изолированный глухим забором парк. Здесь обитали животные разных пород — погодки. ИРП вел широкий эксперимент по изучению поведения животных в условиях, когда изобилие пищи и совместное, с раннего возраста, воспитание исключали побудительные причины для проявления агрессивных инстинктов.

Отсюда не хотелось уходить. Лужайки пестрели от звериной детворы. Боролся медвежонок с двумя щенками динго, взрослая шимпанзе кормила молоком из бутылки с соской замурзанного тигренка, а рядом слоненок отгонял веткой мух. Выбежал из зарослей коричневый лосенок, облизал Нури руку и умчался в погоню за жеребенком зебры. За ноги доктора хватался, просился на руки маленький барсук, а за бородатой, с большим выменем, козой следовали, как привязанные, лобастые непуганые волчата — стоило козе остановиться, как волчата тут же присасывались к ней. Бегая по кругу, играли в пятнашки цыпленок страуса и такого же роста сайгак.

— Конечно, — вздохнул Айболит, — неудобно сегодня есть того, кого вчера сосал, но... не знаю, что получится.

Он высвободил ус из цепких лапок барсучка, похлопал животное по животику и опустил его на землю.

— Мы, естественно, не собираемся переделывать саму породу хищника и не предполагаем, что у каждого в квартире будет персональный волк. Но иметь общественного квартального тигра — это вещь! Представьте, утром вы спускаетесь со своего тридцатого этажа и видите: на клумбе сидит он, весь полосатый, и нюхает розу. Нырнете вы в дворový бассейн, а рядом резвятся два жэковских тюленя... И я вас спрашиваю — что это будет, а?

— Зверинец?

— Это будет удивительная жизнь. Тигр проводит вас до гаража и даст вам зарядку бодрости на целый день.

— Действительно... — только и смог сказать Нури, ошеломленный раскрывшейся перспективой.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что не

далее как вчера гракула более двух часов любовалась обитателями детской площадки.

— Она была вот здесь, на заборе. И мне кажется, иногда даже хихикала, — сказал Айболит.

— И вы не пытались ее задержать?

— Зачем? Ведь, судя по инею под мышками, она была вполне здорова.

За следующий день они прошли километров двадцать. Олле явно не спешил. Его, по сути, больше интересовали животные, которых встречали во множестве, чем поиск. На частых привалах он посылал Грома вперед, и тот привычно выгонял на них то антилопу странной окраски, то похожую на маленького медведя росомаху. Тогда Олле щелкал затвором аппарата, и они подолгу любовались голографическими изображениями зверей.

— Завтра мы будем у Художника, — устраваясь на ночлег, объяснил Олле, — а послезавтра, такое у меня предчувствие, мы найдем ее. Думаешь, она от нас убегает? Ничего похожего. Она просто знакомится с Землей и ее обитателями. И все, что она видела, ей понравилось.

Художника они вспугнули в полдень. Оставив мольберт и мелькая пятнами камуфляжного костюма, он умчался от них и скрылся в дверях низкого строения у самой кромки леса.

— Совпадение, — сказал Олле. — Видно, кто-то заболел.

— Ну да, и он кинулся ставить банки?

Прибавив ходу, они через минуту-другую уже входили в небольшой, хорошо ухоженный дворик. В дверях дома стоял ослепительный красавец в смокинге и мизинцем разглаживал тонкие усики.

— Где Художник? — закричал Нури.

— Простите, — красавец поправил пробор. — Не понял?

— Художник где? Что с человеком? Почему он так быстро бежал?

— Волчьим наметом, — добавил Олле. — По пересеченной местности.

Красавец потупился:

— Не мог же я встретить вас небритым.

— Так это были вы? Не может быть!

Красавец заблестел зубами. Его синие глаза ласково светились.

— Я прошу прощения, — он смущенно взмахнул пушистыми ресницами. — Я не успел сменить запонки.

— Не может быть, — тупо повторил Нури.

— Увы, действительно не успел... Дело в том, что я вас ждал завтра. Располагайтесь, прошу. О, какой конь, сколь прекрасны его формы, сколь неотразим взгляд его фиолетовых глаз!

Вы позволите, Олле, я коснусь его? — Он поднял ладонь, и конь уткнулся в нее бархатными ноздрями. — Спасибо, милый, я потом нарисую тебя... Это ваш знаменитый пес?

Плавная речь Художника прервалась, он пригляделся к собаке.

— Мутант, да?

— Вы кинолог?

— Я анималист. На мутантах собаку съел... Что с ним?

Гром оцетинился и присел, обнажились страшные клыки, послышался низкий рык. Олле стремительно обернулся и схватил пса за голову.

— Однако у вас реакция! — с восхищением сказал Художник.

— Спокойно, Гром. Он не ест собак. Это идиома.

— Р-рад, — выдохнул пес. Потом, косясь на Художника, вышел за изгородь.

— Я же сказал, мутант! Обычный пес, он что? Он ориентируется на интонацию, жест, на психологический настрой хозяина. А этот, не спорю, хорош, зверовиден, силен, верен, но... псовости не хватает. Как вам объяснить? Ну, самомнения много. А псовость — она исключает самомнение. Давно он у вас разговаривать научился?

Олле засмеялся.

— Давай, добрый хозяин, показывай свой вернисаж, а то о твоём таланте каждая муха в саванне жужжит. А Гром, к сожалению, говорить не может, не так устроен. Понимает почти все, но слишком буквально.

Бревенчатые стены большого помещения с матово светящимся потолком были сплошь увешаны полотнами. На них во всех мыслимых ракурсах были изображены животные. Художник почти не уделял внимания пейзажу — он лишь угадывался, но животные были выписаны тщательно, в почти забытой манере — лессировками.

Нури долго стоял у двух картин. На первой был изображен гепард в спокойной позе. Изысканный и ленивый, он казался воплощением безразличия, зеленые глаза равнодушно смотрели на Нури и сквозь него. На второй — тот же гепард в беге. Загрибок, спина и хвост образуют прямую линию, хотя тело сжато в комок и кажется вдвое короче, чем на первой картине, а задние ноги вскинута вперед и дальше короткой морды. Пейзажа нет, только какие-то удлиненные пятна, на фоне которых почти физически ощущается стремительность бега-полета.

— Нравится? — спросил потерявший многообразие Художник.

— Очень. Но в нем что-то не то. Зверь, но какой-то не такой. Очаровательный и... не страшный.

Художник хмыкнул и промолчал. Гости раз-

глядывали картины и в каждом животном замечали что-то неуловимо ненастоящее. Иногда нарочитость проглядывала в самом облике зверя. Тигр с ласковой мордой, спящая в траве выдра — и на боках у нее маленькие лапы, свисающий с ветки боа имел грустные коровьи глаза, а гигантский муравьед был спереди и сзади совершенно одинаков.

Вместе с тем эти несообразности отнюдь не портили впечатления. Более того, они казались вполне естественными.

— Это что, фантазия? — Олле остановился возле картины, изображающей бегемота с раскрытой пастью: на резцах его красовались две золотые коронки.

— Необходимость. — Художник подровнял белоснежные манжеты. — Полагаю, пора объяснить. Вот вы, Нури... Ваше увлечение — механик-фаунист. Я знаю. А скажите, каких животных вы делали?

— Почти всегда чешуйчатых чертей.

— А почему не бурундука или, скажем, зайца?

Нури задумался, пожал плечами.

— Не знаю. Как-то сделал щенка, он у меня пищал, когда наступишь на хвост, и уползал под стол. Потом больше не хотелось... Но чертей я наделал порядочно. Люди рассказывают, они до сих пор обитают в песках на Марсе.

— Еще вопрос. Представьте, что этот механический щенок лизал бы вам руку?

— Нет! — Нури передернуло. — Это было бы жутко и отвратительно.

— Отвратительно... Очень точное определение, — задумчиво сказал Художник. — Это как если бы ребенок играл с куклой, у которой настоящие живые глаза и которая чувствует боль. Нет! Игрушка должна быть игрушкой независимо от того, кто с ней играет — взрослый или ребенок. В этом смысле мои картины имеют сугубо утилитарную цель. Я ищу то единственное, что придает животному образ игрушки, не нарушая ощущения подлинности. Вообще — это область психологии, а я не силен в ней. Знаю только, что мои работы используют профессионалы механики-фаунисты, что люди с большей охотой приобретают зверей, сделанных по моим эскизам, нежели точные копии.

Нури словно взвешивал каждое слово Художника. Этот синеглазый красавец, который сокрушался по поводу запонок, — кстати, Нури так и не понял, зачем надо было менять в манжетах великолепные александриты, — был вдохновенным мастером. И если то, что они видели, называлось эскизами, то каковы же законченные работы?

Облик Художника, его исполненные непридуманного изящества движения странно гармонировали с удивительными картинами в темных рамах, создавая немного грустное ощущение

когда-то виденной и забытой красоты. Интересно, как Олле воспринял этот совершенный жест — протянутую и потом раскрытую руку, в нее ткнулся носом конь, и было видно, что Художник принял это как подарок...

Нури покосился на руки Художника, и тот, уловив взгляд, поднял к лицу обе ладони, покрытые ороговевшими мозолями.

— Что вы, Нури! Я ведь надеюсь когда-нибудь стать вашим коллегой. Если буду достоин. И... разве можно допустить, чтобы кто-то работал за тебя? И этот дом, и все остальное я сделал сам.

— Простите, — вмешался в беседу Олле. — Что это? Почему вдруг голография?

Квадратная рама окаймляла объемное изображение поляны в закатном свете и темную стену леса, а над ней, над самыми верхушками деревьев, розовело нечто вроде аэростата, но с короткими толстыми отростками.

— Не успел зарисовать, пришлось заснуть... Это гракула, которую вы ищете. Она была здесь вчера. Выкатилась на поляну, имея форму диска. Были сумерки, и она стала накачиваться. Знаете, у нее в подошвах клапаны. Она вытягивает ногу, набирает в нее воздух, а потом сжимает, как гармонь, и перегоняет его внутрь. Она лежала на спине и, работая двумя ногами, порядком накачала себя. Потом она грызла хворост, и у нее в глубине, возле пупка, засветилось что-то похожее на гаснущие в костре угли. И она стала округляться. Пока я бегал за аппаратом, она раздулась и поднялась над лесом. Ветер унес ее от меня.

— Вот и все, — сказал Олле. — Тебе ясно?

— Вполне, — ответил Нури. — Если она способна нагревать в себе воздух и пользоваться законом Архимеда для передвижения, то уж принять вид матраца... Это я сам вынес ее из изолятора, когда пришел менять матрац!

Итог подвел Художник.

— Одно предсказание Волхва сбылось, — сказал он. — Дело за вторым.

Этот дуб был не из тех, что вытягивались за год-другой, подгоняемые стимуляторами. Покрытый мхом, раскидистый, с толстым неровным стволом, он был естественно стар и громаден. Стоял дуб на отшибе, возвышаясь над рощицей поддубков. У подножия его копошились полосатые поросята, и, угнездившись на нижней развилке, их рассматривала гракула.

Гром улегся неподалеку, положил голову на вытянутые лапы. Морда его выражала сознание выполненного долга и гармонии с окружающей действительностью. Олле, стоя на спине у коня, объезжал рощицу кругом, непрерывно щелкая затвором аппарата.

Нури возился с прибором связи. Сориентировав створки антенны на еле различаемую в невозможной дали иглу башни ИРП, он подзвал Олле.

— Рельеф позволяет использовать лазерную связь. Прямая видимость. Вызываю деда.

Метрах в трех от земли возникло туманное пятно и оформилось в привычный образ директора ИРП. Сатон сидел в кресле, видимый по поясу. Изображение не имело четких границ. В ИРП над столом директора спроецировалось такое же изображение стоящих рядом Олле и Нури.

Сатон поднял голову, дернул себя за бороду.

— Мы нашли ее, профессор, — сказал Нури.

— Я так и подумал. Как там она?

— Висит на дубе. Сменила расцветку. Сейчас она бледно-сиреневая по краям, а серединка в незабудках по зеленому полю.

— Ага! И что вы собираетесь предпринять?

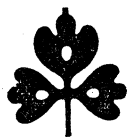
— Ничего. Вернемся домой.

— А она?

— Я полагаю, пусть висит, — сказал Олле. — Пусть катается диском или бегаёт козой, или плавает моржом. В конце концов, мы убедились, что она на Земле акклиматизировалась. Ей здесь хорошо, и пусть живет Нуриным и прочим ползункам и ходячим на забаву.

— Говоришь, по зеленому полю незабудки. Станный вкус! — Сатон откинулся в кресле, усмехнулся и исчез.

Они возвращались домой, в ИРП, но еще долго было слышно, как на дубе, безмятежно поблеивая, шуршали листвою уже две гракулы.

Подарок Хасово Окоэтто

Юрий НИСКОВСКИХ

Пятые сутки в ямальское небо не поднимались самолеты. Когда задул сиверко, рыбаки и охотники спешно спровадили в Салехард последнюю «Аннушку» с рыбой и пушницей: знали, что певучий, безобидный поначалу сиверко сулит пургу долгую и беспроглядную. И вскоре весенняя тундра словно взбесилась. Исчезли под белыми дюнами вешки на взлетной полосе. Рыбацкий поселок Яптик-Сале заметало шквальным, по-весеннему хлестким снегом. Деревянные домики, чумы, открытые всем заполярным ветрам, замерли в одинокой беспомощности на крутом берегу Обской губы.

Пятые сутки я ждал самолет из Салехарда. И не раз за день, согнувшись пополам, слепо, сквозь белую мглу пробирался к радистам — ходил за погодой.

На этот раз радисты встретили меня весело.

— Радуйся, будет погода. К утру стихнет.

В избушке было уютно, как в матросском кубрике. Радисты жарили пышные, с ладонь, котлеты из муксуна, строгали мороженую оленину — тонкие розовые полоски, свертываясь, как живые, наполнили большую семейную миску.

— Не пурга, а что твой джин. Раздухарился — не уймешь. Ишь в стены скребется, волком воет, — сказал Коля Брусницын, бросая в шипящую жаровню котлетный шмоток в сухарях.

Заскрипела обитая войлоком дверь. В избушку вкатились клубы холодного воздуха. И вместе с ними, как белый призрак, появился местный охотник-ненец Хасово Окоэтто.

— Ань-торово, — сказал он, отбрасывая за спину капюшон своей заснеженной малицы.

— Здорово!

Ему подвинули табуретку.

— Садись, гостем будешь.

Хасово, как и я, ежедневно, словно на посиделки, приходил к радистам и молча сидел час-другой, покуривая трубку. К нему привыкли. Когда же наступали минуты оживленных переговоров по радиации, Хасово вытягивал шею из малицы и торопливо спрашивал:

— Это Тюмень? Однако Салехард давай.

Застыв у порога, Хасово не сел на предложенную ему табуретку. Видно было, что он хочет что-то сказать. И не решается. Его круглое смуглое лицо с узкими коричневыми глазами цвета крепкого чая напряглось и вздрагивало. Рукой он шарил по груди поверх малицы.

Радисты переглянулись.

— Ты что, Хасово?

И Хасово решился. Вытащив из-за пазухи свернутую шкурку, он шагнул к Коле Брусницыну и бережно, обеими руками протянул ее радисту.

— Возьми. Ты врача позвал мне. Сын на ноги встал. Ты песка не взял тогда, возьми это.

Коля развернул пыжик. И мы увидели небольшой бюст Ленина, выточенный из кости.

— Из мамонта, — тихо выдохнул Коля.

— Отец делал, — добавил Хасово. — Он с русским комиссаром давно-давно в тундру ходил, оленей забивали у шамана.

В избушке стало тихо. Все знали, что ненцы большие мастера резьбы по кости. Женские украшения, ножны и рукоятки к ножнам искусно делают на Ямале. Но такое...

Коля крутил, вертел бюст в руках. Потом протянул его Хасово.

— Это не я спас твоего сына. А он. Возьми и храни.

Русские самоцветы

**Василий
ПЕТРОВ**

● Исполнилось 250 лет со дня основания в Свердловске совершенно необычного, одного из немногих подобных в мире завода «Русские самоцветы». К этой дате Средне-Уральское книжное издательство выпустило красивую и яркую, как сами поделочные камни, монографию, книга так и называется — «Завод Русские самоцветы».

История завода — это, по сути дела, вся история гранильного и камнерезного ремесла в нашей стране. Долгие годы краевед И. Шакинко искал и изучал в архивах и музеях страны письменные свидетельства о каменных дел мастерах и сами изделия умельцев. Поиски автора увенчались успехом. История каменных промыслов на Урале воссоздана полно.

Много великолепных изделий из самоцветов — подлинных произведений искусства — было сделано на заводе за два с половиной столетия. Кто из посетителей Эрмитажа не любовался и не восторгался красотой ваз, чаш, торшеров, шкатулок, сделанных из малахита, яшмы, родонита, лазурита, порфира?.. А сколько великолепных поделок из уральских самоцветов собрано в других музеях и коллекциях?!

В разное время на «Русских самоцветах» работали такие прославленные мастера своего дела, как Никита Бахорев, Иван Сусоров, Михаил Колмогоров, отец и сын Ковины, Данила Зверев, Григорий Китаев, Владимир Семенов, Татауровы...

Ученый и выдающийся государственный деятель петровской эпохи В. Н. Татищев, с чьим именем связано начало промышленного развития Урала, был инициатором создания камнерезной фабрики. Знаток и ценитель искусства президент Ака-

демии художеств А. С. Строганов немало заботился о том, чтобы процветало гранильное ремесло в Екатеринбурге. На фабрике работал некоторое время великий художник нашего времени Эрзя...

Екатеринбургские камнерезы и гранильщики сделали из южноуральской сургучной яшмы и агата мемориальное знамя на могилу Владимира Ильича с надписью: «Ленину — горняки Урала».

Уральские умельцы гранили камни для кремлевских рубиновых звезд. На парижском кладбище Пер-Лашез на могиле Анри Барбюса установлено надгробие из мрамора, яшмы и родонита — тоже дело рук свердловских мастеров по камню.

Мозаичная самоцветная карта Франции, карта индустриализации, сделанная из драгоценных камней, из платины, золота и серебра, — и эти коллективные работы умельцев удивили мир своей красотой...

Сейчас на заводе «Русские самоцветы» гранят в бриллианты уральские и якутские алмазы.

Книгу «Завод Русские самоцветы» приятно взять в руки, как говорится. Она, кроме прочих ее достоинств, — сувенирная, подарочная, такой ее делают, прежде всего, 68 цветных снимков изделий из самоцветов.

Слово о Рифее

■ «Урал... Слово с детства знакомое каждому. И тому, кто родился и живет в этом крае, и тому, кто далеко от него, но ежедневно слышит вокруг: сделано на Урале, добыто на Урале, уральское мастерство, уральские красоты... И по литературе знаком он нам — от хрестоматийных строк первого русского поэта Михайлы Ломоносова

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием,
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём
до ставшей классической строфы
Александра Твардовского —
Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Так начинается эта книга, вернее, предисловие к ней, «Слово о Рифее», написанное известным уральским краеведом Юрием Курочкиным, редактором-составителем.

Древние греки Урал называли Рифеем. Этим именем и назван уральский литературно-краеведческий сборник, изданный в Челябинске.

...Жил в городке Пласте Челябинской области Ваня Чистов, честный и правильный парень, самозабвенно влюбленный в искусство, рожденный художником. Но не суждено было сбыться его светлым мечтам. В августе 42-го его призвали в армию, а в сентябре 43-го, «верный военной присяге, проявив героизм и мужество», как говорилось в похоронке, он был убит...

Поэтично и тепло написал новеллу о своем лучшем друге детства Ване Чистове пермский художник и писатель Анатолий Тумбасов. Не случайно эта хорошая публикация, озаглавленная «Живет в моей памяти» и проиллюстрированная сохранившимися рисунками Вани Чистова, открывает «Рифей».

Все исследования, очерки, статьи, заметки, собранные под обложкой «Рифея», публикуются впервые — ранее они нигде не печатались. Это — первое достоинство книжки.

«Эшелоны шли на восток» Леонида Грошева — это суровые будни пермского эвакупункта, через кото-

Иван КОСТЫЛЕВ

рый прошло в годы войны 33 миллиона человек. «Памирское чудо» Оксаны Булгаковой — это рассказ о беспримерном зимнем высокогорном переходе через Памир на первых челябинских гусеничных тракторах «Сталинец».

Врач из Кунгура Г. А. Чемоданов за революционную деятельность был арестован и сослан в Сибирь. Близкое участие в его судьбе принял Л. Н. Толстой. Его переписка с Чемодановым, письма великого писателя важным сановникам по делу врача придают очерку Леонида Большакова «Любя Чемоданова...» особый интерес.

Александр Никитин пишет в очерке «Инспектор из Симбирска» о старейшей в стране династии народных учителей Раменских. Один из них — Алексей Пахомович — преподавал русскую словесность и гражданскую историю в Симбирской гимназии, его учениками были Александр и Владимир Ульяновы. В конце своей жизни, в 1919 году, старый учитель А. П. Раменский, как представитель делегации тверских учителей, снова повидался с В. И. Лениным, уже с главой Советского государства.

Профессор Уральского университета А. К. Матвеев выступает в «Рифее» со статьей «Спор о названии». Что значит, откуда взялся топоним «Урал»? В статье разбираются все версии и мнения на этот счет, приводятся аргументы спорящих сторон.

Видное место — и по объему и по значению — в «Рифее» занимает очерк Юрия Ярового «Странный генерал Глинка». Тот самый это генерал-лейтенант В. А. Глинка, который в течение 20 лет был царским

наместником на Урале и... членом Союза Благоденствия, родственником и «лучшим и испытанным другом» В. К. Кюхельбекера, распорядителем его литературного наследства, другом других видных декабристов. Глубокое исследование Ю. Ярового читается с неподдельным интересом.

Первый челябинский литературно-краеведческий сборник «Рифей» в общем удался. Однако можно отметить, что тематически сборник подбран не строго, хотя в предисловии сказано, что профиль его — исторический. Отдельные публикации носят частный, а не общеинтересный характер. И тем не менее, хотелось бы надеяться, что первый сборник не станет последним. Такие книги, как «Рифей», встречают одобрение читателей.

ОЛЕНЬИЙ ПАРК

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

Отогол рвется из тесных ущелий на простор, вниз. Мы тоже спешим, но к истоку речушки, и тоже с нетерпением ждем, когда отступят от дороги горы. И вот круто сворачиваем вправо. Показались строения, на широком предплечье горы темноватой строчкой взбегают кверху ограда.

— Это и есть олений парк,— говорит Николай Ороктоев, который не раз бывал здесь, на Алтае.

Раздается скрипучий свист.

— Олень?

— Да. Предупреждает стадо об опасности.

Из-под берез выплывает коричневое облачко. Оно быстро поднимается кверху, еще миг — и нет его. Исчезло. Будто ветром унесло. Проходит еще несколько мгновений, прежде чем мы догадываемся, что это и было небольшое стадо оленей.

Но вот со стороны леса выходит на поляну новый табунок оленей. Впереди идет пантач. Тяжелая ветка рогов оттягивает его голову к спине.

Вдруг что-то треснуло. Пантач вздрагивает, делает молниеносный прыжок в сторону и замирает. Весь табунок повертывает головы туда, где раздался подозрительный треск. Смотрим и мы в угол ограды. Оттуда, открыв скрипнувшие ворота, вырывается по горной тропе всадник. Олени следят за ним. Всадник, не обращая внимания на табунок, мчит все выше и выше. Олени успокаиваются. Но нам хорошо видно, как всадник делает круг и заходит к табунку совсем с другой стороны.

— Егерь,— говорит Ороктоев.— А вот и второй,— показывает он в сторону леса.— Кажется, женщина. Теперь они поведут оленей с двух сторон.

Олени потревожены на всей огромной площади парка и стекаются в угол высокой ограды.

— Там «разлучник»,— указывает Ороктоев.— В нем срезают панты.

Урожай пантов! Как-то странно звучит в таком сочетании слово «урожай». А ведь это, действительно, урожай, и очень ценный. Вырастить хорошие панты не так-то просто. Оленеводы имеют дело с полудикими животными. Требуются годы, десятилетия, чтобы олени одомашнились.

Вот женщина-егерь обгоняет уже спокойно бегущее стадо, останавливает коня и, соскочив на землю, протягивает руки к переднему оленю.

— Сынок, сынок,— ласково зовет она.— Ты что же, глупый, взбаламутил все стадо, а? Ну, возьми, возьми... Хочешь вкусную корочку поглотить? Ну, подходи, подходи ближе...

Перебирая настороженно чуткими ушами, пантач неуверенно идет к хозяйке.

Час спустя мы знакомимся с ней. Это Люба Мултуева — егерь оленеводческой фермы. А тот, что первым скакал верхом по парку, молодой, чернявый, статный, с тонкими чертами лица,— оленевод Анатолий Мултуев, ее муж. Возбуждение еще не отпустило его. Оно ощущается в прерывистом дыхании.

Высокий, худощавый мужчина стоит у дверей пантоварки и пробует на палец зубья небольшой ручной пилки. Это Филипп Алексеевич Кудрявцев, старейший оленевод Барагашского совхоза. Убедившись в том, что пила достаточно остра, он оглядывает егерей и коротко бросает:

— Пошли.

Из «разлучника» в это время кормачи отбили нужных пантачей в соседнюю клетку, и те идут отсюда по суживающимся клеткам в станок. Пантач шагает осторожно по деревянному полу, и вдруг пол уходит из-под его ног... Олень рвется кверху, но поздно — его сжимают с обеих сторон деревянные колодки, и он повисает. Голова оленя оказывается в крепком хомуте. Мелко-мелко дрожит шея, глаза испуганно расширяются.

Вот тут и встречается олень с Филиппом Алексеевичем Кудрявцевым. Мастер быстро, на глаз, определяет пенек среза и срезает панты. Операция эта длится меньше минуты. Вот уже панты завернуты в марлю, их несут в пантоварку для обработки. И пантач снова чувствует под ногами твердую опору. Расходятся крылья зажима. Пантач встряхивает головой и молнией вылетает на волю.

Долго следим за ним. Вот он остановился, оглянулся, качая непривычно легкой головой.

До позднего вечера егерим по парку. Семья молодых егерей Мултуевых рассказывает нам интересные случаи из жизни фермы.

— Вы можете себе представить,— говорит с лукавой смешинкой в глазах Люба,— олень падает в обморок! Да, да, самый настоящий обморок.

Как-то, в минувшее лето, отбилась группа пантачей от стада и никак не хотела идти в «разлучник». Уходят в горы и прячутся в ущелья. А панты их зреют... Упустить момент срезки — значит потерять ценность. У нас каждая веточка на учете. Весной олени вышли с зимовки хорошо упитанными, и все виды были на богатый урожай. Поэтому уклоняющиеся от выполнения своих «обязанностей» пантачи нас очень беспокоили.

Когда подошел день приглашать пантачей в «разлучник», я выехала за ними с утра. Быстро отыскала и стала выманывать на чистое место. Пантачи как будто ничего и не имели против. Показничали, вроде для приличия, вначале, а потом пошли. «Ну напрасно, — думаю себе, — беспокоились, все идет нормально. Никакие они не бунтовщики».

Только я так подумала, как, смотрю, вожак остановился на горшке, повел головой вправо, влево, потом как засвистит да как взвьется свечкой — и в сторону, в лес, а за ним вся группа. Только и видела их! Обманул...

Заворачиваю коня и — за ними. Кружилась, кружилась по лесу... Наконец в лошадке, у камня, замешало. Выезжаю из лесу — они. Остановила коня, кричу вожаку (а он стоит спокойно, смотрит на меня):

— Ну как тебе не стыдно, а? Чего ты вздумал меня мучить, а? — Кричу так, а сама вперед коня подталкиваю. Приближаюсь потихоньку и все критикую его за безобразное поведение:

— На что же это похоже, а? Ну, пошли, пошли... Ишь ты, саботажник!

Махнула рукой, наезжая на них. Идут. Спокойно идут. Лес прошли. Снова на чистое поле вышли. К той самой горшке подвигаемся. Смотрю, замедлили ход. Совсем остановились. Вожак снова засвистел. Теперь олени помчались в другую сторону, в самый угол парка. Летят, будто на крыльях. Где там за ними! Однако гоню коня, стараюсь от леса уйти.

На этот раз вымахали они на самый гребень сопки. Выстроились на камне и смотрят на меня сверху вниз. Смотрят и, кажется, будто посмеиваются.

— Ну, погодите же, погодите!

На полпути к вершине горы конь сдавать начал. Перешел на шаг, тяжело дышит. Грызет удила. Недовольно ушами стрижет.

Отвязала я от седла бич. Размотала его. Размахнулась и щелкнула, быстро выстрелила. Пантачей как ветром сдуло с вершины. Однако с кручи бегут осторожно. За рога свои опасаются.

Сбежали в долину. Вижу, бока их залоснились. «Ага, — думаю, — и вам нелегко». Еду сбоку, со стороны леса. Вон ограда нижняя показалась. «Ну, небось, набегались, хватит».

Только подумала так, а они — как горох, врассыпную. И снова, заметила я, по сигналу вожака. Рассыпались и ушли в лес... Поворачиваю коня, а сама чуть не плачу. С седла валюсь от усталости, да и конь стал все чаще спотыкаться. Смотрю на солнце и ахаю: уже обед подходит! Да хоть бы подмогу догадались выслать! Ничего мне с ними не поделаю.

— А мы и догадались, конечно, — перебивает жену Анатолий. — Проехал я нижней дорогой, сбегнул тот лес и встретил их. Да сразу в намет. Не выдержать им гона.

— Ага, — живо подхватила Люба. — Смотрю, как пули, из леса вылетают. Тут я давай размахивать бичом. Побежали вниз...

— Сломали сабогаж, — смеется Анатолий. — Так в «разлучник» и заскочили с ходу.

— Ну, а как же с обмороком?

— Самый настоящий обморок, — говорит Люба. — Заскочил вожак к станку, вдруг — бац на землю и ноги вытянул. Перепугались мы. Прибегает ветеринар: «Воды срочно!» — А сам нашатырный спирт ему сует под нос: — «Нюхай, нюхай, бунтовщик!»

Принесли воду. Облили его. Смотрим, голову поднял, а потом на ноги встал.

— Что с ним? — спрашиваем у фельдшера. Тот улыбается.

— То ли побегал лишнее сегодня, то ли перед станком так оробел. Только самый обыкновенный обморок.

— Посмеялись мы тогда, — добродушно улыбается хозяйка парка. — А с тем вожаком у нас теперь дружба...

— Сынок?

— Он самый, — подтверждает Анатолий. — А слышали вы, как смеются олени? Нет? Тут не расскажешь. Это надо самому послушать.

— А что, нужна ли эта дорогостоящая ограда? — спросили мы у Анатолия Григорьевича. — Ведь она тянется на десятки километров.

— Уйдет, — коротко бросает егеря. — Зов природы...

— Были случаи, когда этот самый зов уводил оленей?

— А как же, они используют любую лазейку, чтобы ушмыгнуть из парка. Кажется, чего им искать? Травы в парке — лучшие в этих местах. Да и подкармливаем хорошо.

— Можно сказать, — продолжает Анатолий Григорьевич, — эта подкормка и не дает беглецам отлучаться далеко... Случай у нас был. На одном из дальних участков стояло заграждение из проволочной сетки. Сетка высокая, но в ней образовалась щель. Ее-то и обнаружили олени. Не прошло и часа, как на воле их оказалось около сотни. Многих удалось окружить и вернуть в парк. Но около десятка пантачей ускольз-

нули. Дали мы знать в соседние села и хозяйства. Предупредили охотников, пастухов. Несколько оленей обнаружили на ближних сопках. Гонялись за ними весь день. А время осеннее, на горах выпал снег. Трудно. Наконец, загнали и этих.

Осталось на воле несколько пантачей. Прошла неделя, другая. Выпал снег и в долине. Начались бураны. Исчезли беглецы. Что ж, ушли, похоже, в горы или в степь вырвались. Но как-то вечером прибегает телятница с нашей же фермы.

— Пораспустили своих идиолов! Совсем объели, проклятые!

— Кто? Кого объел?

— Да как же, вот уж почти неделю воюю с ним, чертом. А он порастолкает телят и все концентраты потрескает. Я его — палкой, а он махнет через ограду да в лес. Отвернешься на минуту — глядь, он опять тут, да еще и товарища ведет. Замайла я с ними.

Тут же на ферму выехали. В ближнем лесочке следы обнаружили, а потом и беглецов.

— А как же с хищниками? Ведь их, наверно, немало здесь?

— О, олень — только с виду безобидное животное.

Вот случай с теми же самыми беглецами, которые приохотились к концентратам молочнотоварной фермы. Мы их не сразу загнали в парк. Один пантач долго бродил около парка.

Как-то рано утром, еще как следует не рассвело, поднялся вдруг переполох где-то у верхней ограды. Летят оттуда, как угорелые, табунки оленей к зимникам. Дрожат, пугливо фыркают и все вверх смотрят, в горы. Вскочили мы с соседом на коней, взяли ружья, собак — и туда. «Не иначе, — думаем, — зверь близко к ограде подошел».

Подъезжаем к лесу. Тут ограда в самую скалу одним концом упирается. Внизу еще темь. Ничего не видно. Спускаемся осторожно. Ружья наизготовке держим. Вдруг собаки наши будто взбесились — залаяли в один голос и рванулись в лошину. Оттуда наперерез им к лесу метнулась тень. Кони заурлили, зафыркали, норовят назад повернуть. Мы разом выстрелили наугад, но где там! По тени стреляли!..

Собаки гнали хищника — а это был, как мы вскоре убедились по следам, волк — до самого леса. Свернули мы в лошину и здесь повстречались с беглецом-оленем. Он стоял прижавшись задом в угол изгороди и нацелившись рогами. Вокруг снег был пригнан. Видно, как ни ловчился хищник, как ни прыгал, а взять оленя не смог.

После битвы на тропе пантач охотно пошел в парк. Кажется, не сладко жить в одиночку, хотя и на свободе.

СЧАСТЛИВОГО ПОЛЕТА!

*«Уважаемая редакция!
Меня интересует профессия бортпроводницы. Где обучают этой профессии? Какие условия предъявляются при поступлении в учебное заведение? Какие данные нужно иметь для этой профессии?»*

Ирина ФОМИНА,
Верхогурский район,
Свердловской области».

С такими же вопросами обратилась в редакцию Люба Сосновских из города Алапаевска и Галя Хутакова из Бурятии.

Вот что рассказала нам начальник резерва бортпроводников Свердловского аэропорта В. С. Вехова.

С самого начала необходимо сделать одно существенное пояснение: бортпроводниками на пассажирских лайнерах сейчас работают не только девушки, но и юноши. Причем юношей с каждым годом приходит все больше.

Эту профессию можно приобрести непосредственно в авиаотряде крупного аэропорта. Конкурс очень большой, пожалуй, не меньше, чем при поступлении в вуз.

И требования к поступающим предъявляются очень высокие. Прежде всего, образование должно быть не ниже среднего, а оценки в аттестате — не ниже «четверки». Возраст юношей ограничивается восемнадцатью — двадцатью семью годами, девушек — девятнадцатью — двадцатью четырьмя.

Все, кто прошел по образованию и возрасту, предстают затем перед мандатной комиссией. Во время собеседования выявляется политический и культурный багаж будущих бортпроводников, их познания в области географии. Принимается во внимание и внешность девушки или юноши — она должна быть приятной, располагающей.

При одном из последних наборов, проводившихся в Свердловском аэропорту, из ста десяти подавших заявления, мандатная комиссия пропустила только тридцать человек, а из этих тридцати пятерых забрала затем медицинская комиссия, которая к бортпроводникам подходит так же строго, как и к пилотам.

Но даже и после медицинской

комиссии один юноша и две девушки оказались непригодными для полетов. Дело вот в чем.

Многих в этой профессии привлекает романтика дальних странствий, а когда происходит первое знакомство с повседневной работой, обязанностями, тут-то нередко и начинаются разочарования. Одни считают ниже своего достоинства вежливо обслуживать пассажиров. Другие по характеру своему не умеют скрывать на службе личные неприятности, а плохое настроение — это тоже минус в работе. Кроме того, бортпроводники несут ответственность за багаж, почту и прочий груз.

Из Свердловска самолеты летают во многие города, но только в Москве, Ленинграде, Одессе и Львове бортпроводники располагают сутками свободного времени. В других портах такой возможности нет: иной раз тут же, после заправки, самолет отправляется в обратный путь. По возвращении из рейса у бортпроводника бывает не менее четырнадцати часов свободного времени. Выходной — сорок два часа.

Юноши приходят к нам чаще всего после армии. Работа бортпроводником для них — это стартовая площадка для поступления в летные и авиационно-технические училища, в авиационные институты.

Таблицы Брадиса

**Исай
КАПЛУН**

Тайные собрания в Псковской школе, где учительствовал Модест Васильевич Брадис, недолго оставались тайными для его сына. Вскоре ученик седьмого класса гимназии Владимир Брадис тоже стал участником собраний, вступил в революционную организацию.

Жандармы разгромили организацию, а Брадисы, как и их товарищи по борьбе, оказались за решеткой. В феврале 1909 года все они были сосланы в северные районы Тобольской губернии. Как ни добивались отец и сын, чтобы им разрешили поселиться вместе, губернские власти оставались неумолимы. Больного Модеста Васильевича отправили в Туринск, а Владимира, назначив в Березово, оставили до открытия навигации в Тобольске.

Находясь до отправки в Березово в камере местной тюрьмы, Брадис-младший писал одно прошение за другим с просьбой оставить его в Тобольске, чтобы закончить гимназию. Такие же прошения направляли губернатору отец и мать. Но на все просьбы следовал один ответ — отказать.

В начале мая 1909 года Владимира Брадиса отправили на пароходе в Березово. Получая всего 4 рубля 30 копеек «кормовых», он вынужден был работать на заготовке дров для пароходов. В Березово Брадис познакомился с политическими ссыльными, близко сдружился с петербургским типографским рабочим С. Ф. Нежновым.

Прошел первый год ссылки. Губернатор, наконец, «нашел возможным» временно перевести Брадисов — и отца и сына — на жительство в Тобольск. Позднее они узнали, что своим переводом обязаны депутату Государственной думы Н. А. Скалозубову. По просьбе матери Владимира Скалозубов написал такое письмо тобольскому губернатору:

„Брадис возбуждает перед Вами ходатайство о переводе его в город со средним учебным заведением, где его сын мог бы, если ему разрешат, держать экзамены... О прошлом г. Брадис я имею самые лучшие отзывы: это человек, посвятивший свою жизнь культурной деятельности — он специалист по садоводству и пчеловодству, автор некоторых печатных работ... имеет несколько медалей за участие в выставках... Позволю себе обратиться на него Ваше внимание. Если бы Вы нашли возможным перевести его в Тобольск, то его можно было бы использовать и для тобольского общественного садоводства. Мы не так-то богаты, а Сибирь — в особенности, чтобы пренебрегать техническими силами...“

В 1911 году Владимир Брадис блестяще сдал экзамены на аттестат зрелости при Тобольской мужской гимназии. Но аттестат не был выдан на руки поднадзорному — свидетельство за № 408 было переслано в губернское управление.

11 февраля 1912 года Владимир Брадис пишет прошение о выдаче ему свидетельства о политической благонадежности. Но ему выдали только свидетельство о поведении. 16 мая Брадис выехал на родину, где все лето давал частные уроки. Осенью 1912 года он поступил в Петербургский университет, который блестяще окончил, и стал работать на кафедре чистой математики.

В годы Советской власти В. М. Брадис — доцент, затем профессор педагогического института в Твери (ныне Калинин). В 1921 году Владимир Модестович Брадис издал «Таблицу четырехзначных логарифмов и натуральных тригонометрических величин», которые сделали его имя всемирно известным.

Алдан-Сорренто

**Евгений
ВИЛЛАХОВ**

В 1923 году в Якутии охотник и следопыт якут Михаил Тарабукин и коммунист-латыш Вольдемар Бертин на маленьком ключе Орто-Сола в алданских горах нашли золото. Ключ назвали Незаметным, поселок и город, который вырос впоследствии здесь, тоже нарекли этим именем. Теперь бывший город Незаметный называется Алданом.

Слава о золотом Алдане быстро облетела страну. Узнал о якутском Клондайке и Алексей Максимович Горький.

В январе 1931 года Алексей Максимович получил в Сорренто письмо, подписанное Шатуновым, Новгородцевым, Черновым, Валувым и Конопляным:

„Цель нашего письма сообщить Вам, что работаем мы в золото-промышленности на Алдане, находимся в настоящее время в лесу, в тайге. Крутом нас на десятки километров нет никакого жилья, за исключением, что по маюстрали живут рабочие, очищают путь от снега, чтобы можно было пробежать автомашине. А еще позапрошлый год по этому месту не только на машине, но и на лошадях было трудно ездить, в летнее только верхом, — на телеге не проедешь; вот как жизнь продвигается, как быстро человек побеждает препятствия природы!..

Норма продуктов у нас большая, всего хватает; хлеба и крупы еще остается, мяса дают нам 30 фунтов в месяц, масла сливочного — кило, сахару — два кило в месяц, хлеб хороший, полубелый, — живем, в общем, хорошо...

После работы, ночью, сидя в нашем домике, читали твою книжку, разбирая ее, как могли; и те-

бя расценивали... Спорили: одни говорят, что ты не ответишь нам на письмо, другие — Максим Горький — не бюрократ, несмотря на то, что за границей живет и что очень занятый человек...

Вот „мамка“ у нас и та спорит, что ты не напишешь письмо нам, таежникам. „Мамка“ — это местное приискательское название, „мамка“ — значит стряпка, что для нас готовит пищу и стирает белье...

С помарками написали — извиняй.“

Любопытное, от души написанное письмо, разумеется, взволновало Алексея Максимовича и он не медлил ответить своим таежным корреспондентам — Павлу Матвеевичу Шатунову с товарищами и «мамкой».

А. М. Горький писал:

„Прочитал ваше письмо, и стало на душе весело и грустно. Весело, — потому что нередко такие дружеские письма, как ваше, пишут мне рабочие люди, строители нового мира, — пишут со всей земли и даже из-под земли Союза Советов, — из шахт Донбасса, — ну, а если многие пишут, — стало быть, я рабочим людям нужен, чем-то полезен для них, и это, конечно, радует, силу для работы дает.

Грустно, потому что не успеваешь всем ответить, не хватает времени, и потому еще, что вот, получил ваше письмо и очень захотелось прыгнуть к вам, в тайгу, шурфы с вами бить, костры разводить, товарищески побеседовать, — работать я люблю, костры разводить — тоже люблю. А уж не прынешь! 63 года, и хотя работоспособность не падает заметно, ну, а все-таки, одолевают кое-какие стариковские немощи. Да и время не такое, чтобы „прыгать“, время становится все строже, требует к себе напряженного внимания, возлагает на советского писателя обязанность смотреть „в оба глаза“.

У нас, в государстве рабочих и крестьян, безработных нет, государству уже не хватает рабочих рук для строительства промышленности и новых форм жизни. У нас нет карманов, в которых бы прятались деньги, заработанные крестьянином или рабочим, — каждый заработанный рубль идет на покупку машин для колхозных полей, фабрик, заводов, для строительства рабочих поселков, переустройства старых городов, строения новых.

Каждый грамм золота, которое вы, товарищи, добудете в тайге нелегким трудом, пойдет на облегчение жизни рабочих и крестьян — единственных хозяев страны, на строительство таких ловцов стихийной энергии природы, как Днепрострой, Ангарстрой и т. д.

А „мамка“-то ошиблась, я ответил! Пусть она за эту ошибку оплатится: накормит вас особенно вкусным обедом. Вероятно, у вас ружья есть, дичь бьет? Вот, настреляйте рябчиков, а она вам жарит их.

Хорошо бы, товарищи, пообедать с вами...

Ну — ладно! Сердечный привет всем...

Крепко жму ваши лапы.“

«Самородная мука»

**Александр
ТАТАРИНЦЕВ**

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев воспроизводил слова одной крестьянки: «...Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы? — говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеейной муки.— Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже...»

Екатерина II, читая эту книгу с карандашом в руках, испещрила ее замечаниями, «обличая» автора в домислах и пытаясь доказать, что «лучшее судьбы наших крестьян... нет во всей вселенной». Прославляя собственное правление в письмах европейским корреспондентам (в том числе и Вольтеру), она утверждала, что с некоторых пор русские крестьяне стали предпочитать надоевшую им курятину индюшатине. Спустя три года после ее вступления на престол было создано Вольное экономическое общество, охотно принимавшее и публиковавшее сочинения, убеждавшие читателей в том же. Факты, противоречившие этой легенде, старательно замалчивались.

В начале марта 1785 года горный мастер Ланг, объезжая рудники Кунгурского уезда, близ деревни Шедейка обнаружил «муку белой глины», которую «жители той округи за недостатком хлеба употребляют в пищу». Захватив с собой «некоторое количество как глиняной муки, так и самого хлеба», Ланг по возвращении из поездки «сам испек из оной два хлеба, смешав ее с настоящею мукою», и доложил обо всем капитан-исправнику Буткевичу. Тот, в свою очередь, отрапортовал в Пермское наместническое правление, отправив туда «как сию муку, так и глину, из

которой она толчена, в предосторожность, чтоб торгующие хлебом для прибытка не смешивали ее с настоящею мукою». Рапорт был препровожден в Пермскую казенную палату, которая, спустя год, направила соответствующее донесение в Сенат, указав, что «в 1785 году крестьяне по причине крайнего недостатка в хлебе, мешали с мукою песок и разные былия», то есть траву. Тут же сообщалось о принятых мерах. Для оказания «помощи» голодающим в Кунгурский уезд был послан «директор домоводства», который, по его словам, «склонил... зажиточных крестьян к пропитанию бедных до новой жатвы». С целью уменьшения расходов домашнего хлеба он приказал «лишних людей разослать на заводские работы и на Дедюховские соляные промыслы».

Выполняя эту миссию, «директор домоводства» выяснил, что у верхотурских купцов «хранилось закупочного хлеба до 4000 пудов», который они придерживали для «возвышения цен». Через местный магистрат им было предложено продавать хлеб по такой цене, которая бы «и для торгующих была безобидна, и для покупающих не отяготительна».

«Директор домоводства» в своем рапорте умолчал о том, что голодающие крестьяне вообще не могли купить хлеб, какую бы цену за него ни назначили, а должны были брать его на кабальных условиях. Капитан-исправник Буткевич в своем «доношении» в Сенат тоже не обмолвился об этом ни словом. Впрочем, господа сенаторы тоже не разумели голодных. Положение ничуть не изменилось и на следующий год. Крестьянам оставалось надеяться на глиняный хлеб.

29 мая 1787 года пермский вице-

губернатор И. М. Барнаволоков обратился с письмом в Вольное экономическое общество, уведомляя «ученых мужей» о том, что «жители разных округов Пермского наместничества до такой крайности доведены были недостатком хлеба... что принуждены были мешать в муку некоторый род глины, называемый ими самими самородною мукою».

Не известно, сочли ли члены общества самородную муку съедобной, но участь крестьян и десятилетия спустя не улучшалась.

А. Н. Радищев, проезжавший через эти места в 1790 и 1797 годах, в своих дневниках не раз отмечал факты невыразимых бедствий и бесправия народа. Избавление он видел в будущем, через «целое столетие».

ВЕРСТЫ ВСАДНИКОВ

**Виктор
ХАРИТОНОВ**

Потребность в верховых лошадях, обладающих силой и выносливостью, резвостью и красивой осанкой, всегда была. Она обуславливалась многими причинами. Военной необходимостью. Тяжелым состоянием дорог. Бытовавшим среди русской знати церемониалом парадных выездов. Спортивным интересом... Разрешение, данное еще Петром I для «имеющих охоту бегать на резвых лошадях и в запуски в заклад», впоследствии было широко использовано в денежных сделках — пари и для игры в тотализатор на скачках и бегах.

Во второй половине XVIII века, по примеру западных стран, в больших российских городах организуются различные турниры и состязания, в которых показывалась красота лошади, ее выездность, точность движений, искусство и удаль наездника. Одним из первых таких мероприятий стали «Рыцарские карусели» в Петербурге в 1766 году. В программу их входили бои в конном строю на копьях и палицах, фигурная езда, кадрили под музыку. С 1872 года в Красном Селе проводятся скачки с препятствиями — стилл-чез, а затем пяти- и двадцатипятиверстные скачки по сильно пересеченной местности. К видам конного спорта относились и дальние пробеги, ставившие целью испытание лошади на скорость и выносливость, подготовленность всадника к длительным переходам верхом.

Первую страницу летописи дальних конных пробегов открыл корнет 26-го Бугского драгунского полка Михаил Васильевич Асеев. По собственной инициативе, во время отпуска, кавалерист совершил небывалый по тому времени конный поход из города Лубны бывшей Полтавской губернии через Киев до Парижа. Весь путь — 2633 километра — он преодолел за 33 дня, пробыв в седле 339 часов 45 минут.

Пробег проводился по туркменскому обычаю «о двуконь» — на двух лошадях: кобыле англо-донской породы Диане, на которой Асеев нес службу, и ремонтной кобыле Влаге, купленной им для похода на собственные сбережения. Одна из лошадей шла под всадником, другая неслась поклажу, и так попеременно.

Вначале Асеев, не имея предварительной тренировки, преодолел за день лишь 45 верст; позже довел скорость продвижения до 108 верст в день. Интересно отметить, что лошади, кованные русским способом (кругом — на четыре ноги, обычно тяжелой армейской подковкой с шипами), прошли без перековки 1300 верст, в то время как заграничнойковки хватало только на 600 верст пути...

В ту пору в Париже проходила всемирная выставка, и М. В. Асеев стал одним из популярнейших героев дня. В 250 иностранных журналах публиковались восторженные отзывы о путешествии русского офицера. Конный пробег Лубны — Киев — Париж получил международную известность и нашел активных последователей.

Среди ряда конных пробегов, состоявшихся в конце XIX века, наибольший интерес представляет пробег казачки Александры Кудашевой в 1910—1911 годах из Харбина в Петербург. Решиться на подобное могла только женщина твердого характера, хорошо тренированная, владевшая отлично навыками верховой езды. Такой и была Александра Герасимовна Кудашева, вдова войскового старшины. Вместе с мужем делала она тяготы походной жизни казачьего войска; а за участие в русско-японской войне была награждена медалью...

Отвесив глубокий поклон провожающим, она со своим верным иномходцем Монголиком отправилась в путь, по походному обычаю налегке. Одета по-мужски — в черкесску, шаровары, сапоги и теплую папаху, она чувствовала себя свободно и уверенно. На случай обороны и защиты от диких зверей были револьвер и охотничий кинжал. Необходимые вещи и запас продуктов уложены в дорожном вьюке и крепко приторочены к седлу.

Отважная казачка год провела в пути. Прошла через мрачную тайгу и лесные чащобы, болота и пыльные степи, горные вершины и бурные реки, через лето, осень и зиму... Как бы ни уставала, всегда соблюдала строгий закон конников: прежде чем отдыхать, почисти и накорми коня... Добравшись до Москвы после изнурительного зимнего пути, она не

сделала долгого отдыха и направила своего иноходца по петербургскому шоссе, к конечному пункту путешествия.

Жители Петербурга с изумлением смотрели на амазонку, проехавшую 9000 верст из далекой Манчжурии до западной границы России.

С развитием мотоциклетного, автомобильного, самолетного и других видов передвижения потребность в конном поголовье несколько снизилась. Империалистическая и гражданская войны уничтожили миллионы лошадей многих ценнейших пород. Но лошадь была и будет...

Легендарный 700-километровый рейд Первой Конной армии по тылам деникинской белогвардейской армии и 1000-километровый поход с Северного Кавказа на Украину для ликвидации войск белопопанской Польши навечно записаны в историю конни-

цы как беспримерные переходы огромных конных масс на большие дистанции.

В отличие от малочисленных аристократических клубов, культивировавших конный спорт ради забавы и лишь увеличивавших капиталы коннозаводчиков и владельцев ипподромов, конный спорт в Советском Союзе стал подлинно массовым. Конные состязания и национальные игры получили законное признание и остаются любимыми видами спортивной борьбы на праздниках народов Средней Азии, Закавказья и ряда областей Российской Федерации.

Советский конный спорт ведет родословную с 1923 года — с организации соревнований конников Красной Армии. В конноспортивных мероприятиях стали участвовать сотни «гражданских» спортсменов. С каждым годом расширялась и усложня-

лась программа различных соревнований и чемпионатов. Широкое распространение получили скоростные и дистанционные пробеги: на «классическую» дистанцию — 50 и 100 километров, одиночные и групповые — на длинное расстояние.

Одним из самых грандиозных считается конный пробег по маршруту Ашхабад — Москва, совершенный в 1935 году туркменскими конниками. Сотни трудных километров по сыпучим пескам безводной пустыни Кара-Кум, по толким болотам нижнего течения Аму-дарьи и диким просторам Усть-Урта прошли всадники, совершив беспримерный групповой конный переход, подобных которому еще не было в мире.

СПОРТИВНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Дальние конные переходы

- 1889 год, 16 апреля. Спортсмен-кавалерист М. В. Асеев проехал путь из Лубны, через Киев, в Париж. Совершен первый в истории отечественного конного спорта пробег.
- 1889 год, 7 ноября —
1890 год, 19 мая. Более полугода продолжался конный переход Благовещенск — Москва — Петербург сотника амурского казачьего войска Дмитрия Николаевича Пешкова. Дистанцию в 8283 версты он прошел, пробираясь по сыпучим снегам, в бураны и при 40-градусном морозе.
- 1895 год. Сотник Кенике проехал на коне из Петербурга в Читу за 112 дней.
- 1910 год, 2 мая —
1911 год. Выдающийся конный переход из Харбина в Петербург, совершенный женщиной. Казачка А. Г. Кудашева преодолела 9000 верст пути.
- 1919 год, 29 июля. В Ростове-на-Дону закончился звездный переход слушателей кавалерийских курсов во главе с М. Ф. Моисеевым-Черкасским. При 39-градусной жаре пройдено 1200 километров за рекордное время — 201 час.
- 1922—1923 гг. Пробеги на 450 километров из Ростова-на-Дону в Харьков и на 100 километров. Среди 36 участников были К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.
- 1928 год, 10 июля. Состоялся финиш кавалерийского дальнего пробега по маршруту Ленинград — Харьков. Спортсмены-динамовцы за девятнадцать дней преодолели свыше 1500 километров.
- 1935 год. Семь жен командиров-пограничников совершили конный пробег с финской границы до Москвы. Десять ходовых дней, 900 километров.
- 1935 год. Двадцать пять девушек-колхозниц из Средней Азии проехали 600-километровую дистанцию, пролежавшую по пескам Кара-Кум, и финишировали в Ашхабаде.
- 1935 год, 30 мая —
22 августа. Красная площадь встретила туркменских колхозников — участников грандиозного конного пробега по маршруту Ашхабад — Москва. 4300 километров, 83 ходовых дня.
- 1935—1936 гг. Интернациональный отряд физкультурников — таджиков, узбеков, русских, украинцев, казахов, туркменов и киргизов — совершили конно-спортивный поход по республикам Средней Азии. Политруком похода был национальный герой таджикского народа Карахан Сардаров.
- 1936 год, 8 — 27 июля. Студенческий конный отряд Харьковского механико-машиностроительного института повторил путь Первой Конной армии. 700 километров пути, по маршруту: Харьков — Берислав — Каховка — через Днепр — Турецкий перевал — Перекоп — Армянск. Командиром похода был комсорг института Андрей Витрук, а комиссаром — студент Михаил Семко, ныне ректор института, профессор.

Плавающие острова

Черное — так неласково называют это озеро, большая часть которого находится в Тюменской области, а меньшая — в Курганской. Озеро Черное — удивительный памятник природы. Здесь обитает самая северная в нашей стране колония кудрявых пеликанов. Живут на Черном и веселые бакланы, серебристые чайки, прозванные в

народе мартынами. Эти пронырливые птицы успевают украсть добычу, пока рыбаки тянут сеть — буквально из-под носа.

На озере — тысячи плавучих островков-лабз, поросших двухметровым тростником. Многие из них покрыты тальником, а некоторые даже молодыми березами. Издали кажется, что

березы растут прямо на воде.

Острова-лабзы от ветров постоянно кочуют и все время меняют ландшафт озера. Обитатели островков — а селятся здесь и любительницы березовых колков иволги и серые вороны, и скворцы — путешествуют на лабзах, порой переезжая из одной области в другую.

«Малая Сосьва»

Так называется государственный заповедник, который создан в Тюменской области. Его площадь более 90 тысяч гектаров.

В заповеднике обитают соболь и бурый медведь, дикий северный олень и лось, ондатра и выдра, рысь и другие ценные пушные звери. Пернатое население представлено глухарем, тетеревом, рябчиком, многими видами водоплавающих. Рыба — хариус и сырок, знаменитая сосьвинская сельдь, тугун, язь, карась, окунь, щука... Большую ценность представляет самая северная в Азии колония речных бобров.

Вокруг заповедника выделена десятикилометровая охранная зона, в которой запрещена всякая охота.

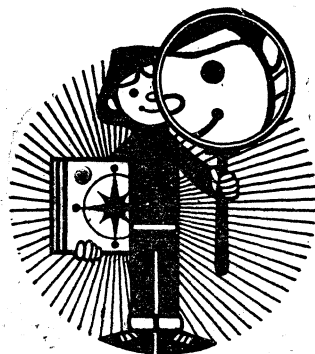
Заповедник «Малая Сосьва» первый в Тюменской области и тридцать девятый в Российской Федерации.

Ю. РЯБОВ

Новогоднее интервью
— Как Вам удалось уцелеть?

Рисунок М. Ибрагимова
(с. Левашин)

МИР

НА ЛАДОНИ

Страна под стеклом

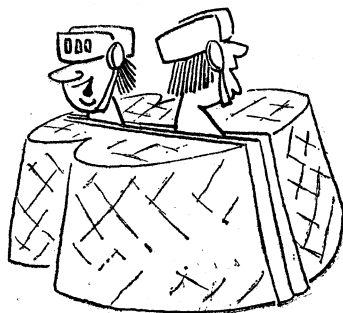
Когда в капиталистическом мире разразился энергетический кризис, исландцы переживали меньше всех. И хотя в стране нет собственной нефти и угля, зато есть практически вечный источник энергии — тепло земных недр.

Более половины всего населения живет в домах, отапливаемых горячей водой. Исландцы гордятся, что их столица Рейкьявик занимает одно из первых мест среди городов мира по чистоте воздуха, в Рейкьявике

нет ни одной трубы, выпускающей в небо дым.

Горячая природная вода — ее температура достигает в некоторых источниках 100 градусов, а в каждую секунду изливается около 300 литров — позволила решить проблему снабжения населения свежими овощами круглый год.

Теплицы здесь буквально на каждом шагу. Многие тысячи квадратных метров поверхности земли в Исландии покрыто... стеклом.

— Голов не будет!

Рисунок М. Ибрагимова
(с. Леваши)

Очки... от бессонницы

Немало людей страдает бессонницей. А употребление снотворного в больших дозах нередко приводит к расстройству нервной системы.

Радиоинженеры из ФРГ для борьбы с бессонницей сконструировали электронный прибор. Он напоминает солнцезащитные очки. Стоит их надеть, как человек погружается в глубокий сон.

Как действуют очки?

Электроды при надевании очков прикасаются к векам. Как только включают прибор, в них поступает ток от небольшого генератора. Слабые импульсы воздействуют на нервные центры, управляющие сном.

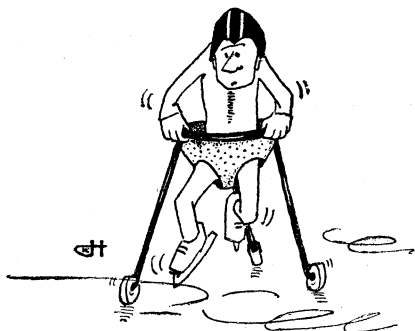

Рисунок Н. Крутикова
(г. Свердловск)

Рисунок В. Милейко
(г. Ленинград)

Гибралтарская крыша

В Европе нет пустынь, однако есть места, где о воде говорят так, как в знойной Сахаре. Одно из этих мест — Гибралтар.

Гибралтарская скала, сложенная из плотных известняков, совершенно лишена грунтовых вод.

Всякий человек, попадающий в Гибралтар, удивляется огромному сооружению: что-то вроде крутой односкатной крыши из рифленого железа, опирающейся одним концом в утесы.

Это — водосборник площадью 9,7 гектара. Он улавливает дожди и росы, выпадающие на этом клочке суши. С рифленых листов вода стекает в бетонированные траншеи, а затем по водостокам — в подземный резервуар.

Размеры этого бассейна таковы, что для его обслуживания персонал пользуется специальной подземной железной дорогой.

На Обсерваторской горке

В летописях Руси IX—X веков уже имеются сведения о чрезвычайных явлениях погоды — наводнениях, засухах. Начало инструментальных метеорологических наблюдений на Урале (в Екатеринбурге) связано с Великой северной экспедицией под руководством Беринга. Первые недели 1734 года наблюдения в Екатеринбурге вел участник этой экспедиции академик Гмелин.

В 1833 году была учреждена в Екатеринбурге магнитно-метеорологическая обсерватория.

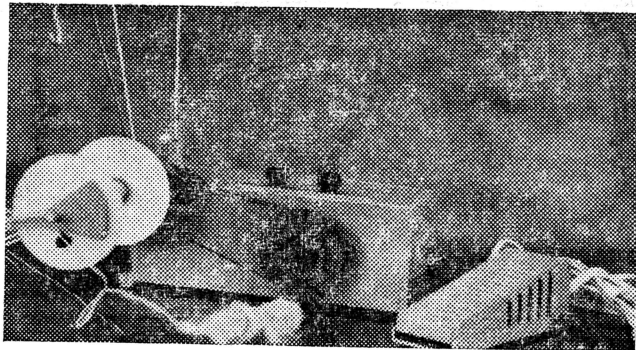
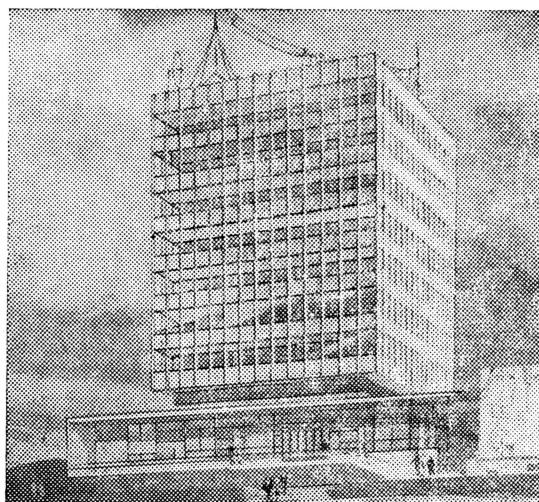
В конце 1835 года на вершине холма, господствующего над территорией города, были построены «сходно плана, не употребляя малейше железных гвоздей и прочего железа, не токмо для строения, но и на вымостки», два небольших деревянных здания обсерватории. К этому времени из Штаба корпуса горных инженеров прибыла первая партия научных приборов. А 1 января 1836 года в обсерватории были начаты наблюдения.

В 1849 году обсерватория стала филиалом Главной физической обсерватории,

учрежденной в Петербурге. Впоследствии здесь были развернуты исследования интенсивности солнечной радиации. В конце 1906 года были установлены высокочувствительные приборы, которые регистрировали колебания земной коры от основных сейсмических очагов (Курильские острова, Япония). Самая значительная работа обсерватории за дореволюционный период: «О суточном ходе погоды в г. Екатеринбурге, о температуре почвы, ветровом режиме, теплопроводности снега и его плотности и др.» Уже в советское время накопленный обсерваторией многолетний материал по климату, режиму рек, озер Урала использовался при строительстве гигантов промышленности первых пятилеток: Магнитогорского металлургического комбината, Уралмаша, Уралвагонзавода.

Скоро на Обсерваторской горке будет построено новое высотное здание гидрометцентра, где и разместится старейшая на Урале обсерватория.

Н. ПОДГАЙСКИЙ,
метеоролог.

Электропрялка

Этот новый бытовой электроприбор получит, надо полагать, широкое применение. Включил его в сеть, нажал на педаль — и пряди себе шерсть или ходовое те- перь синтетическое волокно.

Электропрялки, что начал выпускать Челябинский завод «Теплоприбор», — не чета старинной прялке или бабушкиному веретену. Здесь скорости вращения шкива космические — 550, 690 и 840 оборотов в минуту. И весит прялка XX века немного — 4,5 килограмма, и расходует энергии на гроши — мотор у нее мощностью 16 ватт.

На снимке: электропрялка.

Бухта Песчаная

— Бухта Песчаная! А вон — колокольни — Малая и Большая!

Все пассажиры столпились на борту теплохода «Комсомолец».

За пять суток «Комсомолец» успевает обойти все озеро и вернуться в порт Байкал, где его всегда ждут пассажиры. Среди них много туристов. Конечно же, каждому свое: кому — экскурсия на теплоходе, а кому — сложный маршрут по тайге, по горам. Но бухту Песчаную знают, хотя побывать в ней все, даже те, кто здесь проездом.

К бухте «Комсомолец» подходит вечером. Чуть штормит. Солнце прячется за силуэты гор, и мы видим белеющие в сумерках утесы — знаменитые Коло-

кольни. Где-то в их объятиях — бухта Песчаная. Спускается шлюпка — и первая партия туристов направляется к берегу.

На берегу удивительно тихо, только волны накачиваются по инерции, уже не гневные, а усталые. Где-то ветер гонит тучи, волны, а здесь — как в теплой избе за надежными стенами.

В туристском путеводителе написано: «Бухта защищена от холодных ветров, вследствие чего температура воздуха здесь намного выше, чем на других участках побережья Байкала». Да, пожалуй, здесь гораздо теплее.

Фото Василия СОНЯКА ▶

Златогоровское узорочье

В поселке Белоярском Свердловской области сохранился домик конца XVII — начала XVIII века. На наличниках его — незатейливый, но красивый узор.

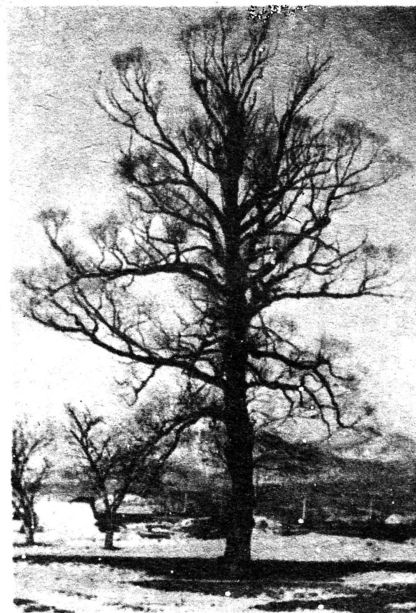
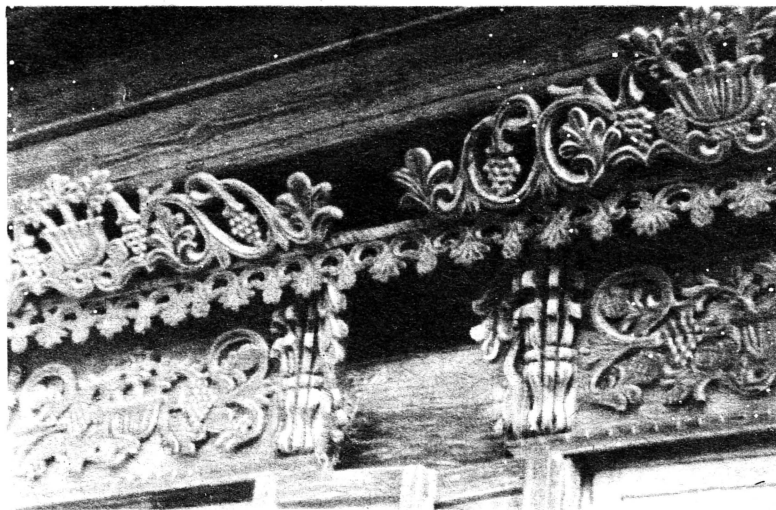
Есть домики такого почтенного возраста и в деревне Златогоровой. И на каждом наличнике свой, отличный от других, узор.

Первым златогоровским мастером деревянных кружев был Павел Климентьевич Седунов. Резать наличники он научил плотников Павла Дорофеевича Гаева и Антона Никитича Неуймина.

Седуновское искусство продолжают сейчас Григорий Никифорович Скобелин и Павел Петрович Кожевников. Домик-теремок Кожевникова на Каменск-Уральском тракте сияет причудливой резьбой и радугой всевозможных красок. Мимо него не пройдет, не залюбуясь, ни один прохожий.

На снимке: наличник работы П. К. Седунова.

Фото В. Коротких

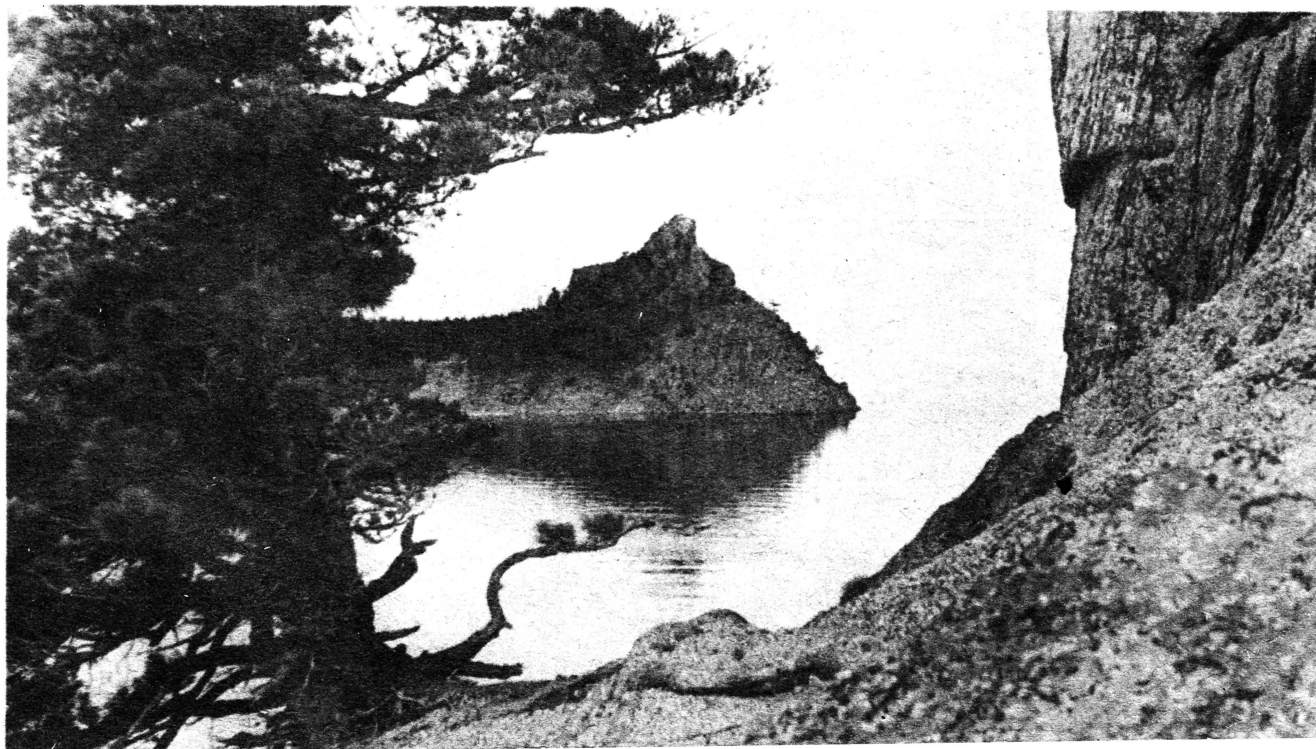

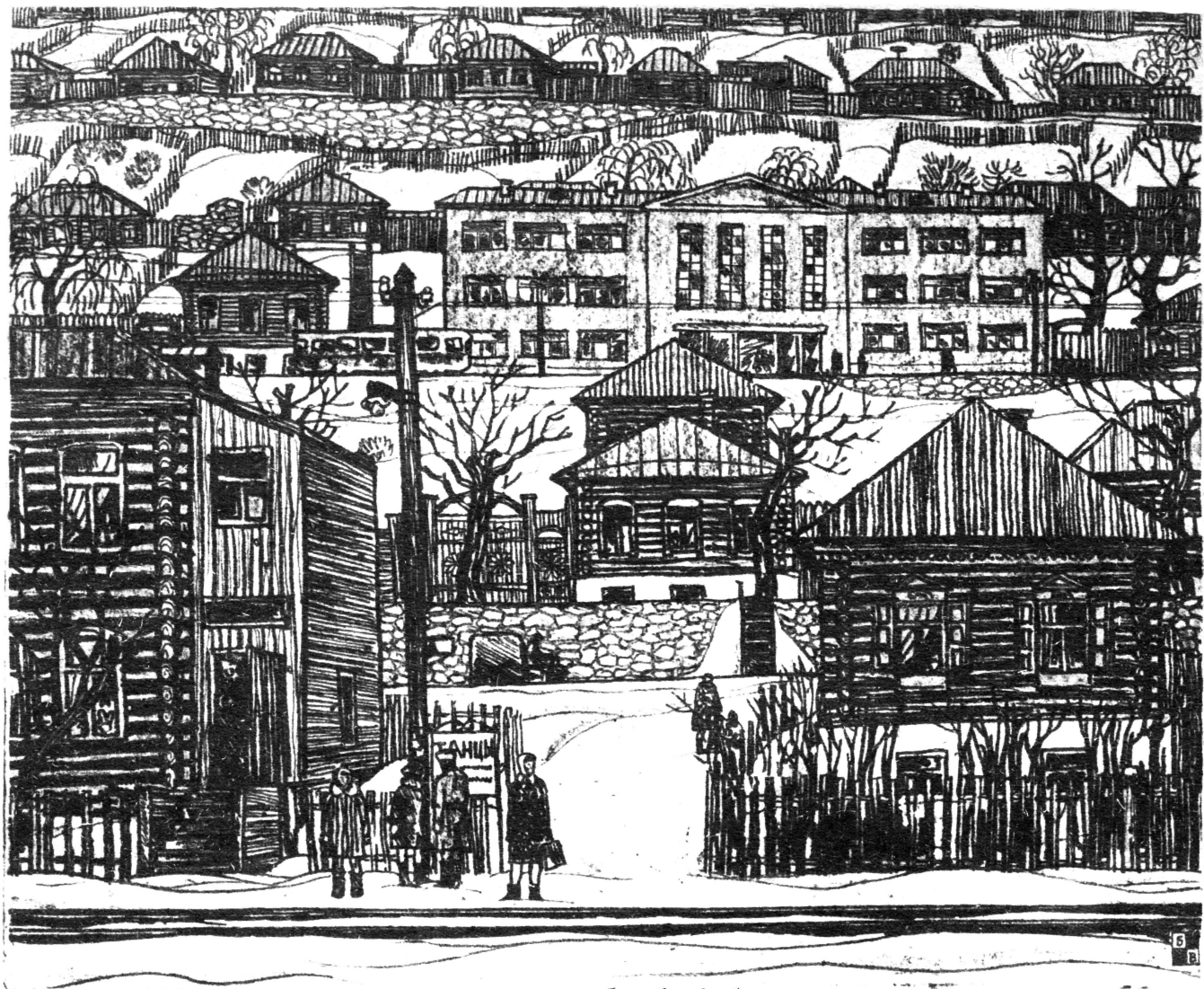
Чозения

Чозения — из породы лиственных. Она растет только в Приморском и Хабаровском краях. Обычно встречается в поймах рек, быстро растет. Чозения — медоносное дерево. А если из него сделать сруб колодца, то он будет долговечен и в нем будет всегда очень чистая вода.

Крупные экземпляры чозении встречаются очень редко. А вот в селе Лазе (Приморский край) деревьев-великанов чозении около десяти. Особенно выделяются размерами три.

Фото И. Шиманского

В СТАРОМ ГОРОДЕ. Офорт.
ВЛ. БУБНОВ, г. Челябинск

...Свенцыцкий вдруг хватает банник и, не говоря ни слова, ныряет в кусты. Забегает перед пушкой, на глазах у немцев опускает банник в ствол и начинает выбивать

снаряд. Немцы открывают беспорядочную стрельбу по человеку, который, очевидно, сошел с ума и исполняет какой-то дикий танец между кустов...

**РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА ШАЛИМОВА «НЕКАЛИБРОВАННЫЙ СНАРЯД»
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА**